

И. Л. МИНИНЗОН

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО НАТУРАЛИСТА

НИЖНИЙ НОВГОРОД

2015

СОДЕРЖАНИЕ:

Вместо	предисловия:	Случай	на	границе
4				
I.	Тайны	Ботанического		сада
8				
Заколдованное				место
8				
Альпийская				горка
10				
Трясина				
12				
Исчезнувший				браконьер
15				
Зверолов				
18				
Мониторинг				
21				
Лозоходцы				
25				
Черный				лес
27				
Смотритель				оранжереи
30				
II.	По	весям	Нижегородского	края.
34				
Фермер				
34				
		Анютины		глазки
36				
Ветровал				
40				

Веточка			восковника
42			
Лес			рубят...
46			
Убрать			конкурента
49			
Дворянское			гнездо
52			
Голубок		и	голубка
56			
Деревенский			мастер
59			
Отец			Евгений
63			
Детский		экологический	лагерь
66			
Пришелец		из	космоса
69			
Привидение			
74			
III.	На	городских	перекрестках
78			
Траншея			
78			
Подземная			речка
81			
Зеленая			стена
85			
Трагедия		лесного	озера
87			
Речной			остров
91			
Биоиндикация			
93			

Бермудский 97	4				треугольник
Пикет 99		у			завода
Пикник 103		на			обочине
Зона 107					отчуждения
Чудо 110		-			дерево
Зуб 113					мудрости
IV. 119	На	конференциях	и		совещаниях.
Мутант 119					
Случай 122		на			биостанции
Леший 125					
Общественная 129					экспертиза
Волна 133					численности
V. 137	В	университете,	в	школе,	в ресторане...
Дерево-людоед 137					
Таракан 140					
Кража 143		со			взломом
Экзамен 146		по			математике

	5			
Кот	и			лиса
150				
Случай	в			гербарии
153				
Виварий				
157				
VI.	Загадки			прошлого.
161				
Дело купца Маслова				
161				
Дорога никуда				
164				
Гибель				парка
169				
Происшествие	в			Арзамасе
172				
Пропавшая				экспедиция
176				
Вместо заключения:	История	одного		браконьера
181				

В МЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: СЛУЧАЙ НА ГРАНИЦЕ.

Насколько я себя помню, уже лет с двенадцати я любил, - чаще всего в одиночку, ибо со сверстниками сходился плохо, - бродить по моему родному городу Богородску, любуясь его старинными прудами, живописными

усадьбами, а также по окрестным лесам, полям и лугам. Позднее я совершенно естественно перешел к собиранию гербария, чтению биологической и географической литературы и это увлечение природой привело меня на биофак университета, где я учился с увлечением, мысля себя профессиональным натуралистом. В студенческие годы я исходил вдоль и поперек не только Богородский район, но и все ближние окрестности Горького, набираясь впечатлений о растительном мире, гидрографии, рельефе и геологии, и если бы обращал внимание только на природу, то предлагаемые вашему вниманию «Воспоминания старого натуралиста» имели бы классический вид, представляя собой рассказы о встреченных интересных природных объектах и явлениях (повторяю, что, будучи с детства человеком необщительным, я людей избегал, предпочитая быть наедине с природой). Однако когда я после окончания университета вступил в военную службу, не только жизнь и судьба, но и мое мировоззрение коренным образом изменились, особенно после одного случая на юго-восточной границе.

Направлен я был в Краснознаменный Дальневосточный военный округ и, после окончания ускоренного курса в Дальневосточном высшем общевойсковом командном училище, был назначен командиром пулеметного взвода в укрепрайон, недалеко от устья Сунгари. Немного освоившись, я принялся изучать местную флору, совершая экскурсии в долине Амура, чаще всего в сопровождении своих солдат и сержантов.

Командир пулеметной роты старший лейтенант Кулинин был этим очень доволен. «Чем по городу шляться и сомнительные знакомства заводить, пусть они лучше с вами в выходные дни на природе побудут. Я попрошу, чтобы продуктов вам подбросили: костерок разложите, картошку испечете, чаю с травками попьете. Заодно и о природе вы с ними беседу проведете», - сказал он мне. Определителя растений, у меня, правда, не было и это сильно затрудняло дело.

В ту пору обстановка на китайской границе была очень напряженной и артиллерийско - пулеметные батальоны укрепрайонов постоянно высылали к границе дежурные взводы в полной боевой готовности, а однажды был выслан усиленный отряд под командованием Кулинина. Я был начальником патрульной службы, контролируя пешие патрули; с некоторыми из них я отправлялся к границе сам.

И вот однажды, в сопровождении трех солдат, я обходил участок границы и, уже возвращаясь в казарму дежурного подразделения, заметил в кустах у дороги средних лет мужчину, гербаризировавшего местную флору. Я подошел к нему и попросил предъявить документы. Мужчина тотчас же вынул из кармана куртки паспорт и в нем вложенное разрешение старшему преподавателю кафедры ботаники Хабаровского пединститута Уфрутову А.Б. на посещение пограничной зоны в районе села ...ое. Для нахождения на территории укрепрайона этого было недостаточно и я попросил ботаника прибыть вместе с нами в казарму. По пути я разговорился с ним и посетовал, что мне, прибывшему в эти края из европейской России, и не имевшему определителя, трудно заниматься флористикой и старший преподаватель заверил меня, что в определении растений мне поможет.

Кулинин встретил задерженного вежливо, сказал, что нарушение небольшое и формальности быстро уладятся и попросил только выложить на стол для досмотра содержимое его карманов и полевой сумки, а также гербарной папки. Паспорт ботаника он отдал старшине Захарову и попросил его как можно быстрее созвониться с райотделом милиции, чтобы удостовериться, что наш визитер у них зарегистрирован.

Меж тем старший преподаватель выложил на стол записную книжку, полевой дневник, аптечку, перочинный нож, компас, два карандаша, шариковую ручку, схему местности, пачку печенья, ключи, кошелек, лупу и краткий определитель растений Приамурья. В ботанической папке у него оказались ветки древесных и кустарниковых пород.

Кулинин внимательно все осмотрел, вернул ботанику и попросил его помочь мне в определении растений, которые я собрал на боевом дежурстве. Пока старший преподаватель писал на полевых этикетках названия растений, вернулся старшина Захаров и громко объявил, что все в порядке, нужно только съездить в ближайшую деревню, поставить на погранзаставе штамп на разрешение.

- В благодарность за труды и в награду за причиненное беспокойство, прошу выпить чаю с солдатскими галетами, а тем временем прибудет машина и отвезет вас с комфортом, - объявил Кулинин старшему преподавателю.

Через полчаса за окном раздался гудок, старший преподаватель попрощался с нами, извинился за причиненные хлопоты, обещал более не нарушать режим пограничной зоны и пожелал мне успехов в ботанике.

- Ну вот, дня через два будет ясно, кто он таков на самом деле. Я приказал старшине сдать его в погранотряд. Он явно не тот, за которого себя выдает! – сказал старший лейтенант.

- А что вы обнаружили подозрительного? – изумился я. – Документы у него в порядке, разве что по недоразумению в зону укрепрайона по оплошности забрел без специального разрешения. Вещи тоже подозрения не вызывают. Типичный ботаник, одним словом. Да к тому же достаточно высокой квалификации.

- Я и не сомневаюсь, что флору он знает хорошо, а все же это не профессиональный ботаник! Вам ничего в его снаряжении не показалось подозрительным?

Я лихорадочно перебирал в памяти впечатления от его вещей, но ничего подозрительного для себя не обнаружил.

- Не думал я, что вы, профессиональный натуралист, окажетесь таким не наблюдательным! А все оттого, что не привыкли присматриваться к людям. Я мог бы сразу вам объяснить, в чем дело, но давайте подождем два дня. Может быть, за это время вы и сами догадаетесь.

Через два дня, когда я вернулся из очередного патрулирования границе, ко мне подошел сияющий Кулинин и выпалил:

- Полный порядок! Он оказался китайским шпионом и им занимается КГБ. Нас с вами ждет благодарность от командира части, поздравляю! А, кстати, вы не догадались, в чем дело?

- Никак нет, товарищ старший лейтенант! Сдаюсь! Объясните мне, пожалуйста!

Кулинин со снисходительной усмешкой посмотрел на меня и нарочито медленно проговаривая, сказал:

- Вы, когда гербаризируете, закладываете в папку вместе с растением листочек бумажки, где пишете, когда нашли, а еще указываете, где и в каких экологических условиях произрастает это растение. Вы сами мне еще говорили, что без такого листка бумажки, полевой этикетки, сборы имеют сомнительную научную ценность. Так вот у него полевых этикеток не было вовсе, даже запаса их не было! И еще: я просмотрел полевой его дневник,

так там указана погода и ничего больше! Разве это полевой дневник ботаника!?

...История эта имела продолжение. Месяца через три Кулинин уехал в Хабаровск на сборы командиров рот укрепрайонов, а когда вернулся оттуда, привез мне в подарок купленный в букинистическом магазине определитель древесно-кустарниковых пород Дальнего Востока. На книге он написал следующее.

«Моему боевому другу на память о совместной службе». А ниже: «Дорогой Илья Львович! Интересуюсь растительным миром, обращай внимание и на людей! Уверяю, что это не менее увлекательное занятие!»

С тех пор, экскурсируя по лесам, лугам, паркам, я пользовался каждым удобным случаем, чтобы побеседовать с местными жителями, с местными работниками. У меня словно открылись глаза и я стал замечать то, что, будучи по-прежнему «чистым ботаником», ни за что бы не увидел. Я понял, что в природе много интересного, но еще интереснее бывают судьбы людские. Более того, многое в тайнах природы связано с тайнами людских судеб. Особенно это оказалось справедливым в отношении территории и ближних окрестностей учреждения, где я служу уже свыше четверти века – Ботанического сада Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского. Истории, случившиеся здесь и составляют первую часть моих записок. Само собой разумеется, что в этих, как и в последующих очерках, я изменил некоторые имена людей, а, отчасти, даже наименования учреждений, чтобы не смущать живущих и не тревожить память умерших героев моих очерков. В ряде случаев пришлось даже несколько изменить географические названия и время событий. Впрочем, я надеюсь, что внимательный читатель сможет разобраться, где – подробный пересказ событий, а где – художественное осмысление действительности, в ряде случаев совершенно необходимое при анализе ситуаций, где достоверные данные весьма немногочисленны.

* * *

Эти очерки под общим названием «Судьба», «Экологический детектив», «Записки натуралиста» печатались в девяностых годах в ряде местных газет под псевдонимами. Готовя их для сборника, я многие из них переработал.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Г.И.Мартынову, Ю.И.Мининзона, В.И.Мининзона за помощь в компьютерном наборе текста.

I. Т А Й Н Ы Б О Т А Н И Ч Е С К О Г О С А Д А.

Ботанический сад Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского, где служит автор этих строк, расположен в идиллическом и тихом месте - на городской окраине, за тишайшим поселком Дубенки, на опушке и в глубине дубравы. Миром и спокойствием дышит здесь все. Но это спокойствие - только кажущееся. Никуда не уйдешь, нигде не спрячешься от нашего жестокого мира. Много таинственных, а подчас и откровенно

криминальных историй связано с Ботаническим садом и его окрестностями. Отчасти свидетелем этих историй был автор этих строк, о других ему рассказали ветераны сада и старожилы поселка Дубенки. Эти рассказы с успехом используются автором на экскурсиях по саду со школьниками и студентами.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МЕСТО.

Когда основателем Ботанического сада профессором Нижегородского университета Сергеем Сергеевичем Станковым было выбрано подходящее для сада место, оно оказалось в пользовании колхоза деревни Дубенки. По действующим в те времена правилам для отвода земли нужно было получить разрешение его владельцев и тут ожидали больших затруднений, ибо земля эта интенсивно использовалась под выгон, пастбища, поля и огороды. А лесок, где позднее организовали эталонную дубраву, служил дубенковцам источником кольев, жердей, древесины и орехов. Тем не менее, к удивлению Сергея Сергеевича, дубенковцы с легкостью и даже как будто с облегчением расстались со своими угодьями; разумеется, одна из причин была та, что их наделили такими же угодьями неподалеку. Но не это была главная причина.

Лет тридцать тому назад историю отвода земли под будущий Ботанический сад рассказал мне ветеран Ботанического сада, ныне покойный Н.П.Зернов, в свою очередь слышавший ее от другого ветерана сада и жителя Дубенок также покойного Б.П.Рудометова.

Корни этой истории уходят в 1918 год, когда из германского плена возвратился к себе на родину, в Дубенки местный житель Иван Яковлевич У. Приехал он не с пустыми руками и головой: в плену он работал в имении померанского помещика и автора многочисленных работ по агрономии и агрохимии К.Ф.В. фон Ягцева. Образованный помещик, имевший ученую степень доктора философии за работы по агрономической химии и читавший лекции по сельскому хозяйству в университете расположенного поблизости города, не мог нарадоваться на своего русского батрака, человека грамотного, сметливого, на удивление быстро освоившего немецкий язык и к

тому же работающего. Он не раз предлагал остаться у него в поместье навсегда, обещал дать ему образование, послав учиться за свой счет в местный университет и даже был согласен выдать за него свою племянницу, но Иван очень тосковал по оставшемуся на родине семейству. При расставании помещик-профессор снабдил Ивана новейшими химическими средствами, агрономической литературой и даже семенами, щедро расплатился с ним царскими червонцами и взял с него слово писать ему. С тем и расстались.

По приезде домой Иван Яковлевич на скопленные в плену средства купил лошадь, двух коров и рьяно взялся за хозяйство. Скоро земля ему стала тесна и он взял в аренду наделы безлошадных жителей этой деревни. Лозунг нэпа «Обогащайся!» как нельзя лучше подошел немецкому бауэру на русской почве. Вскоре он фактически стал владельцем большей части тех пашен и огородов, что впоследствии составили территорию Ботанического сада. Работал он от зари до зари...

На этом месте я прервал рассказ Николая Павловича Зернова. «Так он сам всю землю обрабатывал?», спросил я его. «Ну что вы! - ответил мне Николай Павлович, - Он, когда нужно, голытьбу звал на помощь. Люди ему и вспашут, и посеют. Он в последнее время, как говорил мне Борис Порфирьевич Рудометов, только управлением занимался, следил за работой, за соблюдением агротехники, закупал удобрения и тому подобное. И такого хозяина под корень извели!».

Да, пришла пора коллективизации и искоренения кулачества как класса. Ивана Яковлевича У. выселили куда-то в Урень и след его пропал. Оставшиеся представители его семейства отправились вместе с ним.

Обрадованные дубенковцы принялись распахивать надел экс-кулака и ждать больших урожаев, тем более что земли эти были как следует удобрены, да не тут-то было! Что ни посеют, ничего не вырастает. И тут только вспомнили последние слова Ивана Яковлевича, сказанные им, когда он садился в таратайку в сопровождении милиции: «Попомните мои слова: после меня земля будет пуста!». При расставании эти слова истолковали так, что других таких рачительных хозяев больше в Дубенках нет, и не будет. Ему еще крикнули вдогонку, что получают урожаи во много раз большие, чем у него, раз земля теперь общая, народная.

Теперь же жители дубенковского колхоза переполошились и отправили ходоков в краевой земельный комитет. Приехали агрономы, поковыряли землю, взяли пробы на анализ – и ничего подозрительного не обнаружили! Дубенковцы не сдались и пригласили профессора из сельхозинститута. Тот приехал в сопровождении ассистентов, лаборантов и студентов, взял землю на анализ – и тоже ничего не обнаружил! Форменное заколдованное место! Ужас объял руководство колхоза. Ведь земля эта у них числилась как особо плодородная, с нее и обязательные поставки были увеличенные, а тут – ни колоса, ни корнеплода! К счастью, профессору Станкову эта земля понравилась, и измученные дубенковцы с радостью подписали согласие на изъятие у них заколдованной земли.

«Так в чем же дело, Николай Павлович?» – спросил я Зернова. «Сейчас по прошествии четырех десятков лет трудно узнать причину, – ответил мне он. – Я лично думаю, не привез ли этот У. из Германии каких-нибудь химикатов и не посыпал ли ими землю при расставании. Немцы, они ведь в химии мастаки. Мне Борис Порфирьевич еще говорил, что за месяц до изгнания кулака, ему из Германии объемистая посылка пришла, с какими-то вроде-бы, удобрениями... а впрочем, дело темное...».

«Позвольте, Николай Павлович, – удивился я, – а как же посадки Ботанического сада на этой территории?!». «А никаких посадок там мы и не делали, – ответил он мне. – Земли этого кулака – тот самый эталонный луг от новой конторы до северной окраины. В первое время земля эта заросла бурьяном. Потом начался процесс олуговения, появились сеянцы берез и осин. Только относительно недавно мы посадили здесь липовую, ольховую и березовую аллеи, да отдельные деревья разных пород. И то приживались они с трудом, каждый почти год приходилось подсаживать новые взамен отмерших...».

Ветеран Ботанического сада умолк, смотря вдаль, где солнце садилось за кроны черной ольхи. Молчал и я, раздумывая о том, как, казалось бы, совершенно невероятные, фантастические события привели к организации сада.

А Л Ь П И Й С К А Я Г О Р К А .

Проводя экскурсантов по Ботаническому саду, я обязательно останавливаюсь возле альпийской горки, что к западу от конторы. Восхищенные пестрым колером цветущих растений, экскурсанты допытываются, трудно ли было насыпать ее, подобрать подходящие булыжники, которыми обложена горка, и бывают удивлены, когда узнают, что горка эта образовалась естественным путем и что раньше на месте холма была впадина. А все началось лет тридцать пять назад, когда директором сада был некто N, личность от ботаники далекая, но хваткий администратор. Зачем же его взяли на работу директором, спросите вы? Скажу честно: не знаю! Могу только высказать предположение, что человеком, некомпетентным в ботанике, руководству биологического факультета, которому подчинен сад, управлять легче, чем авторитетным специалистом. Вот ведь и после ухода с поста директора А.К.Ибрагимова, крупного ботаника, эколога и географа, его место заняли последовательно один за другим два дилетанта в ботанике...но ближе к делу!

Однажды директору сада донесли, что чересчур расплодилось вредители и нужно принимать меры, нужно закупить в большом количестве различные ядохимикаты, средства защиты растений. Удрученный этим известием, директор принялся жаловаться всем своим знакомым, в какую трудную ситуацию он попал. Не помню уж почему, но тогдашний декан биофака отказался подписать заявку на приобретение ядохимикатов в потребных количествах. В числе знакомых N был и тогдашний завхоз фармучилища, которого также одолевала проблема - куда девать отходы от лабораторных занятий по химии и фармакологии. Сначала эти отходы собирали в алюминиевую флягу, того типа, который используется под молоко. Потом заполненными до отказа оказались две фляги, потом четыре... стояли они в подвале фармучилища, и избавиться от них не было никакой возможности: ни одна организация не принимала их на переработку, слить же в канализацию, а тем более вылить куда-нибудь в укромное место завхоз не смел. Тогда он придумал ловкий ход: зная, что директора Ботанического сада одолевают вредители, предложил ему использовать отходы

фармучилища в качестве средств защиты растений. «Если уж для людей они вредны, то для насекомых и подавно!» - заявил он директору Ботанического сада и тот, будучи совершенно не компетентным в биологии, согласился. Четыре фляги привезли и поставили неподалеку от конторы в небольшой западинке. Узнав, чем собирается травить вредителей директор, сотрудники пришли в ужас и попытались доказать директору смехотворность его попытки, но потерпели неудачу. «Я директор и будьте добры выполнять все мои распоряжения!» - рявкнул N. Для начала он велел инженеру по защите растений вооружиться опрыскивателем и обработать обширную полосу земли около конторы, на что ушел целый бидон.

Был конец рабочего дня, когда появился сторож. Директор показал ему бидоны, стоявшие в западинке и попросил обратить на них особое внимание. «Не бойтесь, шеф! - бодро отрапортовал ему уже успевший приложиться сторож. - Все будет в порядке!». Сотрудники один за другим разошлись по домам. Сторож покормил собак, выкурил папироску, погулял по территории и подошел к бидонам. Он открыл крышку одного из них и учуял запах спирта, что и не удивительно, ибо лекарства как раз и делаются на спирту. Долго крепился сторож, но, наконец, не выдержал, сбегал за кружкой, нацедил из бидона и попробовал...что было дальше, покрыто мраком. По одной из версий, сторож от этого пойла помрачился рассудком и, откупорив бидоны, вылил их содержимое на землю, по другой версии напиток сторожу не понравился и в бешенстве он сделал то же самое. Как бы то ни было, пришедшие утром на работу сотрудники, увидели сторожа вдребезги пьяного, лежащего около опрокинутых бидонов. Это было еще пол беды, ужаснее было другое: участок, обработанный накануне, был весь покрыт телами мертвых птиц, насекомых, кротов и полевых мышей, а на месте западинки, куда поставили бидоны, возвышался бугор. Отчего это произошло, спросите вы, и я отвечу: дело в том, что в бидонах помимо прочих химикатов, находилась смесь различных кислот, употреблявшихся на лабораторных занятиях, а под почвой на глубине около четырех метров находится пласт карбонатных пород. Под действием кислот карбонаты начали разлагаться с выделением углекислого газа, напор которого и поднял землю.

На месте N любой другой директор по меньшей мере смутился бы, но наш герой извлек из этого двойную выгоду: во-первых, решил использовать бугор

как основание новой альпийской горки, во-вторых, припугнув завхоза фармучилища, добился, что во искупление вины (интересно, кто же виноват?!) фармучилище ежегодно присылало студенток производить в саду различные работы. Оформлялось же все это как производственная практика. Инженер по защите растений попыталась было поднять шум по поводу погибших птиц, зверей и насекомых, но директор напомнил ей, что опрыскивала она сама лично, а от факта приказа ей отперся. «То, что вы опрыскивали участок этой гадостью, видели все, а моего вам приказа не слышал никто!» – заявил он.

С тех пор прошло много лет. Отравленное поле постепенно оживало, на ней сначала начала расти трава, потом сотрудники выращивали там картошку и наконец, убедившись, что никто из них не умер и даже не заболел, здесь начали производить посадки различных декоративных культур. Альпийская же горка (студентки фармучилища ежегодно пропалывают ее, как и другие посева) неизменно радует глаз многочисленным экскурсантам и не подозревающим о тех невероятных событиях, которые и привели к ее появлению.

Т Р Я С И Н А.

В 1990 году руководство кафедры ботаники нашего пединститута попросило меня провести полевую практику с их студентами и я с радостью согласился. Каждое утро студенты приезжали ко мне в Ботанический сад, я проводил с ними занятия, а после обеденного перерыва они под моим же руководством задерживались на час помочь сотрудникам на плантациях. Им это засчитывалось как агрономическая практика. Я же в это время дремал в холодке в конторе.

Однажды, я по обыкновению подремывал в своей комнате, склонившись над гербарным листом (это называлось «Илья Львович размышляет над проблемами систематики высших растений!») и вдруг был разбужен криками почти что в самое ухо: «Проснитесь, у нас несчастье!». Я открыл глаза. Надо

мною стояли и немилосердно трясли меня Оля Гришатова и Ира Легошина. Сначала я подумал, что с кем-нибудь из девушек солнечный удар, но вскоре выяснилось, что с моими студентками ничего страшного не случилось и я, успокоившись, зашагал к плантации малины. По дороге Оля с Ирой, перебивая друг друга, рассказали следующее. Едва я, расставив девушек и объяснив им, что нужно делать, ушел в контору, раздались звуки музыки и на дорогу, что между плантацией и оградой сада, выехала «Волга». Оттуда вышли трое парней и, соблазненные видом минимально одетых девушек, стали шумно их приветствовать. И тут черт попутал одну из студенток, Фиру Измайлову, крикнуть им: «Присоединяйтесь к нам, парни!». Троица двинулась было через бурьян, но он был страшно колюч, парни же были в шортах. Только один решился продираться через заросли бодяка и чертополоха, который и вырывали студентки. И тут случилось невероятное и странное. «Понимаете, Илья Львович, - вздохнула рассказывала Оля, - он вдруг начал в землю уходить!». «А музыка орет, а он кричит «Тону!» - рассказала Ира. - Все сначала смеялись, а потом испугались, когда он провалился совсем! Парни крикнули, что поехали вызывать скорую помощь и укатили».

Мы подошли к плантации. Девушки, испуганные, столпились на краю поля. «Ну и где же ваш утопленник?»- спросил я их. «Он тут»- прошептала Фира, указывая пальчиком на середину поля. Пожав плечами я дошел до указанного мне пункта (девушки в ужасе, уцепившись друг за друга, стояли на краю поля и не двигались с места) и, разумеется, ничего подозрительного не обнаружил.

«Вот что, милые барышни,- вымолвил я,- будем считать, что вы переработали. Отправляйтесь-ка по домам, на сегодня все. Завтра опять приходите к 9 часам, я проведу вас на ближайшее болото». Спровадив девушек, я опять осмотрел поле и ничего, ровно ничего подозрительного не обнаружил! «А, Илья Львович, что интересного вы здесь обнаружили?» - услышал я знакомый голос, и, обернувшись на него, увидел ветерана Ботанического сада почтенного Ария Анатольевича Янсена. Не успел я рассказать ему о происшествии с моими студентками, как раздались гудки автомобилей, и на дорогу выехала «Волга» а за ней «Скорая помощь». Выскочившие из «Волги» парни, оживленно жестикулируя, стали что-то объяснять вышедшему из «санитарки» врачу. Внезапно они увидели нас. «Лопаты, скорее лопаты!» - крикнули они чуть не хором. Арий Анатольевич

пожал плечами и вытащил из кустов туи две лопаты. Не обращая на нас внимание, парни принялись ожесточенно ковырять землю в разных местах. «Нашел!» - внезапно крикнул один из них. Я подошел к нему и увидел нечто потрясающее: из расчищенной почвы торчала вздетая вверх рука! Тут мы все, кто руками, кто ножами принялись расчищать землю, пока не показалась голова. Я еще обратил внимание тогда, что почвенные слои совершенно не потревожены. Впечатление было, что земля здесь внезапно разжижела, стала как трясина, а потом опять затвердела. Врач приподнял веко утонувшего и к всеобщей радости убедился, что бедолага жив, только находится в глубоком обмороке. Утопленника быстро откопали, уложили на носилки и увезли. Арий Анатольевич в задумчивости заровнял землю и опять спрятал лопаты в кусты туи.

Через два дня я был вызван в деканат естественно-географического факультета пединститута и допрошен с пристрастием. «Мы не знаем, кто там у вас утонул на твердом месте, - заявили мне, - но то, что к нашим девочкам пристают на занятиях посторонние мужчины, совершенно недопустимо! Мы запрещаем вам проводить занятия на базе вашего Ботанического сада. Есть у нас волжский откос, Стригинский бор, Копосовская роща, вот там и гуляйте на здоровье!». «А как же агрономическая практика?» - пролепетал я. «У родителей на садовых участках пусть проходят!» - заявили мне.

Вне всякого ожидания история эта не произвела на моих коллег по Ботаническому саду никакого впечатления, а все потому, что почтенный Арий Анатольевич категорически отрицал подобный факт, говоря всем, что это мне привидилось от жары. Наедине же он объяснил мне, что не желает на старости лет попасть в психушку: «Если вы такой отчаянный, то и рассказывайте сами эту историю, а меня увольте и в нее не впутывайте! Дайте мне спокойно доработать!». Тем не менее какие-то подозрения относительно этого участка у работников плодового отдела остались. Когда в июле в нашем саду обосновался лагерь детского экологического клуба «Зеленый парус» и его активисты предложили продолжить расчистку плантации, им было отказано. Плантация эта окончательно заросла сорняками и появляться там с тех пор никто не смеет...

Трудно теперь по прошествии многих лет сказать с уверенностью, что там произошло на самом деле, тем более, что случай этот никто не исследовал. Сам же я склоняюсь к той версии, которую обнародовал на страницах газеты

«Нижегородский рабочий» некто Э. Баренбаум. Он считает, что дело в том, что излучатель музыки на автомобиле имел полусферическую форму и звуковые волны, сфокусировавшись в одной точке участка, своими колебаниями разжижили грунт. Подобное явление хорошо известно в физике, писал он в своей нашумевшей в свое время статье.

И С Ч Е З Н У В Ш И Й Б Р А К О Н Ь Е Р .

Наши нижегородские браконьеры, особенно орудующие в черте города, люди большей частью смирные и лично безобидные. При задержании они обычно сопротивления не оказывают. Более того: они готовы отдать все и на месте уплатить какой угодно штраф (предвидя ситуацию, они обычно берут с собой крупные суммы), лишь бы не заводили дело. Но на этот раз случай был совершенно иной. Едва браконьер, сваливший лося на участке хвойных Ботанического сада (дело было в конце XX века, когда лоси часто заходили к нам в сад), увидел выскочивших студентов с нарукавными повязками Дружины охраны природы университета, как он с матерной руганью поднял ружье и стал перезаряжать его, угрожая убийством. К его несчастью, студенты наши были прошедшие военную службу в морской пехоте, поэтому браконьер был в мгновение ока обезоружен, скручен, связан, а через полчаса подъехавшая милицейская машина доставила его в Приокский РОВД. Там его до вытрезвления поместили в камеру для административно задержанных.

Назавтра утром, когда начальник райотдела пришел на службу, он, ознакомившись с протоколом, решил вызвать задержанного к себе и объявить о наложении на него административного ареста сроком на 15 суток. По селектору он приказал доставить к нему задержанного.

Меж тем кабинет его начал заполняться людьми – началось обычное оперативное совещание. Внезапно в кабинет вбежал лейтенант, ответственный за содержание задержанных и арестованных. «Товарищ полковник, ЧП! – крикнул он с порога, – Ночью из камеры сбежал задержанный Фадеев. Обнаружено только что при приеме-сдаче дежурства!». Случай был неслыханный. Но отменять оперативку было не в обычае полковника. «Илья Александрович! – обратился он к своему заместителю. – Сходите и выясните, в чем дело!».

- Случай совершенно невероятный! – докладывал тот спустя полчаса. – Вообразите: пустая камера, на полу куча пыли а в ней одежда, белье, носки и кеды задержанного Фадеева. Но куда он мог деться? Решетка на окне цела, а дежурный клянется и божится, что никто из посторонних здание райотдела не покидал. Что будем делать?

- Для начала распорядитесь прибрать в камере, вещи Фадеева отправьте на экспертизу, а сами выясните, что делал браконьер в предшествующие сутки. Ввиду экстраординарности происшествия заняться этим придется вам лично.

Назавтра подполковник приехал в институт, где работал лабораторным механиком исчезнувший Фадеев. Проникнуть туда было непросто даже для него, одетого в форму и предъявившего удостоверение: институт был режимным. От сотрудников института подполковник узнал, что в день, предшествующий исчезновению, этот «мастер-золотые руки», в последние полгода чинивший сложные приборы лишь в уплату за спирт, провел в спецлаборатории на четвертом этаже. Проникнуть в лабораторию оказалось не просто: дверь в нее запиралась кодовым замком. В ответ на нажатие кнопки, приоткрылось окошечко, в которое подполковник предъявил свое удостоверение и направление из райотдела. Дверь открылась и на пороге показался мужчина в белом халате и докторской шапочке. «Я начальник лаборатории. В чем дело?» – спросил он.

- Дело в том, что пропал механик вашего института Фадеев, а последний прибор, который он чинил, был из вашей лаборатории.

- Да, Фадеев был у нас перед окончанием рабочего дня, он еще говорил, что сразу после работы поедет на охоту.

- Кто ему давал спирт? – спросил подполковник.

- Я давал, - ответил завлаб. - А что мне было делать? Надо же как-то выкручиваться.

- Что же, спасибо за откровенность! - сказал Илья Александрович.

- Рады помочь милиции! Если найдете тело Фадеева, сообщите. Эх, какого механика потеряли, жаль мужика! - вздохнул начальник лаборатории.

...Прошла неделя, дело все не прояснялось. Однажды к Илье Александровичу подошел старший сержант Зайцев и попросил помочь ему, студенту-заочнику юрфака университета с прохождением следственной практики.

- Знаешь что, Миша, - оживился подполковник, - дам я тебе дело исчезнувшего Фадеева. Понимаешь, я ведь только сейчас вспомнил, как начальник лаборатории, узнав об исчезновении Фадеева, попросил сообщить, когда найдут тело. Почему он так был уверен в гибели Фадеева? Ведь мы даже теперь в этом сомневаемся. Что-то он недоговаривает...

Через день, изучив немногочисленные материалы этого дела, Михаил приехал в этот институт, расположенный на одной из улиц Московского района. Поднявшись на четвертый этаж, он нажал кнопку на двери спецлаборатории. Через минуту на пороге появился ее начальник и Зайцев подал ему свое удостоверение и направление из РОВД.

- Но я уже все сказал, что знал вашему подполковнику! - удивился завлаб.- Больше ничего добавить не могу!

- Мне хотелось бы ознакомиться с лабораторией, поговорить с сотрудниками... - начал Михаил.

- Извините, но лаборатория наша секретная, да и институт весьма режимный, пустить вас я не могу.

- В таком случае, вручаю вам повестку. Вы приглашаетесь в наш РОВД в качестве свидетеля по делу об исчезновении Фадеева. Распишитесь.

- Вы, надеюсь, отдаете себе отчет, - продолжал Михаил, - что в качестве свидетеля будете обязаны рассказать подробно, что делал в вашей лаборатории Фадеев, с какими сотрудниками общался? И вы понимаете, что эти лица также будут вызваны к нам и также допрошены? И они расскажут нам все! А какие сведения секретные, а какие нет, решать будем мы! - жестко сказал старший сержант.

- Вы правы, - сказал начальник лаборатории, - идемте к нам, я вам все расскажу и покажу.

- Вот прибор, который чинил этот бедолага, - сказал завлаб, показывая шкафчик, от которого шли разноцветные провода и трубочки.

- Так, значит, починив этот прибор, он и хватил разбавленного спирта? - спросил Михаил. - И, кстати, почему, разговаривая с нашим подполковником, вы были уверены, что Фадеев погиб?

Начальник лаборатории побагровел, судорожным движением развязал галстук и плюхнулся в кресло. - Явлюсь по повестке и все объясню, - прохрипел он. - А теперь прошу вас оставить меня...

На другой день он явился в Приокский РОВД вместе с двумя сотрудниками, объяснив, что Фадеев имел дело со всеми тремя. В данных ими показаниях не содержалось ни противоречий (их допрашивали отдельно друг от друга одновременно в разных комнатах), ни новых подробностей дела. Что касается уверенности в том, что Фадеев погиб, то у них не было на этот счет ни малейших сомнений, ибо охота в пьяном виде всегда заканчивается трагически. По их мнению, злополучный Фадеев лежал где-нибудь в лесу убитым, или утонул в каком-нибудь водоеме (о том, что он исчез в здании милиции, им, разумеется, не сообщили).

...- Дело выглядит абсолютно безнадежным. Понимаете, я совершенно уверен, что сотрудники этой лаборатории, занятые радиационной безопасностью и исследующие влияние малых доз на различные вирусы, пусть невольно, но виновны в исчезновении Фадеева! Но сам я в вирусологии и вообще в биологии ничего не смыслю, не можете ли вы мне помочь? - обратился ко мне Зайцев.

Михаила я знал хорошо: на установочной сессии заочников я консультировал их по юридическим аспектам охраны природы. Я согласился помочь, но предупредил, что буду действовать на грани закона и, возможно, мне понадобится помощь, если меня задержат в этом весьма режимном НИИ. Михаил дал мне телефон и заверил меня, что по моему звонку немедленно приедет взвод ОМОН, которым командует его старший брат, и, если понадобится, силой выведет меня из института, преодолев сопротивление стрелков ВОХР.

Подготовка к моему проникновению в этот институт длилась ровно неделю. За это время я выписал в университетской библиотеке по

межбиблиотечному абонементу журнал, который в нашем городе получала только библиотека этого института. Предупредив командира взвода ОМОН о начале операции, я уже через полчаса был в проходной этого НИИ. Стрелок ВОХР сначала не хотел меня пускать, но я предъявил журнал со штампом института и членский билет общества, где в качестве подписи председателя красовалась подпись директора этого института. Я прямо прошел в институтскую библиотеку и уже через час имел полную библиографию работ сотрудников этой лаборатории, включая опубликованные в журнале с соответствующим грифом. Еще через неделю, проанализировав добытые данные, я встретился со старшим сержантом и объяснил Михаилу, что дело, которое ему поручили, весьма щекотливое.

Судя по работам сотрудников этой лаборатории, они исследовали вирус, который, будучи стимулирован слабым облучением, способен разрушать не только обычные, но и костные клетки, превращая их в порошок – кристаллы вируса, на воздухе, впрочем, медленно теряющим свою активность...

Выслушав это, Михаил задумался.

- Теперь мне понятно, что это была за пыль в камере, куда поместили Фадеева. Понятно также, почему от него остались только одежда, белье, носки и кеды. Догадываюсь я и о том, как в него попал этот вирус: хватанул, наверное, из мензурки разбавленную и ослабленную спиртом культуру этого вируса. Но только уже ничего нельзя сделать: камеру неоднократно мыли, а доказать, что сотрудники лаборатории из-за преступной халатности оставили без присмотра культуру опаснейшего вируса мы не сможем.

- А нужно ли вообще что-нибудь делать? – сказал я. – Браконьер-алкоголик погиб и черт с ним! Порок наказан, а кем, это уже не наше дело!

- И в самом деле! – повеселел Михаил. – Как говаривали римские юристы, пусть свершится правосудие, даже если мир погибнет, - а тут всего лишь один алкаш!

В начале шестидесятых годов XX века, когда я учился на биофаке университета, факультет наш был не тот, что впоследствии и тем более теперь, и студенты не те. В те поры студенты биофака на военной кафедре не обучались и отсрочки от призыва не имели, поэтому мало кто из юношей поступал на биофак сразу после окончания школы. В основном парни наши все были отслужившие срочную службу и намерения их были просты: без особых затруднений закончить университет и поступить на хлебное место сотрудника заповедника, работника рыбоохраны, рыбоводника, охотхозяйства и т.п. Одним словом – поближе к рыбе, дичи и пушнине и подальше от начальства и науки, к которой большинство из них не питало ровно никакой склонности.

Таков был и мой сосед по комнате в общежитии Слава Р., будущий зоолог. Когда я поселился в общежитие, он учился уже на третьем курсе. Впрочем, учебой это назвать было трудно, ибо он посещал одни только лабораторные занятия, да и то не все. Большую же часть учебного времени он спал, поскольку ночами подрабатывал разгрузкой вагонов: стипендию он не получал, т.к. учился плохо, а плохо учился оттого, что по ночам работал, ибо не получал стипендии. Это был какой-то заколдованный круг, впрочем, такая ситуация была типичной в те времена ...

И как же он удивил меня, когда однажды в апреле, ввалившись в комнату, он заорал с порога: «Все! Кончаю беспутную жизнь! Буду заниматься наукой!». «А на что же ты будешь жить? - любопытствовал я. - Ты же сессию завалил и стипендию не получаешь». «А я теперь деньги наукой добываю, так сказать, не отходя от объекта исследования. Полдня наблюдаю своих зверушек – и пятерка в кармане!».

Тут-то я догадался, в чем дело. В качестве темы для курсовой Слава получил задание исследовать популяции кротов на территории Ботанического сада с одной стороны, и в его ближних окрестностях с другой. Наловив зверьков и проведя их морфометрические исследования, он усыплял их, сдирал с них шкурки и сдавал скорняку. Действительно, образ жизни моего соседа по комнате резко изменился. Теперь днем он не спал, а аккуратно посещал все лекции и лабораторные занятия, а вечером отправлялся в Ботанический сад.

В июне, по окончании сессии, я отправился на каникулы в деревню к престарелым родственникам своей будущей жены и провел у них все лето,

помогая по хозяйству и изучая богатый растительный мир окрестностей этого известного своей лесохимической промышленностью заволжского поселка.

В конце августа я вернулся в Горький, прошел санпропускник, получил у кастаньяши постельное белье, постирал и вывесил свои вещи и в самом радужном настроении, держа под мышкой гербарную сетку, набитую растениями, пошел на факультет. Однако, войдя в вестибюль биофака, я остановился, как пораженный громом: прямо на меня, обрамленный траурной рамкой, смотрел фотопортрет Славы. Под ним был текст следующего содержания:

«Деканат, бюро ВЛКСМ и профбюро студентов биологического факультета с прискорбием извещают, что 27 августа 196...года на полевой поездке, при исполнении научного долга трагически погиб студент IV курса Р...в Вячеслав Михайлович. Похороны состоятся 29.08.196... в 13 часов. Гроб с телом покойного установлен в ауд. 307 на кафедре зоологии.»

Я помчался на кафедру зоологии. Небольшая комната была битком набита народом. Рыдали девушки – однокурсницы Славы, хмурились парни. В сторонке декан и заведующий кафедрой зоологии совещались о похоронной процедуре. Очень скоро я узнал обстоятельства гибели Славы. Утром он ушел из общежития проверить поставленные с вечера ловушки на кротов и не вернулся. Обнаружили его случайно сотрудники Ботанического сада, привлеченные воем собак. Слава, весь посиневший, лежал на поляне у ограды сада, свесив голову в яму, на дне которой была ловушка сдохлым кротом.

Судмедэксперт следов насилия не обнаружил, но в крови нашел алкоголь. В заключении было указано, что «...смерть произошла от удушья, вызванного перемещением рвотных масс в ротовую полость и закупоркой дыхательных путей вследствие алкогольного опьянения». Я, однако, в это поверить отказывался наотрез. Живя в одной с ним комнате, я, разумеется, видел его навеселе, но чтобы он напился до помрачения рассудка?!..

Коротко говоря, я решил лично съездить на место происшествия.

Осень в том году стояла теплая и я без помех добрался до поляны в дубраве у Ботанического сада. Там мне сразу попались на глаза следы деятельности Славы: ямы – ловушки; на дне некоторых из них валялись

дохлые кроты. «Эдак они так и будут погибать зря!» - забеспокоился я. Поэтому я пошел в Ботанический сад и под залог студенческого билета получил у заведующей плодовым отделом Татьяны Павловны Бодровой лопату и принялся заваливать ямы. Ям было полтора десятка и когда черед дошел до последней, я порядком притомился и решил передохнуть.

Я прилег на траву и с наслаждением вытянулся, подложив под голову руки. Дул легкий ветерок, приятно шуршала уже начавшая желтеть листва, а в воздухе чувствовался аромат ранней осени - смесь запахов свежей прели с ароматом поздних цветов. И вдруг я почувствовал волну нового, ранее неслышимого запаха. Он был рядом, неприятен и вместе с тем чем-то привлекателен. Оказалось, что он шел как раз из последней, не заваленной мной ямы.

Я, не вставая, подполз к ней и опустил в нее голову. Тут же в меня буквально ударила одуряющая, тошнотворная струя. Как я отпрянул от ямы и отполз в кусты - не помню...

Отдышавшись, я побрел в Ботанический сад, сдал лопату и помчался к автобусной остановке. Через час я был в бюро судебно-медицинской экспертизы и подробно рассказывал о своих наблюдениях. Случай обещал быть интересным и судмедэксперт тотчас же на служебном УАЗе поехал со мной в Ботанический сад. Подойдя к яме и принявшись, эксперт огляделся вокруг и изрек: «Утечка газа из газопровода!». И в самом деле, газопровод был неподалеку - у ограды Ботанического сада, о чем предупреждали покрашенные в синий цвет железобетонные столбики. По видимому, под землей была утечка газа и он по подземным пустотам просачивался на поляну и скапливался в ямах для ловли кротов.

Теперь все становилось ясным. Слава пошел проведать кротов, будучи навеселе, а, как сообщил мне судмедэксперт, на лиц, находящихся в состоянии легкого опьянения, запах бытового газа в небольшой концентрации действует привлекающее. И когда мой приятель сунул голову в яму, запах газа одурманил его, он потерял сознание и в конце-концов умер от удушья, вызванного рвотной реакцией на газ...

...История эта имела продолжение. Было сделано частное определение в адрес газовой службы и она установила на поляне трубу для отвода скапливавшегося под землей газа.

И теперь, проводя со студентами и юными натуралистами – школьниками экскурсию по Ботаническому саду и окрестностям, я обязательно привожу их на поляну и рассказываю эту давнюю историю. И молодые люди притихают, становятся печальны и сумрачны и начинают всерьез задумываться о том, что жизнь и судьба натуралиста не такие уж и безоблачные...

М О Н И Т О Р И Н Г.

Принято считать, что идея мониторинга, т.е. системы слежения за состоянием окружающей среды, нашла свое реальное воплощение лишь в последние годы, когда стало возможным организовать компьютерную сеть. На самом же деле в нашей области такая идея чуть было не осуществилась более четверти века назад, когда компьютеры представляли собой нечто вроде больших шкафов, данные вводились через перфокарты, а результат расчетов печатался на выползавшей из машины бумажной ленте. Тем не менее уже и тогда все было готово к созданию системы мониторинга, по крайней мере в масштабах Горького и если она и не осуществилась, то по чисто случайной причине, которая теперь кажется чистой фантастикой. Об этой истории предпочитают помалкивать, поскольку она вскрывает некоторые негативные стороны жизни нашей науки, а также потому, что ряд ее героев занимает ныне достаточно высокие административные посты и боится гласности, как летучая мышь солнечного света. Тем не менее, выполняя свой моральный долг перед научной общественностью, расскажу все без утайки...

...Однажды меня вызвал шеф и попросил проконсультировать инженера-исследователя Семенова с кафедры математического обеспечения ЭВМ факультета вычислительной математики и кибернетики нашего университета. Семенов оказался точь-в-точь таким, каким я представлял себе молодого кибернетика: самоуверенный, снисходительный, к тому же от него постоянно пахло винцом. Сам он по заданию доцента Васькина

занимался внедрением вычислительной техники в систему сбора метеорологических и экологических данных и дальнейшего их совместного анализа. Центр этой работы располагался, естественно, в известном всем здании на улице Бекетова, увенчанном радиолокатором. Все это и сообщил мне Семенов, добавив со злобой, что Васькин с компанией заключил хоздоговор, гребет деньги лопатой, а ему, основному исполнителю, от которого зависит все, платит лишь зарплату инженера-исследователя и лишь обещает в перспективе помочь с защитой диссертации...

Мои консультации оказались для него, по-видимому, полезными, поскольку через месяц он позвонил мне и пригласил полюбоваться на плоды своих трудов. Приехав в учреждение, где стояла ЭВМ, я нашел его ликующим. Он стоял у шкафа ЭВМ, положив руку на кожух, как на плечо друга:

- Сюда со всего города по радиорелейной сети стекается информация, обрабатывается и анализируется, - сообщил он. - Это дело надо отметить! И он открыл одну из боковых дверей, где рядом с перематывающейся магнитной лентой стояла уже початая бутылка вина.

Как он не упрашивал меня, я выпил только небольшую рюмочку и расправляться с бутылкой пришлось ему одному.

- А теперь я прошу тебя поехать со мной к моему шефу, этому эксплуататору. Там я поставлю перед ним ультиматум!

И он поволок меня за собой. К счастью, дорога до университета заняла свыше получаса, Семенов начал постепенно трезветь и я надеялся, что все сойдет благополучно. Не тут-то было!

Войдя в кабинет Васькина и доложив о результатах, Семенов ультимативно потребовал у доцента немедленно уплатить ему за работу, хоть из собственного кошелька. Когда же Васькин заявил, что Семенов все равно занимается этим в свое рабочее время, последний разразился таким потоком угроз, что Васькин побледнел и выбежал из кабинета.

Буквально через минуту он явился снова, на сей раз в сопровождении декана, его заместителя и диспетчера факультета. Без лишних слов эта троица тут же составила акт о появлении на работе в нетрезвом состоянии инженера-исследователя кафедры математического обеспечения ЭВМ Семенова Г.С.

- Ах ты, гад ползучий! – заорал Семенов. – Ловушку мне решил подстроить! Раз так, запомни – вся эта система мониторинга, за которую тебе заплатили, полетит к черту! – И он выбежал из кабинета.

Васькин, однако ж, не растерялся и тут же позвонил в учреждение на улице Бекетова, где стояла ЭВМ, чтобы Семенова ни под каким видом туда больше не пускали.

На следующий день все мы, кто прямо, кто косвенно причастные к системе мониторинга, собрались у ЭВМ и Васькин лично ввел туда перфокарты; через две минуты на бумажной ленте должны были появиться данные корреляционного анализа воздушных выбросов, температурного режима и влажности атмосферы. Вот привычное гудение машины изменилось, из нее начала выползать бумажная лента. К изумлению присутствующих, вместо значения коэффициентов взаимной корреляции на ленте сплошняком отпечатывались строчки: «Мониторинга не будет. Семенов. Мониторинга не будет. Семенов. Мониторинга не будет. Семенов...»

О том, что случилось потом, догадаться нетрудно: звонки на вахту в университетское общежитие для сотрудников, где обитал Семенов, в прокуратуру, включение и выключение машины, смена перфокарт, смена магнитной ленты и т.д. и т. п.

Ничего не помогало! Как только машину включали, из нее выползала бумажная лента все с тем же текстом!

Стало ясно, что неполадка где-то внутри машины. Инженер-электроник, обслуживавший ЭВМ, отсоединил машину от сети, но только стал поворачивать рукоятки запора на кожухе, чтобы снять его, почувствовал сильный удар током. Тогда инженер надел диэлектрические перчатки, позволяющие работать в сетях до 1000 вольт и снова взялся за рукоять. Всем нам на мгновение показалось, что в комнате пронеслась гроза: столь силен был грохот электрического разряда и столь явственно запахло озоном.

Инженер-электроник лежал на полу без сознания. К счастью, его удалось быстро привести в чувство.

...В последующие три дня, до прибытия специальной бригады, к компьютеру никто не смел даже приближаться.

Бригада специалистов с завода-изготовителя, предупрежденная телефонограммой, привезла с собой специальное оборудование, позволявшее работать даже во многокиловольтных сетях, и, несмотря на сильные

электрические разряды, компьютер удалось вскрыть. Но когда заглянули внутрь, только махнули рукой: покореженные панели, оплавленное стекло, металлические нити... По обоюдному согласию, составили акт, что ЭВМ вышла из строя в результате попадания в нее шаровой молнии. На идее мониторинга пришлось временно поставить крест.

Злополучная машина еще долго стояла в здании, дотрагиваться до нее не смели. Но как-то раз, месяца через три, случайно обнаружили, что разряды тока значительно ослабли и шкаф, по моему совету, вывезли на окраину Ботанического сада: я все надеялся, размышляя в виду этой ЭВМ, все же раскрыть тайну. Так бы и стояла там злополучная ЭВМ, похоронив в себе тайну Семенова, исчезнувшего после этой истории неизвестно куда (даже всесоюзный розыск не дал никаких результатов!), если бы, как на грех, меня не попросили провести экскурсию по саду с аспирантами факультета прикладной физики и микроэлектроники нашего университета. Едва они увидели шкаф ЭВМ и выслушали мой рассказ о связанной с ним истории, как забыли обо всем на свете и принялись буквально раздирать его на части; любопытство их еще более усилилось, когда они обнаружили, что при прикосновении к шкафу ощущаются слабые удары электричеством. Между прочим один из аспирантов, с кафедры физики твердого тела, отодрал большую кремниевую пластину – и отнюдь не в качестве сувенира!

Дело в том, что на кафедру как раз поступил новейший японский электронный микроскоп, который вкупе с разработанной на кафедре приставкой, должен был дать увеличение по меньшей мере в 10 миллионов раз. Кремниевую пластину промыли спиртом (неплохо!), протравили, еще раз промыли спиртом (ух, хорошо!), отшлифовали, порезали алмазным резцом, облучили потоком нейтронов, еще раз промыли спиртом (замечательно!) и т.д. и т.п. Инженер, обслуживавший электронный микроскоп, долго регулировал фокусировку, у него даже дрожали руки (честное слово, от волнения, а не оттого, что он органолептически исследовал пригодность спирта для работы!). Но, наконец, он добился четкого изображения и взглянул в окуляр. Дикий вопль прокатился по кафедре: инженер, хватаясь за сердце, рухнул со стула и забился в судорогах, выкрикивая нечто непонятное.

Заведующий кафедрой, который тоже исследовал пригодность спирта, подбежал и сам глянул в окуляр. В ту же минуту он почувствовал, как волосы его встают дыбом, а в мозг как будто входит раскаленная игла...

И было от чего!

Под чудовищным увеличением отчетливо виднелись атомы кремния. На каждом из них сидело по совершенно одинаковому человечку. Время от времени человечки как по команде, хватали пробегавшие мимо них электроны проводимости и отправляли их в рот. Наевшись, они опять, как по команде, достали из карманов брюк ключи и отперли почти незаметные дверцы на атомах. Человечки все как один повернулись, посмотрели на профессора, погрозили ему пальцами и скрылись в глубине атомов. Дверцы за ними захлопнулись и совершенно слились с фоном...

Что это было? Известный феномен сходной галлюцинации, вызванный особым, связанным со спиртом состоянием, как считают врачи городской клинической психиатрической больницы № 1, где неделю находились на обследовании профессор и инженер? Или же это и в самом деле был Семенов, проникший в ЭВМ и распавшийся на микроскопические копии, а излишек массы по знаменитой формуле Эйнштейна $E = mc^2$, превративший в энергию (электрическую), которой и отбивался от любопытствующих? На этой версии настаивали известный наш специалист по аномальным явлениям кандидат технических наук Ермолкин и нетрадиционный исследователь природы Шорыгин.

Но не проще ли предположить, что Семенов как-то прокрался к ЭВМ, остался около нее на ночь, подвел потайной электрический кабель, установил мощнейшие конденсаторы, произвел замену в панелях, а потом скрылся?

Как бы то ни было, этот нелепый случай, кажущийся теперь чистой фантастикой, и привел к тому, что систему мониторинга начали внедрять в нашей области много лет спустя. Для меня же эта история имела те последствия, что я стал регулярно посещать свалки на окраинах Ботанического сада и с тщанием их исследовать.

В последние несколько лет поездки наших молодых ученых за рубеж стали обычным делом. Хорошо, что научная молодежь, приглашенная на стажировку, обеспечивается полным пансионом, да вдобавок получает хоть небольшую, но достаточную стипендию. Но особенно хорошо то, что восходящие светила науки тратят стипендии не на всякий вздор, как-то: одежда, белье, колготки и т.п., а на вещи совершенно необходимые: ноутбуки, научные приборы, книги... Вот и Петр Валентинович К., ассистент кафедры зоологии биофака нашего университета, орнитолог, привез из ФРГ портативный, но необыкновенно чувствительный магнитофон, прекрасный цейсовский бинокль, видеокамеру с инфракрасной приставкой – словом все то, что необходимо для изучения птиц в природе.

Когда я увидел его в полном снаряжении на лесной дороге у южной ограды Ботанического сада, то не мог скрыть своего восхищения своим бывшим учеником из 28 школы, где я в 1987 -88 гг. преподавал по совместительству географию. Тем не менее, по старой привычке педагога, я счел нужным предупредить Петю, а теперь Петра Валентиновича, о грозящей ему опасности:

- Я уже второй десяток лет работаю в Ботаническом саду и должен вас предупредить, любезный друг, что место для экскурсий вы выбрали не совсем хорошее. Здесь постоянно собираются не только алкоголики и наркоманы, но и совершенно темные личности. Меж тем вы увешаны аппаратурой, которая миллионов на двадцать потянет. Мой вам совет: в одиночку не ходите! Подберите себе компанию студентов и экскурсируйте с ними, как я экскурсировал с вами и вашими одноклассниками, когда преподавал у вас в школе географию!

Но молодость самоуверенна и беспечна. Ничего не было удивительного в том, что через три месяца, развернув номер одной из городских газет, я прочел следующее:

«...а вот попытка разбойного нападения в духе допотопных грабителей с большой дороги не удалась! 5 августа, атакованный двумя грабителями, вооруженными пистолетами, молодой ученый П.К. издал такой дикий вопль, что не только привел в замешательство грабителей, но и привлек внимание прогуливавшейся со своей афганской овчаркой неподалеку молодой

сотрудницы Ботанического сада Татьяны Родионовны Х. Собака кинулась на грабителей и те поспешно ретировались»

Я сразу догадался, кто таков «П.К.», позвонил ему и поздравил со спасением.

...Прошла еще неделя и, однажды, возвращаясь в Ботанический сад с экскурсии и подходя к южным воротам, я увидел сидящих в кустах рябинника двух людей. Один из них показался мне знакомым и действительно, это оказался сотрудник Приокского РОВД Михаил Зайцев, известный уже читателям по рассказу «Исчезнувший браконьер». Мне стало ясно, что они сидят здесь в засаде. Но на кого? Увидев меня, разглядывавшего их обоих, Михаил сначала скорчил недовольную мину, но потом улыбнулся, вышел из-за кустов, поздоровался и сказал: «Ну, ладно, все равно необходимо перекурить, раз уж вы нас обнаружили!»

- А не находитесь ли вы здесь, дорогой лейтенант, в связи с ограблением Петра Валентиновича? – спросил я его.

- Все-то вы знаете, Илья Львович, - вздохнул он, - небось заметку в газете прочитали, или потерпевший сболтнул... да, это так. Тут такой случай вышел: один из грабителей при бегстве уронил в лужу пистолет, и мы надеемся, что за ним придут. Да только ничего подозрительного пока не обнаруживаем, правда, лозоходцы только что здесь проходили.

- Какие такие лозоходцы? – изумился я.

- Обычные, которые с прутиками ходят. Да вот, опять появились!

Я взглянул на дорогу через переплетение стеблей амурского винограда и, увидев бредущих по дороге юношу и девушку с рогульками, вышел за ограду:

- Позвольте отрекомендоваться: сотрудник Ботанического сада такой-то! С кем имею честь?

Молодые люди сначала смутились, а потом объяснили мне, что они – студенты естественно- географического факультета нашего пединститута и занимаются биолокацией.

- Здесь мы исследуем биомагнитные и биогеографические аномалии. Ведь эта лесная дорога у ограды вашего Ботанического сада проходит в широтном направлении, да вдобавок разделяет совершенно различные биоэнергетические комплексы. Здесь можно обнаружить много интересного!

И вы с помощью этого прутика исследуете аномалии?! – изумился я.

- А это не простой прутик, он срезан с аномальной лещины! Вот смотрите, обычно лещина растет кустом, а здесь – деревом, потому что выросла в аномальной энергетической точке!

Я внимательно присмотрелся к указанному дереву и увидел, что это никакая не «аномальная лещина» а шершавый вяз, листья которого действительно, несколько напоминают лещину. Сначала я хотел высмеять молодых людей, но подавил в себе этот порыв и, извинившись, что к старости стал слаб глазами, поблагодарил их за интереснейшую информацию.

Студенты скрылись за поворотом дороги, а я опять пролез к Михаилу и его напарнику. «Для меня совершенно ясно, что они не те, за кого себя выдают! – прошептал я. – Будущие учителя биологии, а не могут отличить лещину от вяза! Не связаны ли они с ограблением?»

- А это мы сейчас проверим! – сказал Михаил. – Для этих целей у нас есть учебный пистолет! – С этими словами он выбрался на дорогу и сунул пистолет в лужу, так, чтобы была видна часть его рукоятки.

И вовремя! Лозоходцы возвращались обратно. Вот они подошли к луже, увидели пистолет, огляделись вокруг, и юноша сунул пистолет себе в сумку через плечо. Они быстрыми шагами пошли по дороге, а Михаил со словами: «Теперь наша очередь действовать, а вы, Илья Львович, идите-ка к себе» - пошел с напарником за студентами.

.... Через неделю от Михаила, который горячо благодарил меня за помощь следствию, я узнал всю эту историю. Молодые люди действительно оказались студентами естественно-географического факультета пединститута, которых через третьих лиц наняли для поисков пистолета. Наблюдение за ними позволило выйти на человека, которого Петр Валентинович опознал, как одного из грабителей. Через него вышли и на второго грабителя. Злодеи получили по заслугам, а что касается студентов, то эта история так подействовала на них, что после окончания института учителями в школу они не поступили. По слухам, они устроились продавцами книг и в этой профессии вполне себя нашли.

Жизнь – штука такая сложная, что сплошь и рядом обнаруживаются самые невероятные связи. Ну, например, мог бы я раньше думать, что существует какая-то связь между большим циклом широколиственных лесов умеренного пояса и «цеховиками» мебельного производства?!

С одной стороны – дубрава. Со временем деревья стареют, поражаются микробами, грибами и насекомыми, гибнут и заражают более молодые особи. Многие дубы отмирают, но остаются стоять на корню, другие падают и лес захламляется сушняком. В одно из сухих лет, что случаются хотя бы раз в двадцатилетие, возникает пожар, причем и по естественным причинам! Сухой лес сгорает, а на пожарище появляются березы и осины, под пологом которых опять восстанавливается дубрава. Лет через двести все опять повторяется сначала. Причем, заметьте себе, все это происходило и ранее, до массового заселения Нижегородского края!

С другой стороны – «цеховики». Умелые «организаторы производства» часть продукции не отражают в отчетности, а по договоренности с предприимчивыми представителями торговли пускают в продажу. Выручку делят между собой. Так накапливались капиталы и создавались подпольные миллионеры, стараниями которых и двинулась пресловутая «перестройка».

Столь невероятная на первый взгляд связь между экологией и жуликами, которые теперь называются «деловые люди» начала для меня проясняться вскоре после того, как я поступил на службу в Ботанический сад.

Помнится, года через два одной недоброй весной все деревья начали покрываться молодой зеленью и дуб в их числе, но вскоре листья его начали свертываться, буреть и падать. Через два месяца все дубы в округе стояли безлистными – произошло нападение вредного насекомого – листовертки (к счастью, на территории самого Ботанического сада практически не пострадала его эталонная дубрава). На следующий год наступило то же самое, а вслед за тем, на ослабленных дубах появились трутовики; могучие дубы стали отмирать один за другим. Вскоре под их корой завелись насекомые-короеды и во всех дубравах у Ботанического сада целые дни стоял неумолчный стук дятлов, слетевшихся на обильно угощение, как казалось, со всей нагорной части области. Особенно тяжелое положение

сложилось в расположенной неподалеку дубраве под названием Грабиловская дача, где не только старовозрастные, но уже и большинство дубов среднего возраста были поражены.

Для меня, как для ботаника, все было ясно – урочище это нуждалось в усиленных санитарных рубках, т.е. вырубке больных деревьев; это было единственное средство чтобы спасти лес. Об этом я написал статью в «Нижегородский рабочий», а сверх того на заседании секции охраняемых природных территорий при областном совете ВООП сделал доклад, материал которого тоже попал в прессу. Ответа на мои статью и выступление не последовало.

Между тем Грабиловская дача продолжала гибнуть. Теперь уже все дубы в возрасте сорок лет и старше отмерли и стояли, воздев к небу черные сучья. Наконец, года через два, когда я в очередной раз наведалься в эту дубраву, увидел отрадную картину: падающие под бензопилами отмершие деревья, вывозившие их на окраину трелевочные трактора и спаренный кран, грузивший хлысты на лесовоз.

Время перевалило за полдень, шум работ умолк и я подсел к рабочим, устроившим перекур.

- Поздновато вы, братцы, взялись за санитарную рубку, - начал я. - Приди вы сюда годика два назад, можно было бы спасти этот лес...

- Ты что, отец? - в изумлении ответил мне бригадир. - Какие там санитарные рубки?! Нас мебельный кооператив нанял здесь лес вырубать! Лес отменный, на корню просох! В лесничестве все оформлено чин по чину!

Объясняться с лесорубами долго я не стал, посидел немного, услышал уважительные отзывы о кооперативе и пошел к себе в Ботанический сад.

На следующий день я зашел в одну из появившихся в последние годы самодеятельную экологическую организацию, где работала хорошо мне знакомая молодая особа, с которой нас связывали совместные журналистские акции. От меня не потребовалось особых ухищрений, чтобы получить некоторые сведения о хозяйничавшем в дубраве таинственном кооперативе. С добытыми сведениями я пошел в конкурирующую экологическую организацию. Там сидел пожилой мужчина и, посочувствовав полковнику в отставке, что нахрапистая молодежь, только что закончившая университет, воображает из себя бог знает что, сумел получить недостающие сведения уже совершенно доверительного характера. После

знакомства с этими материалами история погибшей дубравы стала для меня проясняться окончательно.

...Принятый на заре «перестройки» закон о кооперативах упал на благодатную почву. В стране уже давно тайно накапливались капиталы и ждали только случая пустить их в ход. Особенно обрадовались новому закону «цеховики», о которых я упоминал в начале своего повествования. Ведь у них под рукой были не только капиталы, но и налаженное производство. Оставалось только отпочковаться от родного предприятия и организовать собственное дело.

Так и решило поступить руководство мебельного цеха одного из машиностроительных предприятий. Под крышей цеха был основан мебельный кооператив (забегая вперед скажу, что через пять лет после описываемых событий он переехал в новое здание за пределами заводской территории), причем отнюдь не для производства заурядных шифоньеров, книжных шкафов и тумбочек! Отцы – основатели кооператива правильно уловили тенденцию общественного развития, в частности, появление весьма обеспеченных людей, желавших вести современный образ жизни, одним из атрибутов которого являлся интерьер квартиры. Учли отцы-основатели и начавшееся «возрождение духовности», в том числе старинных атрибутов быта. В моду вошла сработанная еще крепостными умельцами утварь: енды, подсвечники, скатерти, ну, и конечно, мебель.

Итак, было решено производить мебель «в лучших традициях отечественных краснодеревщиков». Но для такой мебели требовалась не береза и не сосна, а дуб, причем дуб выдержанный! Достать его за приемлемую для производителей цену было невозможно. Парадоксальнейшая сложилась ситуация: расположенный в зоне дубовых лесов кооператив остро нуждался в мебельном дубе!

Делу помог случай по пословице «На ловца и зверь бежит». Согласно новому положению, одно из экологических ведомств получило право самостоятельно расходовать на некоторые нужды часть денег, собранных с предприятий в виде штрафов. Было решено употребить деньги на усиление технического оснащения экологической конторы. Были закуплены четыре радиотелефона, три цифровых фотоаппарата, два магнитофона и персональный компьютер с видеоприставкой. Но когда все это богатство оказалось в кабинете шефа, тот сразу увидел вопиющую дисгармонию между

новой техникой и старой ободранной мебелью. Между тем статья расхода на новую мебель положением не предусматривалась!

Нужно было найти спонсора, а он был тут как тут! Реклама нового мебельного кооператива красовалась на первой странице экономического еженедельника. Не доверяя телефону, глава экологов лично встретился с главой кооператоров. Через пять минут собеседники настолько хорошо поняли друг друга, что разговор принял совершенно дипломатический характер, по Талейрану, который говаривал, что язык человеку дан для того, чтобы ловчее скрывать свои истинные намерения.

Эколог много распространялся о необходимости для частного капитала поддержать охрану природы в целом и экологических организаций в частности, ставя в пример Запад. Кстати сказать, заметил он, на Западе считают такое спонсирование весьма выгодным.

Представитель частного капитала обнаружил похвальную обеспокоенность состоянием родной российской природы вообще и пригородных дубовых лесов Нижнего Новгорода в частности, подчеркнув, что все зло – во вмешательстве человека. Вместе с тем он выразил готовность в случае чего, лично финансировать санитарные рубки. На том и расстались.

Под заклинания о необходимости беречь природу, о недопустимости вмешиваться в жизнь охраняемых природных территорий, о некомпетентности местных лесничеств в деле содержания пригородных лесов и т.д. и т.п., дубрава продолжала гибнуть, а дубы – высыхать на корню. Затем, когда древесина дошла до кондиций, были проведены санитарные рубки, бревна отсортировали и увезли на трейлерах. Затем их распилили на доски и брусья, продержали еще полгода в сушилке и три месяца на стропилах под кровлей цеха. Руководитель экологической организации предвкушал, как он обставит новой стильной мебелью свой кабинет, а заодно свою квартиру, но надежды его на отечественный капитал не оправдались. Мебельный кооператив предпочел продать дубовую древесину за валюту, а на вырученные деньги закупить мебель итальянского производства, изготовленную из ДВП и ДСП, пластмассы и винилискожи. У нас она была продана с большой выгодой.

Впрочем, экологу было не до мебели. При изменении структур власти его контора была расформирована. С трудом, по протекции главы мебельного

кооператива, экологу удалось устроиться по своей полученной в вузе специальности - экономистом в один из небольших банков.

Теперь он, вооружившись статистическими справочниками, обложившись экономическими еженедельниками, составляет прогнозы конъюнктуры.

Экологию он выкинул из головы напрочь.

В охрану природы вообще не верит.

СМОТРИТЕЛЬ ОРАНЖЕРЕИ.

Из чтения очерков этой серии вы убедились, как много таинственного случалось и случается на территории и в ближних окрестностях нашего Ботанического сада. Но не менее таинственными оказываются судьбы сотрудников нашего достославного учреждения. О многих из них легенды ходили еще при их жизни. К числу подобных лиц принадлежал старший лаборант отдела тропической флоры, ныне покойный Борис Петрович Р.

Впервые я познакомился с ним еще летом 1966 года, когда студентом-первокурсником после окончания пустынской практики проходил обязательные отработки в оранжерее Ботанического сада. Тогда-то я впервые разговорился с Борисом Петровичем. В разговоре со мной он посетовал, что нынешняя ботаническая молодежь не желает заниматься оранжереями.

- Уже полвека работаю здесь, опыт накопил немалый, а передать его некому! - жаловался он. - Я такие бы темы мог предложить для курсовой!

Вернувшись на кафедру, я доложил очень хорошо ко мне относившейся известному горьковскому ботанику Екатерине Васильевне Л. о встрече с Борисом Петровичем, но она только скептически усмехнулась:

- Вы ходить к нему ходите - это лучший знаток тропической флоры у нас, но только помните, что никем и ничем он руководить не может. Он числится психически больным, он ведь даже пединститут окончить не смог, его даже на войну по болезни не взяли!

С тех пор я зачастил в оранжерею к Борису Петровичу. Не скрою - отнюдь не интерес к тропической флоре владел мною! Я все старался подметить у него хоть одну сумасшедшинку в его словах, поступках, на худой конец - в глазах, но все было напрасно! Передо мной был совершенно нормальный

человек и я подумал даже, что его просто оклеветали. Единственно что я стал замечать – что его закуток в оранжерее становился все более обжитым.

Под предлогом того, что ему нужно сделать наблюдения, да и с семьей он не в ладах, смотритель оранжереи все чаще оставался в ней ночевать.

Как-то раз, когда я задержался в оранжерее дольше обычного, Борис Петрович предложил мне с ним пообедать. Я согласился, тем более что со мною была буханка хлеба. Но увидев ее, Борис Петрович испуганно замахал руками: «Что вы, что вы! Как я могу, ботаник, есть хлеб! Ведь при размоле и выпечке гибнут зародыши растений! Что вы! Как же я, ботаник, буду губить растения!».

Если вы думаете, что я был испуган, удивлен, то ошибаетесь! На самом деле я обрадовался. Наконец-то я мог убедиться, что мой собеседник – сумасшедший! Я с жадностью вглядывался в его лицо, но чем дольше глядел, тем больше поражался контрасту между бессвязной, бессмысленной речью Бориса Петровича и совершенно нормальным выражением его лица. Помнится, я подумал тогда, уж не играет ли смотритель оранжереи роль сумасшедшего. Но зачем?..

По окончании университета я не терял из виду престарелого ботаника. Борис Петрович все седел, горбился. В свою оранжерею он перебрался окончательно на жительство и года через четыре умер.

Личность Бориса Петровича настолько заинтриговала меня, что я приставал с расспросами к Екатерине Васильевне и та, сдавшись, направила меня к своей знакомой Лидии Анатольевне С., прибавив, что она и откроет мне тайну.

Лидия Анатольевна оказалась бодрой старушкой, обладавшей, несмотря на девятый десяток лет, отменной памятью.

- Как же, помню Бореньку, помню. Такого знатока тропической флоры больше уже и не будет...

- Но ведь он, кажется, числился сумасшедшим...- осторожно заметил я.

- Ха-ха-ха! – засмеялась она. – Он такой же сумасшедший, как вы и я. Он просто сбежал в свое сумасшествие!

- То есть как сбежал?! – в изумлении спросил я.

-А вот так! Эту его тайну знали всего три человека: С – в (и она назвала имя известного горьковского ботаника, ставшего впоследствии профессором МГУ), я и отчасти Катенька. Вы будете четвертым и дайте мне слово, что

раскроете эту тайну только после моей смерти! Вы ведь, я знаю, любитель бумагу марать разными рассказами. - Так вот, - продолжала она, - в тридцать восьмом году, как вы наверное знаете, репрессии захватили наш пединститут. В науке, знаете ли, много бездарностей, которые желают свести счеты с талантами, а тогдашняя обстановка очень этому способствовала. Я думаю, что в тот год наша так называемая интеллигенция и студенчество завалили Воробьевку доносами на пять лет вперед, а те и рады стараться: заводили одно дело за другим! А Боренька был тогда секретарем комитета комсомола курса. Как-то пришел ко мне домой сам не свой и говорит: «Сил моих больше нет терпеть это! Или пойду в Оке утоплюсь, пока самого не взяли, или с ума сойду!»

А я возьми и скажи:

- Может тебе и в самом деле пойти к невропатологу, подлечиться. Сейчас все равно ведь каникулы!

Он и пошел. А я к С-ву кинулась. Он смекнул, в чем дело, нажал на какие-то пружины и пробыл Боренька в Ляхове до осени. А когда вернулся в институт, его вызвал к себе С -в, о чем-то долго с ним говорил, а после этого разговора Боря забрал документы из института и С-в устроил его к себе лаборантом в Ботанический сад, он тогда одновременно его директором был. Так остался Борис на свободе единственным из всех тогдашних комсомольских активистов.

- Но почему же он потом оставался в звании сумасшедшего?! - изумился я.

- Тут история непростая, - вздохнула Лидия Анатольевна. - До пятьдесят шестого года он, естественно, боялся себя выдать, а потом стал стесняться случившегося, вину перед товарищами очень переживал. Ведь на фронт по болезни его не взяли, однокурсники его все на войне погибли а он уцелел. Легко ли после этого раскрыться?!

...Недели через две после этого разговора я забрел в Ботанический сад (тогда я еще не служил в нем) и увидел в конторе среди прочих портрет Бориса Петровича. И чем больше всматривался я в него, тем сильнее казалось, что вот-вот лицо на портрете встрепенется, глаза вспыхнут и я увижу истинный облик человека, полвека прятанного под маской...

II. ПО ВСЕЯМ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ.

В 1972 г. я демобилизовался с военной службы и, вернувшись на родину, принялся в летнее время экскурсировать по районам области. Чего только я не собирал в то время: фольклор и ономастику, гербарий, образцы горных пород и т.д. и т.п. Увлеченному краеведением, мне хотелось стать краеведом

широкого профиля. Естественно, что в первую очередь я экскурсировал по родному мне Богородскому району (я родился в Богородске и закончил там среднюю школу). Интерес к моей малой родине, ее истории и природе не иссяк даже тогда, когда я окончательно укоренился в Горьком и стал с рвением исследовать сей древний город, где когда-то, еще в середине XIX века поселились мои далекие предки по матери; одна из ветвей их переселилась в Богородск в середине прошлого века. Географические и ботанические экскурсии по Богородскому району не только обогатили меня знаниями в этих науках, но и познакомили с интереснейшими людьми, многое мне поведавшими. Именно поэтому большая часть очерков (но отнюдь не всех!) этого раздела и навеяна моими богородскими экскурсиями.

Ф Е Р М Е Р.

Лет двадцать тому назад вместе с группой студентов оказался я на берегах живописнейших Святых озер, что в окрестностях села Пустошь А...ского района нашей области.

Разместив студентов в пустовавшей по случаю летних каникул деревенской школе- девятилетке, я пошел в сельскую администрацию отметить командировку и там-то, на окраине села увидел огороженный новым штакетником большой участок земли.

Часть территории была занята под строительство особняка, часть отведена под плантации картофеля, кукурузы и овощей, а на остальной части паслись три коровы. Среди них расхаживал с видом победителя коренастый мужчина в галифе, заправленных в добротные яловые сапоги.

В сельской администрации я осведомился об этом человеке.

- О, это личность прямо легендарная! Это наш первый фермер Лобов Федор Николаевич, - ответил мне глава администрации. - У нас, когда пришла директива организовать фермерские хозяйства, он откликнулся первым. Мы ему землю выделили в пожизненное наследуемое владение, телок он в колхозе купил, кроликов, кур завел, землю распахал. Ну, а сеной покос мы ему отвели в пойме нашей реки Сережати.

- Жаль только, что кроме Федора Николаевича никто больше в фермеры не идет! Больно консервативный у нас народ! - вздохнул сельский мэр, ставя на мое командировочное удостоверение круглую печать.

Я заинтересовался фермером и решил заглянуть к нему на усадьбу. Встретил меня Федор Николаевич радушно, угостил парным молоком и повел осматривать свои владения. Дело у него было поставлено образцово: все вскопано, везде посева, нигде ни сорняка, ни мусора, что на деревенском подворье большая редкость.

- Одному вам не управиться с таким хозяйством, где помощников берете? - поинтересовался я.

- Прошу соседей, никто не откажет. Тем более отблагодарить не забываю. Вот, весной этого года договора заключил со школой и детским садом, поставляю им мясо, молоко, яйца - пусть побалуются детишки. А шкурки

кроликов я выделываю и раз в месяц в райцентр увожу, сдаю в кооператив меховщиков. Все овощи свои и навоз завозить не надо – одним словом, безотходное хозяйство.

...Разговор наш закончился тем, что Лобов пообещал и для нас поставлять ежедневно по поллитра молока и по яичку на человека и по кролику и по ведру картошки на всю нашу группу. Мы заключили договор по всей форме и я передал Федору Николаевичу пачку ассигнаций из суммы, выделенной университетом на питание нашей небольшой экспедиции.

Так мы прожили в Пустоши три недели, изучая богатый растительный мир окрестностей этого, доселе неизвестного нашим ботаникам села. Дел было невпроворот и лишь перед самым отъездом я смог выбрать время побродить по селу.

- Эй, наука! – крикнули мне мужики, сидящие на завалинке одного из домов. – Подойди, поговори с народам!

Я подошел, поздоровался и подробно ответил на вопросы, которыми меня закидала честная компания. Кстати и я осведомился о фермере Лобове.

Местные жители его не жаловали, называли куркулем, отзывались о нем враждебно, а один ледащий мужичонка, оказавшийся колхозным электриком, даже пообещал пустить ему при случае красного петуха.

- Чем же вы недовольны? – изумился я. – Он же ваших детей и внуков в школе и детском саду кормит!

- Так у него же дочь воспитателем в детском саду, а жена в школе завучем. Переводят сами себе казенные деньги. Кормят детей неплохо, да ведь и раньше, когда колхоз продукты поставлял, было не хуже и ценой подешевле. А зять его у нас главным механиком – попробуй, откажись, когда попросит для тестя поле вспахать, или привезти чего. Их тут целое гнездо понаехало! У зятя сестра – секретарь сельсовета, а её муж – участковый у нас, – сообщил мне старик с орденом Трудового Красного Знамени на лацкане старомодного потрепанного пиджака.

- Так вы бесплатно на них работаете?! – изумился я.

- Почему же бесплатно? Платит он хорошо. Вот Сереге, за то, что он привез тракторную тележку с сеном с его покоса, бутылку дал и сотню в придачу.

- Так чем же вы недовольны?! – изумился я. – Он же, как я подсчитал, пятьдесят человек кормит!

- А ты подсчитал, сколько людей его кормят?! Откуда он деньги взял на дом, на телок и прочее? Он же военный пенсионер! Сюда с капиталом приехал и здесь такую пенсию получает, что нам и не снилась! Теперь понял? Мы его своим трудом содержали, защитника Отечества, чтобы он на военном складе тридцать лет пузо отращивал и налево имущество сплавлял, и теперь содержим его, военного пенсионера, да еще школьные и детсадовские деньги ему перечисляем.

... Еще через два года я опять приехал сюда со студентами и сразу же зашел к фермеру. На усадьбе его появилась новая постройка – ларек, около которого толпился народ. На витрине набор вин, сигарет, жвачки и тому подобных товаров.

Хозяин встретил меня радушно.

- Вот, расширяем сферу деятельности, обеспечиваем село товарами повседневного спроса.

- А не боитесь конкуренции с сельмагом?

- Не боюсь. Я ведь психологию русского мужика хорошо знаю. Товар мой всегда нужен, а деньги не во всякое время у народа есть: в колхозе с

зарплатой задерживают. Я и в долг товар отпущу и натурой возьму. Тем и забиваю конкурента.

Я стал договариваться о питании студентов и тут мой собеседник поморщился:

- Понимаете, боюсь вас подвести. Ведь мне приходится теперь разрываться между сельским хозяйством и торговлей. К тому же кроликов я больше не держу – экономически невыгодно.

- Но впрочем, - продолжал он, - так и быть, прокормлю вас, даже постараюсь разнообразить ваш стол. Давайте-ка заключим договор...

... Теперь каждое утро мои студенты приносили самые разнообразные и неожиданные продукты – то ведро молока, то полное лукошко яиц, то часть бараньей туши, которую пришлось заготовить впрок, благо погода стояла прохладная, а в пустовавшей школе, где мы опять разместились, был погреб, то несколько банок заморской тушенки, то зелень. А однажды притащили целое ведро ...пакетов с голландским армейским пищевым концентратом...

Перед возвращением в город я зашел в сельскую администрацию отметить убытие и завел разговор о Лобове со знакомым мне стариком с орденом.

- Да, предприниматель, - усмехнулся старик, - он скоро все тут у нас скупит! Зарплату в колхозе дают со скрипом, так он за водку все берет – и яйца, и лук, и укроп; сосед мой ему недавно четверть бараньей туши отрубил. Да еще где-то раздобыл кучу пакетов с армейским концентратом, не то из Германии, не то из Америки. Гуманитарную помощь, наверное, где-то по дешевке скупил.

Я вспомнил наше теперешнее меню...

... И снова Пустошь – еще спустя год. Усадьбу Лобова я не сразу узнал: часть построек снесена, а земля заросла сорняками. На мой вопрос о Федоре Николаевиче его дочь, молодая раполневшая женщина, ответила, что папа в своем супермаркете принимают товар.

Я пошел к сельмагу и на фронтоне его увидел новую вывеску «Сельский супермаркет «Отрада Пустоши». У входа я увидел Лобова, покрякивавшего на мужиков, таскавших ящики. Увидев меня, Федор Николаевич широко улыбнулся и подошел с протянутой рукой.

- С благополучным прибытием, господин натуралист! Вот, полюбуйте, на открытом аукционе сельмаг купил!

- А не рискованно ли по нынешним временам? – засомневался я. – Мне сказали, что колхоз на грани банкротства и уже полгода зарплату не платят.

- А у меня прямой товароборот налажен! Я ведь теперь не только торговец, но и заготовитель. Поставляю в райцентр и даже в ваш Нижний все, чем богата наша русская природа: и муравьиные яйца, и ягоды, и грибы, и лекарственные травы. Мужики, бабы, и даже дети все это сдают, а я им – нужный товар, да еще и денег приплачиваю. Могу и в долг дать. И мне прибыль, и им хорошо – не надо в колхозе горбатиться.

- Да, горбатиться! Через таких как ты, Федор, у нас и поля зарастают, и в лесах все подчистую выметено.

Я обернулся и узнал старика с орденом.

- А, это ты, Бычков! – прохрипел Федор Николаевич, - все воду в селе мутишь, народ против меня настраиваешь. Смотри, думишься, орденоносец ...! – закончил он фразу грубым ругательством.

Вечером, с помощью Быčkова, я нашел семью, с которой договорился о питании моих студентов. Цены, вне всякого ожидания, оказались вполне для нас приемлимыми.

А Н Ю Т И Н Ы Г Л А З К И.

Политические стасти проникают сейчас в самые глухие уголки страны, в самые захолустные городки, поселки и деревушки. особенно же они накаляются накануне выборов глав местных администраций. Оно и понятно: кандидаты в мэры, губернаторы, бургомистры, старосты и т.д. и т.п., пусть самые что ни на есть «независимые», являются, вольно, или невольно, выразителями чаяний различных социальных групп, имеющих свои материальные интересы. А коль скоро мы живем в материальном мире, то сами понимаете...

Впрочем, не буду объяснять очевидное. Скажу только, что я смог убедиться в этом лично уже лет двадцать тому назад, в маленьком городке-поселке Б., куда я ездил для изучения культурной флоры.

Уже едучи в рейсовом автобусе, я наслышался от пассажиров самых разных мнений о трех лицах, выдвинувших свои кандидатуры на пост главы районной администрации. Когда же через два с небольшим часа я сошел с автобуса у тамошней автостанции, то первое, что я увидел, были предвыборные плакаты. Из этих плакатов я узнал, что на пост «раймэра» претендуют директор одиннадцатилетней школы, нынешний глава администрации и директор одного из совхозов.

Само собой разумеется, что педагог обещал улучшить дела с зарплатой учителям и вообще бюджетникам, директор совхоза клялся в первую очередь заботиться о нуждах колхозников, рабочих совхозов, фермеров, а заодно и о садоводах и огородниках вообще а глава администрации ничего не обещал. Вместо обещаний он напоминал землякам, что во время его руководства и в райцентре, и в районе не было таких острых социальных потрясений, как в соседних районах.

В городке Б. я остановился в гостеприимном доме моего студента, а теперь учителя географии и биологии Жени Д. и в течении недели бродил по городку и окрестностям, собирая гербарий. В благодарность за гостеприимство я уточнял определение растений из школьного гербария, собранного учениками Евгения Петровича, а также заготавливал лекарственные травы для его семейства.

Хозяину я старался не докучать. Впрочем, ему было не до меня, ибо учитель был доверенным лицом и дни целые был занят в группе поддержки своего директора школы.

По прошествии трех дней Евгений Петрович сделался мрачным, как туча, и это было понятно, ибо популярность директора школы не могла идти ни в какое сравнение с популярностью его конкурентов – главы администрации Г. Л. Анютина и директора совхоза Б. Г. Петухова. Эти двое, разъезжая по деревням и селам, в каждом из них знали лично по меньшей мере троих и апеллировали к ним, как к добрым знакомым.

- Представляете, Илья Львович, - жаловался Женя, - поехал я с Виктором Николаевичем в Борзовку на сельское собрание, а моего кандидата там никто не знает, даже учительницы здешней школы!

А Анютин с Петуховым из машин вышли и сразу же знакомых приветствуют, руки им жмут, о делах осведомляются и на ходу помощь оказывают! Анютин, он же инженер по сельхозтехнике, тут же помог молодому шоферу машину завести, а Петухов зашел в какой-то двор и, как агроном, стал советы подавать, как быстро подручными средствами от плодоярки избавиться. Куда уж до них Виктору Николаевичу!

И педагог горестно махнул рукой.

Я и сам видел на ботанических экскурсиях, как селяне всюду развешивали красочные предвыборные плакаты, изображающие Анютина в обрамлении анютиных глазок и Петухова в синей рабочей куртке с белоснежным красногребенным петухом на руках (все три цвета российского флага!). Предвыборный же плакат, изображавший директора школы Пияшева в окружении своих питомцев я видел только в одном месте – в окне первого этажа сельской школы – девятилетки.

Сам я от политики бесконечно далек, даже в своем микрорайоне на выборы хожу редко. А тут я заинтересовался ходом предвыборной кампании, стал регулярно слушать местное радио и за день перед выборами посетил единственный в райцентре избирательный участок, находящийся в Доме культуры. Обыкновенно перед подобными учреждениями разбивают клумбы с цветами. Так и на этот раз я увидел целый ряд отслуживших свой срок шин от большегрузного самосвала, заполненных плодородной землей, из которой торчали кустики анютиных глазок. Для меня, как для ботаника было совершенно ясно, что они посажены совсем недавно и второпях.

Я не поленился, благо мне все равно было, где побывать, и посетил расположенные неподалеку от райцентра большие деревни Вышино и Демкино. Там, перед входом в школы-девятилетки, где разместились избирательные участки, увидел те же наспех посаженные анютины глазки. К концу дня, побеседовав со многими людьми, я убедился, что сторонники нынешнего главы администрации, используя созвучие его фамилии и даже инициалов с названием цветка анютины глазки, посадили его аккуратно перед выборами, чтобы улучшить шансы своего кандидата. Фактически это была агитация накануне и во время выборов что формально запрещено и я сказал об этом Жене.

Тот только махнул рукой:

- Да ведь все равно шансы на избрание Виктора Николаевича фактически равны нулю! А, впрочем, спасибо за информацию. Завтра я подниму этот вопрос перед председателем избирательной комиссии.

Послезавтра утром я уже получил разъяснения по местному радио, где председатель избиркома оповещал своих земляков о результатах выборов.

Как я и ожидал, победил нынешний глава администрации Г. Л. Анютин. Директор совхоза Б. Г. Петухов отстал от него на пять процентов голосов избирателей, а директор школы В. Н. Пияшев собрал всего два процента голосов.

- По данным избиркома, - вещало радио, - никаких нарушений законов как в период избирательной кампании, так и на самих выборах не допускалось. Правда, - выдержав паузу, сказал председатель избиркома, - к нам поступило заявление от одного из членов штаба кандидата Пияшева о якобы допущенных сторонниками Геннадия Леонидовича нарушениях закона о выборах.

Речь идет о посадке анютиных глазок на клумбах перед различными культурными учреждениями нашего района. Заявитель утверждает, и угрожает, что доведет это свое мнение до областных властей, что это делалось в агитационных целях, чтобы у идущих на участки избирателей при виде анютиных глазок возникла ассоциация с образом нашего уважаемого мэра Анютина.

Я ответственно заявляю, что это – смехотворный вздор! План озеленения утверждался еще за год, договоренность с фирмой «Цветы Нижегородчины» о поставке рассады анютиных глазок также оформлялась год назад! Если

настаивать, что посадки анютиных глазок осуществлялись в агитационных целях, почему бы не считать, что и белых петухов, - а у нас все петухи белые! - выпустили на улицы специально в день выборов также в агитационных целях, чтобы голосовали за Петухова?! - гремел председатель избиркома.

Из речи председателя избиркома я понял, что в маленьких городках типа Б., где все повязаны друг с другом, правды не сыщешь. Так я и заявил перед отбытием домой Евгению Петровичу, вручившему мне два конверта: один в областную прокуратуру, другой - председателю облизбиркома. Учитель со мной согласился и сказал, что просит меня лично отнести письма по адресам, поскольку не доверяет местной почте.

Второпях я сунул конверты не в полевую сумку, а в ботаническую папку, и, закинув за плечи рюкзак, и взяв под мышку набитую наполовину высушенными растениями гербарную сетку, побрел на автостанцию.

Надо вам сказать, что городок Б. маленький, движение даже по главной улице редкое и горожане переходят ее, не обращая внимание на сигналы непонятно для чего помещенного здесь светофора. Так и я спокойно перешел пустынную улицу на красный свет и вдруг был остановлен невесть откуда взявшимися милиционерами.

Я был объявлен «злостным нарушителем правил дорожного движения, создавшим опасную ситуацию на оживленной улице» и подвергся личному досмотру. Сначала я опешил от изумления и хотел объяснить стражам порядка нелепость этого обвинения: на улице ранним утром не было движения вообще! Но тут же смекнул в чем дело и понял, что власти устроили охоту за письмами Евгения Петровича и, заметив меня, попытались эти письма перехватить. Порывшись в полевой сумке и обнаружив там только определитель Аверкиевых и полевой дневник, они осведомились, что у меня в рюкзаке, в гербарной сетке и папке. Рыться там они не стали, и отпустили целым и невредимым; видимо какой-то остаток стыда и совести у них сохранился.

По приезде в Нижний я отнес письма по адресам, а через неделю позвонил Женя и проинформировал меня о ходе дела. Комиссия из области приехала, побеседовала с десятком людей из окружения Анютина и отбыла восвояси. Результаты выборов вряд ли будут отменены, ибо Анютин уже принялся за работу. Его конкуренты тоже не обойдены должностями:

Петухов занял пост начальника районного управления агропромышленного комплекса, а Пияшев – начальника управления образования.

- Получается, что кроме меня никто у нас не заинтересован в правде! Ведь что обидно: старался, ездил по деревням, по школам, агитировал за Пияшева, а теперь идут слухи, что его еще за полгода до выборов уговорили свою кандидатуру выставить, чтобы создать видимость плюрализма! А Анютин с Петуховым договорились, что кто победит, устроит своего друга – соперника на должность начальника управления! Не город у нас, а гнездо мафии!

Я попытался успокоить своего телефонного собеседника, но тот, распаясь прокричал еще что-то о происках властей и бросил в сердцах трубку.

В Е Т Р О В А Л.

Ель – дерево во всех отношениях замечательное. Древесина идет на бумагу, смола на лаки, находят применение хвоя и кора, а молодые елочки и даже ветки украшают наши дома и площади под Новый Год. Но деревообработчики и лесоводы относятся к ели скептически. Древесина у этого дерева не больно прочная, сама ель, в отличие от сосны и лиственницы порода капризная, да, вдобавок, доросшая до 12 – 14 метров, подвержена ветровалу. Дело в том, что у ели корневая система поверхностная и дерево заякоревает слабо; сильный ветер способен выворотить дерево с корнем.

На такой-то ветровал я и набрел в августе 1967 года, когда студентом-второкурсником экскурсировал в Зеленом Городе в окрестностях пансионата ветеранов войны. Вообразите себе квадрат примерно сто на сто метров, весь заполненный вывороченными с корнями высоченными елями; часть стволов была сломана. Впечатление было такое как если бы прошел здесь великан и сшибал деревья, как мальчишки сшибают бурьян на пустыре.

У ветровала я оказался не один, тут уже находилась группа людей в темнозеленых мундирах Корпуса лесничих. Среди них выделялся крупный мужчина, в петлицах кителя которого сияло по три звезды полковника лесной стражи.

Я подошел поближе и представился. Узнав, что я – студент профессора К. К. Полуяхтова, заведующего кафедрой ботаники и авторитетного лесоведа, они попросили меня срочно связаться с Константином Капитоновичем и

сообщить ему об этом явлении с тем, чтобы выявить причину ветровала. Поразительным было то, что на всех окрестных площадях, где также была посажена ель, ветровала не было! Я внимательно осмотрел выворотни, почву под ними, почву на соседних делянках. Разницы в почвах вроде не было никакой, разве что на пострадавшей делянке в корнях елей виднелись какие-то камешки...

Почтенный профессор, когда я сообщил ему об этом случае, тут же загорелся, позвонил своему сыну - автовладельцу и через два часа мы уже были на месте происшествия. Были откопаны полные почвенные профили, взяты пробы для химического и бактериологического анализа. Увы, профессор Полуяхтов преуспел не более моего. Когда я обратил его внимание на застрявшие в корнях елей камешки, как причины ветровала, он лишь скептически усмехнулся и пояснил мне, что здесь везде полно отложений ледниковой эпохи, в том числе и гравия. Это объяснение мне показалось недостаточным и я решил еще раз съездить в Зеленый Город и опросить ветеранов местного лесничества.

На сей раз мне повезло: в пансионате я познакомился с ветераном лесничества почтенной Александрой Евгеньевной Т., которая много лет назад сажала эту самую повалившуюся ель.

- Конечно, не дело елки по песку сажать, у елки корни не шибко вглубь идут. Да видно план был спущен, мы и сажали. Потом елки росли - росли да и попадали от ветра. Вот и вся эта история! - со смехом закончила она.

- А, все-таки, что было раньше на месте делянки - спросил я ее.

- Да ничего не было! - ответила она. - Говорят, какой-то котлован был, потом его засыпали, потом мы там елки сажали...

Так эта история и осталась нераскрытой до той поры, когда я в 2008 году был приглашен на 60-летие завода «Орбита», где проработал шестнадцать лет слесарем в 17 цеху. Мы сидели в кафе, угощались вовсю и со слезами умиления вспоминали, как хорошо было работать при директоре Куранове и главном инженере Пратусевиче! Между прочим, сидевший рядом со мной технолог Струбалин вспоминал, как он, в ту пору недавний выпускник индустриального института, налаживал производство:

- Завод, как его построили, начал осваивать новое изделие, для него нам завезли материалы аж с Урала. Да только дело сначала не пошло: не то

опыта было мало, не то технология была плохо отработана, а, может, вредительство какое было. По давности лет помню плохо.

Материала мы горы целые принимали, а дело все не шло. И браку у нас накопилось много – весь хоздвор завалили. А тут еще обнаружилось, что приемщики сплеховали – материал, оказывается, некондиционный шел!

Еле-еле наладилось дело, пошла продукция, а тут новая весть – комиссия из наркомата прибывает!

Первое дело, негодный материал и брак надо было убрать куда-нибудь с глаз долой. А куда?!

Тут я не выдержал и перебил собеседника:

- Подумаешь, какие сложности! Вывезли бы все на свалку!

- Нельзя было это делать, - пояснил мне Струбалин. - Ведь материал был стратегическим сырьем, а изделие – секретное. Не дай бог кто-нибудь обнаружит! Времена сами знаете какие были: чуть что – поехал на казенное житье к Лаврентию Павловичу!

- Ну так вот, - продолжал ветеран свой рассказ, - я и предложил вывезти все в леса Зеленого Города; в те времена он был малолюдный. Знал я там в укромном уголке один котлован, теперь на этом месте деревья растут. Разработали мы операцию чин по чину. Чтобы никто не знал места, мы колонну грузовиков с отходами и крытый грузовик с рабочими уже вечером в сумерках пустили вслед за легковушкой; за рулем сидел я, а со мной мастер был, который рабочими командовал. К ночи обходным путем доехали, костер развели, чаю с галетами попили, переночевали во взятых с собой палатках.

Утром встали, вкипятили в походной кухне чай, поели взятым с собой сухим пайком и за работу. Весь день отходы и негодное сырье сваливали в котлован, потом забрасывали его песком и площадку заравнивали.

Потом опять чаю попили, перекусили и в сумерки назад тронулись опять по путанному маршруту.

Кроме меня никто этого маршрута не знал, даже шоферы, потому что накануне я на директорском трофейном «опель-капитане» маршрут проложил.

Через неделю комиссия из наркомата приехала, смотрит – отходов минимум, продукция идет, все в порядке. Мастер, правда, пытался донести, что гору негодного сырья и брака вывезли недавно, - наверное, счел, что заплатили ему мало, - но куда вывезли, он толком сказать не мог. Только

пока комиссия разбирала его заявление, мастера взяли, как якобы рассказавшего анекдот про Молотова; дело и замерло.

Струбалин пустился в дальнейшие рассуждения, но я слушал его вполуха. Теперь для меня ясна была причина этого ветровала. Растущие корни елей встретили на глубине руду, отходы, бракованные изделия и, частью остановили свой рост, частью отмерли. Заякореваяющие свойства их ослабили и деревья полегли здесь под напором ветра, который для соседних участков оказался безвредным.

В Е Т О Ч К А В О С К О В Н И К А.

Году в 1992 прихотливая судьба натуралиста привела меня на самый юг Богородского района, где я исследовал флору карстовых провалов. Остановиться на ночь я планировал в доме сельского учителя Федора Федоровича Н., чьи превосходные очерки о природе регулярно публиковались на страницах районной газеты «Ленинская победа». Я списался с ним и вот таким-то манером оказался августовским вечером в его небольшой бревенчатой избе. Федор Федорович был уже на пенсии, но еще работал в своей школе, ведя уроки биологии и географии. Кабинет его был типичным кабинетом сельского учителя – естественника: карта на стене, письменный стол, этажерка с книгами. Книги эти были все вузовские курсы ботаники, зоологии, географии, методические руководства, а среди них я узрел толстенький томик «Определителя высших растений европейской части СССР» В.И.Талиева издания 1940 года – вещь вообще-то достаточно редкую. Представьте мое изумление, когда раскрыв, с разрешения хозяина книгу, я увидел на титульном листе надпись: «Моему любимому ученику Константину С...кому с пожеланием успехов в ботанике». Далее стояла дата – апрель 1941 года и подпись одного из известных горьковских ботаников, впоследствии ставшем профессором МГУ и дважды переработавшим определитель Талиева. Еще более я изумился, обнаружив в книге выцветшую уже этикетку Кабинета морфологии и систематики растений биофака нашего университета, где химическим карандашом было написано следующее:

Myrica gale L.

(Восковник болотный)

Болото верхового типа к югу от села Никольский Мох Калининской области.

Собрал С...кий К. 28.10.1941.

Рядом с этикеткой в книге лежала сама веточка восковника, редкого кустарника северо-запада европейской части России.

- Как к вам попала эта книга, этикетка и гербарный экземпляр? – спросил я Федора Федоровича. – И кто таков этот С...кий?

- Константин был ботаником, вроде вас, - ответил мне учитель, - только моложе. Перед самой войной он окончил биофак и стал работать лаборантом на кафедре ботаники, одновременно поступив в аспирантуру. А с книгой этой связана целая история...

Как война началась, я, секретарь комсомола в МТС, был призван в армию, был сначала младшим политруком, а потом и политруком. Воевал я на северо-западном направлении. Три раза из окружения выходили. Потом нашу часть в резерв фронта отвели, пополнение стали получать. Я, как политрук роты, знакомлюсь, спрашиваю, есть ли горьковчане. Один откликнулся.

Называет фамилию и говорит, что как университет закончил, работал лаборантом кафедры ботаники. Это и был тот самый С...кий.

Я подивился: ведь в те поры всех образованных людей через офицерские курсы пропускали, а он-то каким образом рядовым пришел?

Вечером стал документы просматривать и ахнул: у этого С...кого, оказывается, была запись, что в сентябре был под следствием за уклонение от мобилизации. Вызвал я его к себе, а он и рассказывает, что в начале июня уехал на заброшенный лесной кордон в междуречье Керженца и Лапшанги исследовать местную флору и растительность. Продукты туда завез, ружье взял, удочки. Кордон этот, по его словам лежал в двадцати километрах от ближайшей деревушки и до августа Константин никого не видел. А в августе, когда он вернулся в Горький и сдал на кафедру все материалы, его тут же арестовали за дезертирство. Не миновать бы С...кому суровой кары по законам военного времени, но за него вступились и профессор, и декан, и ректор. Молодого ботаника освободили и послали рядовым на фронт.

- Так вы что же, и в самом деле не знали, что война началась?! – спросил я его.

- Не знал... то есть узнал, но не придавал этому значения. В начале июля на кордон пожилой охотник забрел, он и сообщил, что Германия напала, - нехотя признался Константин.

- Так почему же вы все не бросили и не приехали сразу же в Горький?!

- Видите-ли, я думал, что будет как на той войне, на империалистической. Мой папа в четырнадцатом году закончил университет, и, как и я, был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию, но его же не забрали в армию!

- А кто ваш отец? - спросил я его.

- Мой папа - доцент педагогического института, преподает математику, - ответил С...кий.

Я внимательно смотрел на него и не мог понять: то ли он притворяется человеком не от мира сего, то ли в самом деле такой...

Держался он со всеми вежливо, со всеми на «вы», а только не любили его бойцы. В разговоре сгоряча пошлют его подальше и матушку помянут, так он вспыхнет, замолчит и больше с этим человеком не разговаривает, хоть ножом его режь!.. В землянке, - мы жили в землянках, - запашок, сами понимаете, не того: накурено, да и вообще... так он с товарищами ругаться взялся: идите, говорит, курить наружу, от вас вонь, говорит... ну они его самого наружу и вытурили. Так поверите: он веток натаскал и шалашик рядом соорудил, так и спал в нем. А еще через неделю такое случилось, что не миновать бы ботанику трибунала.

Вызвали раз меня в штаб полка, а там особист дожидается. В вашей, спрашивает, роте, боец С...кий служит? И письмо его подает, а в нем вся наша дислокация указана. То есть он рядом на болоте редкое растение нашел и отцу подробно пишет где, чтобы профессору тот передал и маленькая веточка, вроде этой в треугольнике.

- Я, - говорит особист, - сейчас его прямо в трибунал! У него раньше было дезертирство, а теперь он - шпион! И представление начал писать, а потом приказал ботаника доставить.

Заводят в землянку С...кого: без ремня, а за ним боец с винтовкой.

Начинаем мы с ним разговор, объясняем, что он выдает военную тайну - расположение части. А ботаник твердит, что открытие сделал и что положено точное местонахождение растения указывать.

Особист совсем осатанел, велел его увести и говорит: «Вечером мы его расстреляем перед строем, для примера другим». Я попытался за него заступиться – куда там!

- Ты, политрук, смотри, сам не загреми за укрывательство шпиона! Я и тебя на карандаш беру!

Кинулся я тогда к комиссару. Он у нас очень образованный был – из Института Красной профессуры. Выслушал он меня и согласился:

- Ученые все такие, не от мира сего! Их не наказывать за это нужно, а воспитывать!

В общем, ботаника мы отстояли, а через два дня подняли нас по тревоге и на фронт, дыру затыкать. Только мы позиции заняли, окопы отрыли – немец на нас пошел.

Отбили мы их наступление, стали траншей отрывать – новая атака. Так три дня и жили – то копали, то стреляли. А потом на нашем участке затишье наступило: немец на Москву пошел, а у нас только оборону держал. Мы стали обживать, целую паутину траншей отрыли, блиндажи надежные. На ботаника я в то время обращал внимание не больше, чем на других бойцов: воюет человек – и молодец! А тут с ним опять история случилась!

Константин в свободное время все свою книгу, определитель этот читал. Один из бойцов и говорит ему в шутку, что мол, определитель твой не нужен здесь, ты бы его на сигарки раздал. А ботаник шуток не понимает, возмущается. Тут его зачем-то к взводному вызвали. Сунул он своего Талиева в сидор и ушел, а когда вернулся, достал книгу, смотрит – одна страница вырвана. Так поверите, на того бойца с винтовкой кинулся, чуть штыком не запорол! Пришлось мне это дело разбирать.

Вызвал я его, объясняю, что если он с образованием, то должен к товарищам снисхождение иметь!

- Чем бойцов за некультурность корить, вы бы лучше беседу с ними провели, рассказали о своей науке, - говорю я ему.

А он стоит передо мной навтыжку и смотрит, как на пустое место. Я, помнится, тогда очень его взгляда испугался. Не жилец, думаю, он на свете... и что же! На следующее утро, как немцы опять нас начали беглым минометным огнем тревожить, одна мина прямо в окоп к ботанику угодила! Страшно сказать – и похоронить-то не было чего... и что же вы думаете, бойцы больше его и не вспоминали, а если и поминали, так недобрым

словом. А ведь он вместе со всеми тогда ад прошел! Всех, кто после этого боя в живых остался, медалями «За отвагу» наградили.

А книга и вот эти закладки мне достались. Я вскоре после этого случая тяжело ранен был, и как в госпитале лежал, книгу его перелистывал, картинки разглядывал. Очень мне хотелось понять, что это за наука такая, ботаника, которая людей от жизни уводит...

В сорок шестом году демобилизовался я замполитом полка, приехал в Богородск, стал в райисполкоме работать. Вечернюю школу закончил, потом на биолого-географический факультет пединститута поступил, на заочное отделение. Уехал я сюда, на свою родину, стал директором школы, потом по старости в рядовые учителя перешел. В Горьком я бывал неоднократно, мог бы зайти к отцу С...кого, он все в нашем пединституте профессорствовал, да что бы я стал ему говорить? Что сына он воспитал и образованным, и науке преданным, и вежливым, да только человеком недружным и к народу презрительным?! А ведь пришло ему извещение, что погиб геройски его сын при защите Родины, и что медалью награжден...

...Федор Федорович тяжело вздохнул и продолжал:

- История эта мне самому долгие годы каким-то исключением казалась; я все считал, что интеллигенция наша всегда заодно с народом была, каким бы он не был. А теперь смотрю, что вокруг делается и вижу – таких С...ких полным-полно! Заводы разрушаются, колхозы бедствуют, люди нищают, цены растут, в газетах – один блуд и разврат, преступность вокруг – как в Америке на телевизоре, а вы, ученые, все твердите о «возрождении духовности» о наступлении «эпохи гласности»! Да в науку свою поглубже забираетесь, чтобы, значит, бедствий народных не слышать и не видеть! Да еще на народ клеветите: быдло мол, они все, люмпены, шариковы!

- Помяните мое слово! – вещал он, как библейский пророк. – Всех вас в свое время, как этого С...кого помянут и проклянут!

Потом он опомнился и замолк.

- Что это я, в самом деле, на вас накинулся...Идемте, я сенник вам приготовил. Вам ведь завтра рано вставать...

Но уснуть в ту ночь я так и смог.

Обычно считают, что чем старше лес, чем он глуше, тем больше в нем редких растений. А вот автор этих строк, да и другие ботаники неоднократно находили массы орхидей как раз в мелколесье, на зарастающих вырубках, по опушкам лесов и даже в городских парках. Вот и на этот раз, попав в молодой сосново-березовый лес в окрестностях села Ягодное Богородского района, я обнаружил там и ятрышники, и любку, и дремлики и знаменитый венерин башмачок.

О своей находке я доложил на одном из заседаний секции охраняемых природных территорий при областном совете общества охраны природы, а сверх того опубликовал три заметки в различных газетах. Узнав о моих находках, известная в нашем городе ветеран ботаники Екатерина Васильевна Л. очень обрадовалась и попросила меня и на следующий год навестись в эти места. К несчастью на следующий год на меня нахлынула масса других дел и я отложил обследование на потом. Но не зря говорится, что дорога по улице «Завтра» ведет на площадь «Никогда»! По своей наивности я воображал, что, коль скоро лес молодой, то ближайший лесхоз его не тронет. А удаленность от населенных пунктов и асфальтовых дорог служила, как казалось мне, надежной гарантией от наплыва отдыхающих. Потому-то и с дополнительным обследованием этого леса не торопился. Лишь через два года выбрался я в это урочище. Боже, как я клял себя за свою наивность, за расейскую обломовскую привычку не спешить!

И было от чего прийти в отчаяние! В урочище полным ходом шла расчистка леса под садовые участки. Звенели пилы, крикали топоры, а один умелец уже соорудил из жердняка садовый домик и теперь вместе с двумя сыновьями перекапывал участок, кстати, как раз там, где рос венерин башмачок. Оставалось только одно – найти председателя садоводческого товарищества и попросить его, чтобы садоводы при освоении участком щадили орхидеи.

Председателя я нашел быстро. Это был пожилой мужчина в белом полотняном костюме: китель и брюки полувоенного покроя и в такой же старомодной фуражке, какую носили бюрократы средней руки при Иосифе Виссарионовиче. На лацкане кителя у него красовался трехцветный флажок. К моей просьбе он отнесся без особого энтузиазма, однако же и не отказываясь наотрез. Впрочем, бродя по садовым участкам, я заметил, что многие садоводы огородили орхидеи бордюриками, а некоторые пересадили

их в импровизированные клумбы. Вернувшись в город, я встретился с Екатериной Васильевной и сообщил ей все это.

- Как же это так?! - изумилась она. - Мы же поставили в известность о вашей находке все соответствующие ведомства! Все они, в том числе и райсовет, и Богородский лесхоз клятвенно уверяли меня, что не дадут «добро» на хозяйственное освоение этой территории по крайней мере в течение ближайших двадцати лет. Что-то здесь нечисто...

Через неделю я сидел в комнате, которую занимали в здании Богородского райсовета ответственные секретари районных обществ охраны природы и охраны памятников истории и культуры и беседовал с симпатичной молодой женщиной, которую я знал еще студенткой естественно-географического факультета пединститута.

- Да, я знала, что в этом лесном массиве множество орхидей, - потупив глаза призналась она мне. - Но и мне, и Ивану Семеновичу из лесхоза порекомендовали не препятствовать...Кто? Ну, этого я вам не скажу...

Я понял, что дальнейшая беседа бесполезна и откланялся. В утешение себе я узнал, что и Екатерина Васильевна, обладавшая гораздо большими связями, чем я, преуспела не больше моего.

Еще раза два в том году я навещался в это садоводческое товарищество и убедился, что какая-то часть орхидей уцелела благодаря попечительству садоводов. Самое же удивительное заключалось в том, что рядом пустовало и зарастало травой поле, принадлежащее колхозу «Ударник». Здесь таилась какая-то загадка, разгадать которую в то памятное лето 1991 г. просто не было времени и охоты. Приближалась иная эпоха, иные заботы...

...Через полтора года после описываемых событий я очутился на областной учредительной конференции одной из новых партий левого толка. Здесь я к своему изумлению увидел председателя того садоводческого товарищества. На лацкане его пиджака вместо трехцветного флага красовался уже значок ветерана партии. В перерыве один из лидеров этой новоиспеченной партии, профессор нашего университета, увидев меня, отозвал в сторону для конфиденциального разговора. Рядом с ним был и председатель садоводческого товарищества.

- Не поможете ли нам в составлении экологической части нашей программы? Скоро выборы в новые органы власти. Наша партия будет

выдвигать своих кандидатов и мы формируем предвыборную программу. Вот, знакомьтесь, наш специалист по экологии. В его товариществе много наших людей.

И он представил мне уже известного председателя садоводческого товарищества.

Ветеран партии взял меня под руку и отвел в уголок. Мы разговорились. Он оказался человеком довольно сведущим в порученном ему деле; в разработанной им экологической части программы я внес лишь небольшие исправления.

По окончании конференции выяснилось, что нам с председателем по пути и мы решили пройтись пешком, благо погода была хорошая, а интересы у нас оказались общими.

- Жаль, - сказал я, - что вашему садоводческому товариществу досталось мелколесье, а не пустующее поле. Глядишь, и затрат на освоение было бы меньше, и природу бы сберегли.

- Наивный вы человек, - ответил он мне. - Вы что же, считаете, что нас обделили? Колхозное поле нам предлагали, но мы отказались наотрез.

- Почему же? - изумился я.

- Да потому, что в отличие от многих мы люди дальновидные. Рано или поздно все возвратится на круги своя. Колхозную землю придется вернуть колхозу, законному владельцу, которому земля передана в вечную собственность. А мы хотим оставить наши сады детям и внукам. Земли же гослесфонда, где мы разбили свои сады - земли государственные, а с государством мы поладим при любой власти - у нас везде свои люди.

- Конечно, жаль ваших орхидей, - продолжал он. - Пришлось нажать на рычаги, чтобы нам не препятствовали, но есть вещи поважнее цветочков. Мы - партия прагматиков. Чтобы изменить политику государства и вернуться к социальной справедливости, мы должны сначала практически освоить нынешнюю ситуацию, научиться работать с существующими органами власти. Приходите к нам через год, посмотрите, как мы живем...

...Приглашением «ветерана партии» я воспользовался весной следующего года, когда, будучи на ботанической экскурсии в верховьях ручья Ункора, заглянул в те края. Пришел я не вовремя: в товариществе было заседание правления, собранного на первом этаже просторного двухэтажного кирпичного дома председателя. Из любопытства я заглянул в раскрытое

окно. В торце длинного стола под портретом Бориса Николаевича Ельцина сидел председатель и директивным тоном втолковывал сидящим за столом четырем мужчинам и двум женщинам:

- Мы должны разъяснить, что всем необходимо подать заявления в местную администрацию о закреплении участков в собственность! Только это позволит нам быть хозяевами на своей земле! В случае затруднений участок они смогут продать, покупателей я всегда смогу найти! Предупредите, что кто не захочет быть земельным собственником, будет исключен!..

Я понял, что «ветеран партии» вполне преуспел в «практическом освоении нынешней ситуации» и потихоньку удалился. Больше я с ним не встречался.

У Б Р А Т Ь К О Н К У Р Е Н Т А .

Много лет ведя полевую практику по ботанике в пединституте и университете, я завязал знакомства с несколькими студентами, которые после окончания вуза уехали работать учителями биологии и географии к себе на родину, в провинцию. Время от времени они пишут мне о своих находках и я обязательно приезжаю к ним. Вот и на этот раз, получив письмо от Марины С. из деревни Победово о находке ею совместно с учениками неподалеку от деревни карстовых воронок с интересной флорой, я поспешил в дорогу.

До райцентра я добрался быстро, ибо от автовокзала на площади Лядова автобусы отходили через каждые полчаса, а вот когда я приехал в райцентр, то оказалось, что ждать районного автобуса нужно было часа четыре. Впрочем, это меня несколько не смутило и я побрел по городку, гербаризируя местную флору.

Когда через два часа я вернулся на автостанцию, то к своей радости увидел, что подан нужный мне автобус! Увы - радость оказалась преждевременной. Это был не рейсовый дополнительный автобус, как я предполагал, а автобус открытого акционерного общества «Вольный ветер», который конкурировал с муниципальным автопредприятием. Билеты на него

стоили ровно вдвое дороже, но в пассажирах недостатка не было, ибо район этот был густонаселен и дорожная сеть, весьма разветвленная, содержалась в исправности; фактически к каждой деревне вела асфальтовая трасса. К сожалению, денег я с собой взял в обрез и услугами «Ветерка» как звали пассажиры эту компанию, воспользоваться не смог. Поэтому я уселся на скамеечке у автостанции и стал приводить в порядок свои сборы.

В положенное время подъехал автобус нужного мне отправления и я забрался в него и уселся неподалеку от водителя. Контролер проверила билеты всех пассажиров, но ПАЗ с места не тронулся: к водителю подошел какой-то вальяжного вида мужчина и начал с ним разговор:

- Напрасно, Владимир Михайлович, не соглашаешься с моим предложением. Все ваши идут нам навстречу: и Михеев, и Костя, и Сан Саныч и никто в накладе не остается. Что тебе стоит сказать диспетчеру, что карбюратор забарахлил и тебе нужно в гараж вернуться? Тысяча была бы твоя! Смотри, ведь в дороге всякое может случиться, - с угрозой закончил он.

Я подивился выдержке шофера. За все время тирады своего собеседника, как я догадался - из «Вольного ветра», - он оставался совершенно спокоен и только желваки на скулах его ходили ходуном. Он дал сигнал и автобус покати по маршруту.

Вскоре ПАЗ выехал за пределы городка и за окном замелькали сосновые полсадки, березовые перелески, поля и луга. Через сорок минут автобус остановился у железобетонного навеса с надписью «Победово» и я по полевой дороге пошел в деревню.

Вскорости я сидел в горнице просторной деревенской избы, где вместе с родителями проживала Марина и разбирал ботанические находки ее учеников. Покончив с ботаническими штудиями, мы с Мариной в сопровождении стайки ее учеников направились к карстовой воронке. Дорога шла неподалеку от шоссе и когда мимо проехал автобус, я вспомнил случай на местной автостанции и рассказал о нем Марине. К моему удивлению, Владимира Михайловича она знала хорошо, ибо он оказался местным уроженцем и, вдобавок, ее дальним родственником.

- Ну, угрозами дядю Володю не возьмешь! Он и не такое слышал, когда командиром ДНД был! - с гордостью сказала Марина.

Я успокоился.

Карстовая воронка оказалась очень интересной сама по себе, тем более, что на ее стенах рос редкий папоротник Цистоптерис судетика. Тут же дети сказали мне, что в лесу неподалеку есть еще две воронки. Но время уже было позднее и я заторопился в Нижний, сказав, что приеду ровно через неделю.

Через неделю я приехал на районную автостанцию пораньше и успел как раз на муниципальный рейсовый автобус отправления 10.00. Водителем был все тот же дядя Володя. На сей раз вальяжный мужчина из конкурирующей организации не появлялся, и автобус без помех выехал за город. Но только мы переехали полотно железной дороги, как автобус остановился и подобрал голосовавшего мужчину, тут же усевшегося рядом с водителем и завязавшего дружеский разговор. Прислушавшись к разговору, я понял, что невзрачный мужичонка в спецовке, хороший знакомый водителя, является механиком «Ветерка» и соблазнял дядю Володю перебраться к ним. Тот все отнекивался.

Внезапно мотор автобуса противно зачавкал и машина остановилась.

- Вот видишь, и автобусы у вас – дрянь! – радостно прокричал механик «Ветерка». – А мы на днях еще один новенький пазик приобрели!

Впрочем, он быстро помог Владимиру Михайловичу устранить неисправность.

Пока автобус чинили, я вышел из машины поразмяться. Картина передо мной расстилалась великолепная. Под жаркими лучами августовского солнца темнели вдали леса, пестрел ковер уже отросшего после косьбы луга, а у самой обочины раскинулось поле фацелии. Она цвела и сиренево-синее ее марево, казалось, врывается в автобус, наполняя его своим ароматом.

Дядя Володя и мужичонка закончили работу, обтерли руки и отпили по глотку из литровой бутылки импортного сока. Автобус покатил дальше. Между прочим, водитель опять попросил своего собеседника, все уговаривавшего бросить муниципальное автопредприятие, еще хлебнуть сока и тот с радостью протянул бутылку.

- Что-то горло перехватило, - прохрипел водитель.

Внезапно он, держа руль одной правой рукой, стал судорожно рвать ворот рубашки и вдруг, раскрыв дверь, вывалился наружу. Автобус резко повернул вправо. К счастью, механик «Ветерка» не растерялся и, перегнувшись через барьер, успел перехватить руль.

Мы выбрались наружу.

Дядя Володя, хрипя, с почерневшим лицом, лежал на боку у канавы. Мне стало совершенно ясно, что с ним случился приступ аллергии, сенной лихорадки, вызванной пылью фацелии. Сам я, старый аллергик, прекрасно знал об опасности фацелии для нашего брата и потому еще при выходе принял таблетку тавегила. Теперь я достал из походной аптечки такую же таблетку и безуспешно пытался засунуть ее в рот бедолаге.

Внезапно раздался гудок автобуса и мы увидели остановившийся рядом ПАЗ «Ветерка», ехавший в райцентр. Механик в двух словах объяснил ситуацию водителю и тот взял дядю Володю к себе. Автобус «Ветерка» рванул с места и на повышенной скорости помчался в город.

Мы уже совсем приготовились ждать попутку, но механик сел за руль автобуса и повел его по маршруту. Через десять минут я уже сходил у Победова.

...Услышав мой рассказ, Марина всплеснула руками и побежала к своей тетке, на двоюродной сестре которой и был женат Владимир Михайлович.

...Экскурсия под впечатлением этого трагического случая прошла кое-как и, набрав гербарий, я поспешил в Нижний.

В самом конце августа, когда я по обыкновению зашел в НИРО, где в вестибюле в это время была книжная ярмарка, я встретился с Мариной. Она была печальна.

- Помер наш дядя Володя, - сообщила она мне. - В больнице сказали, что если бы хоть на пятнадцать минут раньше доставили, то спасли бы. Да только шофер, что его в город вез, сначала к своему шефу заехал, выручку сдавать. Да, доконал-таки «Ветерок» дядю Володю...

...А я слушал ее и вспоминал содержание заметки, опубликованной в мае этого года в «Нижегородской правде». Там говорилось, что в импортных соках содержатся консерванты, обостряющие у аллергиков чувствительность к пыльце.

И не была ли гибель дяди Володи подстроенной заранее и не умышленно ли напоили его этим соком?

Но на эти вопросы мы не получим ответа и лишь на суде господнем откроется эта тайна.

Д В О Р Я Н С К О Е Г Н Е З Д О .

В семидесятые годы XX века в нашем областном Обществе охраны природы самой деятельной была секция охраняемых природных территорий. Мы, члены этой секции, неумолимо разъезжали по разным памятникам природы, в особенности по старинным паркам. До сих пор вспоминаю с умилением энтузиасток охраны природы Екатерину Васильевну, Татьяну Петровну, Надежду Ивановну, Александру Дмитриевну и Валентину Васильевну, - своих очаровательных спутниц. И дела наши шли хорошо: парки всюду брали под охрану и местные власти пытались, как могли, их сохранить.

А вот в девяностые годы наша деятельность резко застопорилась: денег на поездки нам выделяли со скрипом, местным властям, да и местным жителям было не до парков. Но самое главное, - я понял, что для сохранения парка нужно приложить много сил: вырубать мешающие экзотам местные породы, выкашивать полянки, подсаживать молодые деревья и кустики взамен отмерших. Кто же возьмется за такое трудоемкое и бесприбыльное дело?!

Сам я к этому времени в охране старинных парков настолько разуверился, что перестал их даже посещать. Вот почему, когда в конце ноября 1989 года мне позвонила милейшая Татьяна Никаноровна, инструктор областного отдела Общества охраны природы и попросила прибыть на заседание пленума общества по поводу охраны старинного парка в селе Зеленки, то я отправился туда без всякой охоты. Тем не менее в указанное время я прибыл на заседание.

Во главе длинного стола, за которым обыкновенно размещается наша братия, сидела Татьяна Никаноровна, а рядом с ней молодой человек, одетый весьма необычно для своего возраста. На нем была классическая тройка, из кармашка пиджака выглядывал белоснежный платочек, а из жилетного кармана свешивалась позолоченная цепочка карманных часов.

- Товарищи! - обратилась к нам Татьяна Никаноровна, - Позвольте представить члена одной из новых наших общественных организаций, Николая Павловича Р. Он расскажет нам о проекте спасения старинного парка в селе Зеленки.

Молодой человек поднялся, изящно поклонился и заговорил приятным гласирующим баритоном:

- Не буду утомлять вас, господа, описанием природы этого парка; полагаю, что вы, как профессиональные ботаники, географы и ландшафтные архитекторы сделаете это лучше меня. Я позволю себе лишь напомнить, что этот парк не только памятник природы, но и памятник истории и культуры. Здесь имели дачи и отдыхали такие известные деятели, как поэт Браве, композитор Грустилов, артист императорских театров Сумбуров-Северный, деятели народного просвещения Юлианов, Буновский, Абдуллаев, врач Фишкин и известный меценат Оладьин. Этот парк – настоящее дворянское гнездо, птенцы коего являлись выдающимися представителями благородного сословия, потомственного русского дворянства, так много сделавшего для Отечества и так незаслуженно пострадавшего в годы большевистского террора...

Я не выдержал и прыснул в кулак. Из восьми названных пятеро были: немец, еврей, поляк, татарин и полуграмотный старообрядец из крепостных. Уж кого-кого, а их никак нельзя было причислить к потомственному русскому дворянству! К тому же все они, кроме купца Оладьина, взявшегося по глупости финансировать подпольный монархический центр и расстрелянного Нижегородским ЧК, прекрасно устроились при советской власти, получая звания лауреатов Сталинских премий, заслуженных деятелей, ордена и медали. Пострадавшими от большевиков их никак нельзя было назвать...

Меж тем докладчик развивал свои мысли. Их общество, заявил он, поставило целью возродить культуру старой дворянской усадьбы, в том числе культуру старинных парков. Для начала они решили возродить парк в селе Зеленки. Деньги дает одна из коммерческих структур, разумеется, на определенных условиях. Здесь будет база отдыха деловых людей, а в определенные дни сюда будут пускаться экскурсии, разумеется за плату и они смогут познакомиться с дворянским бытом и дворянской культурой. Затруднение только в том, что местная администрация отказывает в продаже земли с усадьбой, ссылаясь на то, что парк – памятник природы. Между тем коммерческая структура потому и покупает землю с парком, чтобы осуществить его эффективную охрану!

- Я прошу вас от имени нашего общества, - сказал Николай Павлович, - помочь с разрешением на продажу парка. За порядочность покупателей мы ручаемся. Одно то, что они собираются вложить огромные деньги в этот парк, говорит само за себя. Некоторых из коммерсантов я знаю лично. Это молодые выпускники радиофизического факультета университета, откликнувшиеся на патриотический

призыв и оставившие науку для экономического преобразования страны путем возрождения активного, целеустремленного частного торгового капитала.

И сам молодой человек и его речь произвела на присутствующих самое благоприятное впечатление. Все наперебой спешили выразить ему свое согласие. Правда, ходатайствовать о продаже памятника природы не решились; договорились лишь помочь с передачей парка в долгосрочную аренду.

Прошло полгода. За это время я дважды встречался с Николаем на краеведческих чтениях. Он сообщил, что работы в парке ведутся полным ходом.

Прошло еще месяца два и я опять повстречался с представителем благородного сословия.

- Ну, вот, реконструкция парка завершилась. Недели через две вы можете там побывать. Позвоните мне и я вас захвачу с собой. Одного вас, к сожалению, не пустят! Теперь территория обнесена двухметровым железобетонным забором, поставлена охрана с собаками.

Но через две недели у меня начиналась полевая практика со студентами пединститута, потом – напряженные ботанические изыскания и я решил посетить этот давно известный мне парк один, захватив кое-что в дополнение к обычному снаряжению ботаника...

...Николай оказался прав: парк был обнесен новым двухметровым железобетонным забором, а над воротами возвышалось помещение для охраны, стилизованное под старинную башню. Из-за забора доносился лай собак. Я однако, не терял надежды и пошел вдоль периметра забора, то и дело спотыкаясь о пни вырубленных деревьев. Скоро показалась небольшая железная калитка, запертая, как я мог предположить, на внутренний висячий замок, ибо скважины для ключа видно не было. Оглянувшись по сторонам, я приступил к действиям, вообще-то не вполне приличествующим моему званию.

Я достал из рюкзака моток прочного шнура и, используя валявшиеся всюду сучья, быстренько изготовил лестницу. К счастью, столбы ограды несколько возвышались над забором, поэтому я набросил лестницу на столб и вскарабкался на верхотуру. Мне повезло: вместо замка в дужках торчал обычный болт с гайкой.

С помощью той же импровизированной лестницы, я оказался по ту сторону ограды, вынул из рюкзака два комплексных велосипедных ключа и свернул гайку с болта. Открыв калитку, я вышел наружу, спрятал шнур и ключи в рюкзак, а его – под приметную березу, болт же с гайкой оставил торчать в дужке. Оставшись с

одной ботанической папкой, я смело пошел по тропинке. Теперь осталось нейтрализовать собак, для чего у меня с собой был большой бумажный пакет с куриными лапами и головами.

Собаки не заставили себя долго ждать. Послышался лай и на тропинку выбежали немецкая овчарка и две крупных дворняги. Лапы и головы исчезли в мгновение ока, после чего собаки сменили гнев на милость, дружелюбно завили хвостами и даже позволили себя погладить.

В сопровождении собак я пошел дальше. Парк этот был мне хорошо знаком и то, что я увидел, меня потрясло. Дорожки и поляны были значительно расширены, расчищены и заасфальтированы. Оказались начисто вырубленными кусты дерена мужского, свидины кроваво-красной, кизильника черноплодного, спиреи городчатой, миндаля низкого, дерева сибирского кедра, бархата амурского, скумпии кожевенной, катальпы бигнониелистной, - всё краснокнижные виды и редкие экзоты!

Дорожка вывела меня на обширную площадь перед главными воротами. Там стоял навес, под которым за столом резались в карты трое парней в пятнистой униформе. Игрой они настолько увлеклись, что меня и не заметили.

- Здорово, ребята! - рявкнул я хорошо сохранившимся голосом бывшего командира пулеметной роты.

Парни вздрогнули и как по команде вытянулись по стойке «смирно», держа руки по швам. Теперь самое главное - не дать им опомниться.

Я подошел к ним вплотную, выхватил из кармана удостоверение эксперта Экосоюза и, протягивая его охранникам, отрапортовал:

- Честь имею представиться: эксперт Экосоюза России такой-то! Прибыл для дальнейшей рекогносцировки зеленых насаждений для последующего доклада руководству!

Парни внимательно рассмотрели мое удостоверение, потом ощупали меня глазами и осведомились, как я попал на закрытую территорию.

- А через заднюю калитку! Она у вас не заперта, чего, думаю, вас беспокоить. Тем более собаки - давние мои приятели.

И я потрепал овчарку по загривку.

- А что вы собираетесь здесь делать.

- Что делать? А то, за что ваши шефы мне аван выдали! Прогуляюсь, посмотрю на зеленые насаждения; что-то надо убрать, что-от оставить в целостности, что-то посадить. Вы мне компанию не составите?

- Ладо, Леха, погуляй с ним, - сказал охранник, по-видимому старший, одному из своих напарников. Я сам пойду посмотрю калитку. В случае чего...- И он выразительно похлопал себя по ремню, на котором висели кобура с газовым пистолетом, резиновая дубинка и наручники.

Мы с Лехой пошли по парку. Я отмечал мелом на деревьях кресты, бормоча при этом: «Это мы уберем... Это надо оставить...». Само собой разумеется, что все это делалось для отвода глаз.

Возвратившись к беседке у ворот мы увидели накрытый стол: армейский термос с горячей гречневой кашей, горка нарезанного свежего хлеба на миске, малосольные огурчики и бутылка водки.

- Опять сменщики нам подгадили, когда вчера девок из села к себе приводили, калитку не заперли, - сказал старший. - Садись, отец, выпьем и закусим.

Мы сели, выпили и закусили. Водка скоро развязала парням языки и от них я узнал то, что иным путем не узнал бы.

Парни принялись взахлеб расхваливать парк.

- Да, культура, - сказал Леха. - Жаль, что все корпуса заперты, а ключей нам не дают, посмотрел бы, что внутри. В каждом номере – дубовые панели, камин, цветной телевизор с видиком. В пятницу вечером шеф с компанией приезжает, а в конюшне уже запряженные лошади. Хочешь – верхом поезжай, хочешь – в карете. Этих лошадей и кареты заранее в большом фургоне из конной школы привозят.

В разговор вступил другой охранник:

- Вы, когда гуляли, видели большую поляну в центре?

- Видел, там еще раньше кипарисовник рос.

- Теперь там оранжереи запланированы, чтобы, значит, как в старинных усадьбах, свои персики были, виноград, апельсины.

- А в том домике, - старший охранник показал на флигель, - девочки из варьете живут, когда шеф с гостями приезжает. Вечером они в нашем театре представление дают, а потом...

И он глупо хихикнул.

Мне все стало ясно, я поблагодарил парней за гостеприимство и, пошатываясь, пошел восвояси...

... Лето кончилось, наступила осень и в последний четверг сентября мы с Николаем опять встретились на краеведческих чтениях. Выглядел он удрученно,

да и одет был без прежнего шика: свитер и потертые джинсы. На мое сообщение, что «меценаты» загубили парк, он отреагировал безо всяких эмоций.

- Знаю, - махнул он рукой, - сам там был. Обманули нас купчишки без зазрения совести. Про экскурсии и не заикаются, нас туда не пускают. Мы, говорят, вам крупную сумму отвалили - и будьте довольны!

- Не огорчайтесь, - утешил я его, - первый блин всегда комом. Верьте, юноша, времена изменятся. Появятся настоящие меценаты, как бывало на Руси!

- Как же, появятся, - злобно прошипел он. - Скорее новой революции дождешься, чем новых Мамонтовых да Третьяковых!

Я хотел возразить представителю благородного сословия, но не успел. Зазвенел председательский колокольчик и взошедший на кафедру докладчик принялся рассказывать о новых археологических находках.

ГОЛУБОК И ГОЛУБКА.

В это садоводческое товарищество, расположенное неподалеку от села Ягодное Богородского района, я забрел знойным августом 1993 года. Был я мучим жаждой, а от сельчан узнал, что в товариществе этом пробурена артезианская скважина с превосходной водой. Вода и в самом деле оказалась вкуснейшей, сладкой, как говорили в старину.

Напившись вволю и наполнив фляжку, я пошел бродить по садоводческому товариществу, ибо одно из направлений моей научной деятельности - изучение культурной и сорной флоры. И вот, гуляя по товариществу и гербаризируя культурную и сорную флору, я увидел совершенно необычную картину для этого времени года: молодые мужчина и женщина перекапывали участок. Были они оба коренастые, крепкие и чем-то неуловимо похожие друг на друга, как обыкновенно бывает с супругами.

- Не рановато ли осеннюю перекопку начинаете? - осведомился я.

- А мы только что этот участок взяли и целину поднимаем, - чуть не в унисон ответили супруги. - Прежний хозяин порядком запустил его.

Так я познакомился с этой симпатичной чертой Голубевых.

Были они людьми энергичными, предприимчивыми, но без большого достатка. Капиталов их хватило лишь на покупку земельного участка и фургончика, несколько побольше автобуса ПАЗ.

- Понимаете, Илья Львович, - говорил мне муж, Гоша, - мы деньги на квартиру копили, а теперь видим - того гляди нас из нашего института «Квант» уволят по сокращению штатов, и так все время зарплату задерживают.

- А ведь наша специальность, микроэлектроника, никому теперь не нужна, - продолжала жена, Галя. - Вот мы и решили осесть на землю. Ведь мы живем в институтском общежитии, знаете, гостиничного типа. Уволят нас, - где жить? А так какое-никакое жильё, а имеется!

Над обустройством жилья они работали не покладая рук весь август и сентябрь, после того, как посадили привезенные мной из Ботанического сада саженцы черноплодной рябины, черной смородины, малины и крыжовника.

В начале октября, когда я прибыл в эти края на последнюю в этом году ботаническую экскурсию, я зашел опять к чете Голубевых и опять не с пустыми руками: привез им рассаду садовой земляники, пакетики семян листовой капусты, посевного латука и кресс - салата, растений, легко дичающих и не нуждающихся, поэтому, в ежегодном посеве. Моим подаркам супруги обрадовались и пригласили отобедать, чем бог послал.

На сей раз господь послал им борщ с мясом, гречневую кашу и на десерт - бутылку вина.

- Пейте, ешьте, не стесняйтесь! - говорили супруги. - Вы у нас единственный гость на новоселье!

Я сидел и с любопытством осматривал оборудованный для жилья фургон. На него была навешена двускатная крыша, ко входу приделано крыльцо, вокруг шла завалинка. Внутри фургона в противоположных углах стояло по одноконфорочной чугунной печке, обложенных кирпичами. Были там супружеская кровать, шифоньер, стол, три табуретки и тумбочка. Вдоль стен шли полки с посудой и книгами. Через свежевывитые четыре окошка - иллюминатора вривался солнечный свет. Неподалеку стояло уже три жердевых сарая и навес с поленницей дров.

- Сейчас у нас все продукты пока покупные, а приезжайте через год - все свое будет! - убеждали меня супруги.

Я недоверчиво покачивал головой. Не верилось мне, что в наше время двое интеллигентов способны полностью замкнуться на своем участке. Времена доктора Живаго, думалось мне, давным-давно прошли...

...На следующий год мне удалось приехать в эти края лишь в середине июля. Зайдя на участок Голубевых, я был поражен его видом: все вскопано, ни сорняка. Из одного жердевого сарая доносилось бляение коз, в другом угадывались копошащиеся кролики. Кроме сараев на участке стояла хибарка с трубой. Вместо прежнего крыльца ко входу были пристроены обширные сени, на ступеньках которых, свернувшись калачиком, подремывал серый полосатый кот. Топилась печка - прачка, у которой копошилась Галя. На веревке между двух столбов под навесом Гоша развешивал выстиранное и выполосканное белье.

Моему появлению супруги обрадовались, попросили только подождать с полчаса.

Через полчаса я уже сидел за столом рядом с супругами и уписывал тушеную крольчатину, запивая козьим молоком. Рядом на тумбочке примостился кот, деликатно поедавший кусочки мяса.

- Пушок у нас как член семьи, всю зиму с нами провел, - пояснила Галя, подавая своему любимцу очередной кусочек.

- Так вы что, зимовали в этом фургоне?! - изумился я.

- Совершенно верно, - ответил мне Гоша. - В ноябре нас уволили по сокращению штатов, мы свое имущество собрали и сюда перевезли, а заодно и Пушочка, он в нашем общежитии в коридоре как бездомный жил. Мы тут же в нашем товариществе сторожами устроились. Платят правда мало, но на жизнь нам хватает. Весной в деревне коз и кроликов по дешевке у одного алкоголика купили, теперь и мясо и молоко свои. Галя вот учится шерсть прясть и вязать. Заодно и проблема удобрений решена.

- Гоша в одном нашем сарае баню оборудовал, в ней по субботам мылись. Печка-прачка у нас есть, так что и со стиркой все в порядке, - дополнила рассказ мужа Галя. - Вы приезжайте к нам опять на годовщину новоселья в первую субботу октября.

В первую субботу октября я прибыл на годовщину новоселья. В хозяйстве Голубевых появилась еще симпатичная дворняжка, лежавшая на крылечке рядом с Пушком и радостно приветствовавшая меня вилянием хвоста. Праздничный обед был великолепен. Ни до, ни после я не едал такой

картофельной запеканки с крольчатинной. На десерт была подана наливка из черной смородины. Кот на тумбочке и собака на табуретке сидели за столом на равных с нами и чинно уписывали вместе со всеми за обе щеки.

- Ешьте, пейте, - угощали меня хозяева. - Ведь теперь все продукты у нас свои. В сельмаге мы только спички, мыло, хлеб, соль и сахар покупаем. Теперь мы за оградой дополнительно участок под картошку расчистили, сделали запасы на зиму. Сена кроликам и козам напасли. А Пушок и Волчок их от мышей и крыс охраняют.

Я сидел, смотрел на супругов, довольных, покрасневшихся и, все-таки, задал мучивший меня вопрос:

- А признайтесь, молодые люди, все-таки скучно так жить, без общества, без радио, без газет, без телевизора...

- А нам скучать некогда! - ответила Галя. - Мы весь день в работе. А вечером, перед сном читаем друг-другу русскую классику. И знаете, Пушок и Волчок так нас внимательно слушают!

- Если телевизор смотреть, радио слушать и газеты читать, то жить не захочется! - подхватил Гоша. - Кругом война, разборки, забастовки... а мы здесь сами по себе и живем в покое...

Помните, как у Высоцкого:

- Мы сидим, читаем Пушкина,

А кругом космическая мгла!

- Голубок, налей мне наливки, - прервала его Галя.

- Сейчас, голубка, - ответил Гоша, наливая ей в стакан.

Я смотрел на эту идиллию и умилялся. В такие минуты обыкновенно вспоминаются поэтические строки про любовь, супружескую верность, про то, что с милым рай и в шалаше и т.д. и т.п.

Но странное дело! Ничего подобного мне на ум не шло!

А вертелось у меня на языке глупейшее четверостишие Козьмы Пруткина:

«- Муж и жена

как две голубки жили...

- А есть ли у тебя

с наливкою бутылки?!»

ДЕРЕВЕНСКИЙ МАСТЕР.

У каждого ботаника есть излюбленное место, которое он готов исследовать вновь и вновь. Для меня это окрестности села Сохтань, на высоком берегу реки Куземы. Само собой разумеется, что среди сельчан у меня есть добрые друзья, и, прежде всего, Пал Петрович У., местный Левша. Познакомился я с ним в свой первый приезд в 1978 году.

На околице села я услышал необычный звук: сочетание негромкого плотного удара и резкого звонкого перехлеста. Через три дома я увидел сидевшего на завалинке старика, отбивавшего косу. Старик, положив лезвие косы на наковаленку, точным ударом плющил ее у самой кромки, а потом косым, скользящим как бы ее проглаживал. Оттого и получались два разных звука. Я глядел на старика и поражался: таков был контраст между старческим его обликом и молодой силой и ловкостью его рук.

Сам я в ту пору работал слесарем на заводе «Орбита» и ботаникой занимался в качестве хобби. Я знал, что рихтовка стали – дело очень непростое и не каждому по зубам. Самые квалифицированные из моих товарищей, отрихтовав стальную полосу молотком, клали ее затем под пресс, чтобы выправить окончательно.

А тут – невероятная точность и где же? – на деревенской завалинке!

Я осведомился, где старик научился так квалифицированно обращаться с металлом. Не городской ли он рабочий, переехавший в деревню, или быть может из МТС?

Но старик сказал мне, что он ни то, ни другое, а просто колхозник и с техникой никогда дела не имел.

Я опешил. По моим представлениям все мужики в селе должны быть или трактористами, или шоферами, или работать в реммастерской, одним словом – механизаторы.

- Кем же вы работали в колхозе? – удивился я.

- Как кем? Колхозником! Я работы не боялся: и навоз на ферме убирал, и скотину пас, и силос закладывал, а нужно – с тяпкой в поле. В колхозе работы всегда много...

Разговор наш неожиданно прервала женщина, подошедшая со сломанным ведром:

- Пал Петрович, ведро мне не уделаешь?

Старик поднялся со своего места и пошел в избу.

Я попросил разрешения, как рабочий-металлист, осмотреть его мастерскую и Пал Петрович, усмехнувшись, позволил мне следовать за ним.

Мастерская деревенского умельца размещалась в задних сенях избы. Стоял там обычный верстак деревенского плотника, то есть широченная дубовая плаха, утвержденная на двух чурбаках, с прибитым сбоку упором – зажимом для досок. В углу – небольшая наковальня и рядом с ней переносная жаровня. Ни тисков, ни точила не было. Над верстаком висели три ножовки – одна по металлу и две по дереву, коловорот, два молотка, два топора, шерхебель и рубанок, еще что-то. Инструмент помельче – перовые сверла, зубила, бородки, кернеры, напильники и прочее выглядывали из двух жестяных консервных банок.

Старик меж тем отрубил кусок старого обруча, пробил три отверстия – два под заклепки, одно большое под дужку, ловко приклепал получившееся ушко к ведру обручками толстого гвоздя, пошаркал напильником и подал женщине. Та поблагодарила и удалилась.

Я выразил свое восхищение Павлу Петровичу как металлист металлисту, пожал ему руку и пошел бродить по окрестностям.

Флора окрестностей оказалась столь интересной, что я решил приехать сюда еще раз.

Через месяц я вернулся в Сохтань и не с пустыми руками: привез Пал Петровичу ножницы по металлу, набор сверл, две струбины и три ножовочных полотна (забегая вперед замечу, что впоследствии я привез тиски, ручной заточной станок и электрическую дрель). Подарку моему старый мастер обрадовался, пытался всучить деньги, но я согласился взять лишь полтора десятка больших спелых яблок.

- Надумаешь снова приехать – останавливайся у меня! Поживешь субботу и воскресенье, а в понедельник рано утром на электричке уедешь. Она на Мызу в шесть приходит и ты на свою «Орбиту» в аккурат к началу работы успеешь! – соблазнял он меня.

Его приглашением я смог воспользоваться лишь через год, в конце мая. Пал Петровича на этот раз я застал за работой уже совершенно для меня непонятной! Вообразите огромную осиную колоду, наполовину стесанную и перевернутую вверх выпуклостью. На выпуклости карандашом были

расчерчены линии и вдоль этих линий Пал Петрович коловоротом с насаженной на сверло катушкой сверлил отверстия

Я поздоровался с мастером и осведомился, что он делает.

- А лодку- долбленку улаживаю, - был ответ.

- А отверстия для чего сверлите?

- А я им толщину днища и бортов размечаю. Вот пробуравлю все дырки - катушка мне нужна, чтобы, значит, сверло глубже не лезло, - забью туда колышков, а потом переверну колоду. Как буду изнутри теслом выбирать, дойду до колышка - в этом месте стесывать брошу. Так и выйдут у меня днище и борта нужной толщины. А потом смолы растоплю и оболью лодку, нос и корму белой жестью обобью. Лет десять лодка прослужит. К августу приезжай - прокачу по нашим озерам и речке.

- А колоду-то вы где взяли? - спросил я его. - Что-то не видел я в здешних лесах таких здоровенных осин.

- И, милый, такой осины ты больше и не увидишь! Родится она раз в пятьдесят лет! Это дерево я заметил годов двадцать тому назад. Мне ее в прошлом году зимой зять спилил и на своем тракторе привез.

Я присмотрелся к древесине. На диво ровная, чистая, это была, без сомнения, древесина редчайшей, исполинской, тетраплоидной формы осины. То есть хромосом у нее было ровно вдвое больше, чем у обычной.

...С тех пор я каждый год, обычно в середине лета, приезжал в Сохтань и всякий раз заставлял Пал Петровича за новой для меня работой. То он дубовые обручи для кадушки гнул, распарив жердины в русской печи, то корзины плел, то на самодельном станке дранку для крыши резал, то глиняный раствор для поправки печи готовил. И всякий раз Пал Петрович с горечью говорил мне, что, видимо, последний он мастер на деревне.

- Разучился народ деревенскому мастерству у этих тракторов да комбайнов, рассуждал он. - Конечно, какого мужика не возьми - и электричество наладит, и водопровод и велосипед детям. Многие у нас и радио починят, а Серега-радист и телевизор может, а только простого дела не справят! Косу сточат - новую покупают: отбить не могут! Корзинки у всех из проволоки цветной - в вашем Горькове на базаре купили! Печь поправить в бане - ко мне бегут!

- Хотя, с другой стороны, - продолжал он, - зачем им это деревенское ремесло? В селе у нас газ, почти во всех избах ванные стоят, только пять бань и осталось...Или сапоги подбить, валенки подшить. Раньше все ко мне бежали, а теперь никто не ходит: сапоги резиновые, валенки опять же на резиновом ходу: протрутся, их выбросят; да многие теперь зимой не в валенках, а в меховых сапогах...

Или женщин наших взять: все до одной и кроят, и шьют, и вяжут, а шерсть настриженную или начесанную уж никто и выпрясть не может! Раньше все ко мне ходили - моя жена умела, я ей и прялку изладил. А как померла в прошлом годе - ко мне пришли: помоги, мол! А у меня уж и руки не те. Так не поверишь: в Горькове на базаре мотки шерсти покупают, или меняют в мастерской неподалеку на кудели!

...Я еще раза два приезжал в Сохтань и останавливался у Пал Петровича. Он заметно сдал, еле ходил, но инструмента из рук не выпускал. Жил он один, ходила за ним старушка-соседка, но не только в Нижний к сыну-шоферу, но даже в соседнее большое село к дочери старик переезжать отказывался наотрез...

...А через десять лет после первого моего знакомства с деревенским мастером, явившись в Сохтань, я увидел дом Пал Петровича заколоченным. Соседка, Анфиса Сергеевна, сказала мне, что умер мастер зимой в лютый мороз.

- Сынок его, который у вас в Горькове шоферит, канистру бензину на землю вылил, чтобы, значит, зажечь и землю отеплить...

Я выразил желание поклониться его могиле, и после обеда мы с Анфисой Сергеевной, приодевшейся по этому случаю, отправились на деревенское кладбище. Могила Пал Петровича была устроена не по-деревенски богато: литая чугунная ограда, большая мраморная плита с фотографией и прочувственной эпитафией.

- Всем колхозом деньги собирали и правление еще выделяло. Председатель сам в Горькове в кооперативе все заказал. Сын только привез, - пояснила старушка.

- А на похоронах вся округа была! Пять человек речи говорили! Какого мастера схоронили, как называют - с большой буквы! Ведь как вернулся с войны, весь обиход в селе его был: и посуда, и ложки, и бочата, и обувь, и инструмент огородный! Такого мастера больше и не будет!

Я вгляделся в фотографию. Бравый солдат с густыми усами, в пилотке набекрень, с рядом медалей, двумя солдатскими орденами Славы и гвардейским значком на груди, с прищуром, с вызовом глядел на меня.

- Другой в доме не нашли, - пояснила старушка. - Фотку сняли в аккурат как он с войны пришел...

...Я положил на могилу букетик полевых цветов и, осторожно поддерживая под локоток тетку Анфису, повел ее до дому...

О Т Е Ц Е В Г Е Н И Й.

...Сначала появилась фацелия...

Первые экземпляры ее я увидел на обочине полевой дороги уже на околице Сохтани.

Потом моему взору открылась куртина фацелии у парового поля.

А затем я увидел ее целое море. По обе стороны дороги вправо-влево уходила луговина сплошь занятая этим медоносным растением.

...А потом появились пчелы...

Сначала, впрочем, я услышал лишь жужжание их, ни с чем не сравнимое, а самих пчел увидел не сразу. А когда как следует пригляделся, то увидел, что пчелы, побывав на фацелии, летят в одном направлении. И я пошел за ними.

Вскоре показалась пасека: жердевая ограда, за ней ряды ульев, в глубине домик пасечника, сарай, рядом огородные гряды и поодаль - пасущаяся корова.

Я остановился у калитки и начал приводить себя в порядок, то есть обтер потное лицо и руки пучками душистых трав, ибо пчелы, как известно, не любят запаха пота.

И тут я услышал за спиной приятный баритон:

- Здравствуйте. С чем пожаловали?

Я оглянулся и увидел молодого человека в потертых джинсах и выцветшей голубой рубашке с закатанными рукавами. Зарос он невероятно: всклокоченная шевелюра, казацкие усы, густая борода. Если бы не стройный стан, молодые глаза и полное отсутствие седины в волосах, я принял бы его за старика.

- Позвольте рекомендоваться, - ответил я, - Мининзон Илья Львович, натуралист, нахожусь здесь на ботанической экскурсии.

- Очень рад познакомиться! А я здешний техник-пчеловод Женя Герасимов. Уже два года после окончания Лысковского сельхозтехникума здесь тружусь. Милости просим ко мне!

В домике пасечника, большую часть которого занимала русская печь с лежанкой, было очень уютно и стоял приятный запах сухих трав, меда и вошины. Электрический чайник закипел мигом и скоро я попивал настоящий на травах чай с медом и хлеб с домашним творогом.. Только сейчас я ощутил, как я измучился за полдневную экскурсию!

Когда ко мне вернулась способность думать и говорить, я спросил Женю:

- Скажите прямо, чем я, как ботаник, могу помочь вам?

- Очень многим! У меня есть список важнейших медоносов, не поможете ли их отыскать? У нас в техникуме ботаника преподавалась кое-как.

В течение двух часов мы бродили по окрестностям пасеки и нашли все растения в этом списке. Я называл растение, выкапывал его и подавал Евгению. Тот клал его в газету и писал на листочке бумаги название.

Женя благодарил меня и предлагал остаться у него переночевать, ибо день клонился к вечеру. Я объяснил, что в эти выходные остановился у жителя села Сохтань Пал Петровича и если не вернусь к вечеру, старик забеспокоится, да и заглянет сюда, ибо я всегда сообщаю свой маршрут.

- Как же, знаю Пал Петровича, - воскликнул Евгений, - чудесный старикан, мастер на все руки. Мне ботинки подбил и косу выправил!

... Он не подозревал, что перед моим уходом на пасеку, Пал Петрович дал ему уничтожающую характеристику:

- Не в себе человек. Где это видано, чтобы молодой парень, вместо того, чтобы, значит, завести подругу жизни, зажить по-людски, сидит у себя на пчельнике как сыч. Не иначе порченый! Недаром его в армию не взяли!

- Ты с ним поосторожней! - предупреждал он меня. - Голову в два счета заморочит. Начнет проповедовать, прямо как поп. Недаром у нас его отцом Евгением зовут, а одна старуха из соседней деревни Макарихи к нему сослепу под благословение подошла!

- Ну, ладно, - сказал Женя, - давайте тогда на прощание еще чайку с медом попьем!

Мы пили чай и я все расспрашивал Женю, не скучно ли ему одному.

Он ответил, что ему скучать некогда: пчелы, огород, корова требуют забот. А зимой, когда времени свободного много, он читает, пишет.

Я попросил его показать свои труды и он протянул мне канцелярскую папку, набитую вырезками из районной газеты. Это были его очерки о природе. Написанные прекрасным русским языком, живо, бесхитростно, они читались одним духом!

- Послушайте, да вы истинный поэт природы! - воскликнул я. - Почему бы вам не послать свои очерки в «Горьковскую правду»? Хотите, я лично представлю их?

- Не нужно, - помрачнел Женя. - Я больше ничего не пишу. В декабре прошлого года обратились ко мне сельчане, напиши, мол, как у нас в совхозе премия идет. Премируют не тех, кто в поле пашет и сеет, а тех, кто в конторе зады греет.

Я написал, напечатали. Приехал ко мне на пасеку директор, не лень ему было по сугробам вездеход гонять и предупредил, что еще одна моя заметка - уволит меня по сокращению штатов.

Пасека, говорит, нам не нужна. Завели мы ее по приказу областного начальства. А теперь этого начальника нет! Сейчас, говорит, мы с председателем рабочкома приказ издадим о твоём увольнении, ни один суд не восстановит и иди, куда хочешь!

- А куда я пойду? У меня родных никого нет, я в детском доме с рождения воспитывался!

- Илья Львович, - продолжал он, - я вам все как на духу расскажу! В детдоме меня все обижали, травили. Они все родителями-алкоголиками битые, брошенные, на мне отыгрывались! Я восемь лет терпел, стиснув зубы. Уехал в сельхозтехникум на пчеловода учиться.

Там опять такая же история. Парни все грубые, злые, курят, пьют, я среди них как инопланетянин. Хорошо, девушки ко мне чувства имели: и подкормят, и одежду починят, и утешат. Так однокурсникам это все в укор! Сначала ругались, а потом бить меня взялись. Избили так, что в больницу попал. Ну, был суд, им дали два года, а я искалеченный остался.

Выпросил я себе распределение, чтобы от людей подальше и уехал сюда. И, скажу по правде, жизнью доволен! Я и природа - больше мне ничего не нужно! В Сохтани, я знаю, меня отцом Евгением зовут. А ведь своим пчелкам я и вправду отец! Случись что со мной, они все погибнут!..

- Ой, - вдруг воскликнул он, - солнце садится! Идемте, я вам кратчайшую дорогу в Сохтань упокажу!..

...К сожалению, больше я его не увидел. Когда на следующий год я опять приехал к Пал Петровичу, то узнал от него, что пасеку закрыли, а пчелиный пастырь отец Евгений уехал неизвестно куда.

С тех пор мысли мои время от времени опять возвращаются к этому дивному юноше. Как-то он устроился в нашем жестоком мире? Хорошо, коли нашел себе место пчеловода, пастуха, или сотрудника заповедника, что больше всего подходит его мечтательной и кроткой натуре.

А если нет?

Страшно подумать, как может его изломать и физически, и духовно, современная жизнь.

Но еще страшнее сознавать свое бессилие и обреченность...

ДЕТСКИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ.

При слове «натуралист» в обыденном сознании возникает образ человека, продирающегося через лес, тонущего в болоте, карабкающегося через горы, то и дело попадающего в экстремальные ситуации. На самом же деле мы, профессиональные натуралисты, в особенности ботаники, вовсе не склонны к романтике и приключениям, ибо это мешает нормальной научной работе. Заблудится же вообще удается крайне редко.

Тем не менее в 1995 году со мной именно такой случай и произошел, а все из-за моей проклятой рассеянности.

Экскурсировал я в долине Линды у одноименного поселка, где остановился на субботу и воскресенье у Кости С., вместе с которым мы слесарили в 17 цеху завода «Орбита». В поселке у него жила тетка и Костя, сочувствуя мне, с красным университетским дипломом прозябавшим слесарем, пригласил погостить, а заодно поэкскурсировать.

Так вот, шел я по дорожке, возвращаясь в поселок, чего-то размечтался и пропустил развилку на тропинке. Возвращаться мне не хотелось, карта и компас были с собой и я пошел по азимуту прямо к реке. Берегом реки я надеялся выйти к поселку.

Сначала я попал в заболоченный лес, потом в густой ивняк, ободрался, промочил ноги, чуть не выронил растения из зацепившейся за корягу ботанической папки. Короче говоря, только через полчаса измученный, вспотевший я пробрался к берегу Линды, но зато и был вознагражден открывшейся передо мной идиллической картиной!

Представьте себе разреженный сосновый бор на берегу реки и в нем стоящие в ряд шесть больших шатровых палаток армейского типа, а три таких же других на отшибе. Была здесь стойка с рукомойниками. Еще дальше виднелись стоящие поодаль друг от друга две хибарки. Тут же два больших крытых автомобильными тентами навеса; под одним, закрытым с трех боков прозрачной полиэтиленовой пленкой, большой пластиковый разборный стол и четыре таких же лавки, под другим два столба с веревками, а на них – сохнувшее белье, носки, купальники и пляжные полотенца. Рядом под навесом походная кухня армейского типа, где колдовал мужчина в белом халате; другой мужчина рубил топором сухую сосну на растопку. В сторонке стоял микроавтобус.

Я подошел, поздоровался, представился и осведомился, что это за лагерь. Мне ответили, что это детский экологический лагерь, организованный банком «Салют – НН», что вот-вот обитатели его вернутся с экскурсии, и чтобы я их обязательно подождал. Действительно, вскоре послышались детские голоса и показалась группа подростков лет четырнадцати – шестнадцати и старше, а во главе их спортивного вида молодая женщина. Я узнал ее – это была известная всему городу Людмила Чиркина, активистка детского экологического движения, «в миру» – учительница биологии одной из школ Советского района.

Она меня узнала тоже и громогласно заявила, что не отпустит, пока не накормит обедом. В качестве благодарности я должен буду рассказать детям о своих ботанических находках и вообще о природе здешних мест.

Обед был более чем великолепен: щи из свежей капусты, гречневая каша с мясом, компот. Меню разнообразили собранные детьми дары природы: щавель, дикий лук, малина.

После обеда дети, вымыв посуду и стол, расположились за ним же и принялись меня слушать и рассматривать собранные мною растения. И тут я обратил внимание на сидящих поодаль шестерых парней и девицу. Уже обликом своим они не были похожи на остальных: рослые, явно не

школьного, а студенческого возраста. К тому же блокнотов у них не было и они не столько слушали меня, сколько переговаривались друг с другом, причем отнюдь не вполголоса.

- А вы почему ничего не записываете, да вдобавок галдите? – спросил я их.
- Насильно я никого сюда не затаскивал! Если вам мой рассказ не нравится, можете убираться отсюда ко всем чертям! Как говорится, вот бог, а вот порог!

И я указал им на выход из импровизированного класса.

...Надо вам сказать, что подобным же образом я и в школе обращаюсь с теми из «обучаемых» (язык не поворачивается назвать их учениками), которые сидят у меня на уроках географии, отбывая учебную повинность. Действует такой прием на них весьма благотворно...

Девушка и один из парней засмутились, пододвинулись поближе и, по крайней мере, приняли на себя вид заинтересованных. Пятеро же других парней заржали, встали со своих мест, отошли в сторону и демонстративно закурили. Один из них принялся звонить в мобильный телефон. В те времена это была большая редкость.

По окончании занятий школьники поблагодарили меня и попросили придти еще раз. Тут подошла Людмила; вид у нее был озабоченный. Она объяснила, что наш уважаемый гость (т.е. я), к сожалению, больше приходить к не может, у него напряженный график научной работы. Я изумился: завтра было воскресенье, день свободный и что-то, а выполнить просьбу юных экологов я смог бы.

Но она не дала мне и рта раскрыть и потащила к палатке начальника лагеря.

Начальником лагеря оказался тот самый мужчина, который рубил сосну.

- Очень приятно познакомиться! – пророкотал он. – Позвольте рекомендоваться: начальник лагеря, а в нашем банке – начальник отдела по работе с клиентами, Александр Александрович М-ов. Вы провели занятие с нашими детьми и ваш труд должен быть оплачен. Прошу расписаться!

И он протянул мне ведомость, где стояли моя фамилия и инициалы, а напротив – кругленькая сумма.

Я поблагодарил, расписался и положил в карман пачку ассигнаций.

Тут же меня подхватила под руку Людмила и сказав: «Идемте, я покажу вам кратчайшую дорогу в Линду», потащила прочь от лагеря. Едва мы отошли за речной мыс, как она накинулась на меня:

- Что же вы наделали?! Вы нам всю музыку чуть не испортили! Сан Саныч уже хотел гнать нас всех отсюда!

Я опешил от изумления.

- Вы что, не поняли, что натворили?! – уже во весь голос кричала Людмила. – Знаете, кого вы выгнали с занятия?!

- Знаю! – ответил я. – Бездельников, фанфаронов и курильщиков. Таким в экологическом лагере не место! Как вы могли взять их с собой?!

- Нет, вы положительно человек не от мира сего! Вы выгнали сыновей директора банка, его заместителей и начальника службы безопасности! Они позвонили отцам и директор через Сан Саныча передал мне, что еще одно такое занятие и я со своими восемью учениками из моего экологического класса могу немедленно уехать! Вы что думаете, мы на казенный счет, или на свои деньги сюда приехали?! Нас спонсирует банк!

Я не знал что ответить и пролепетал только, что-де не знал, извините и т.д. и т.п.

...Полевой сезон закончился, наступила осень и вот я опять в школе № 134, преподающий по совместительству географию. Как и в прошлые годы, ко мне одна за другой подходят девушки из 9, 10 и 11 классов и просят дать тему для творческой работы. Эти работы сначала «обкатываются» на школьных конференциях научного общества учащихся, кому повезет – на районной и далее на городской и, затем, они представляются на экзаменах по географии, или природопользованию.

Весной следующего года на конференции городского научного общества учащихся, куда я приехал с Таней, Наташей и Оленькой, я встретил Людмилу со своими учениками. Людмила была чем-то озабочена, наскоро поздоровалась и умчалась, оставив мне четырех своих девушек. Двух из них – Элю и Наденьку, я запомнил и стал расспрашивать, как прошла смена в экологическом лагере.

- Нормально, - сказала Эля, - только Сан Саныч, как мы слышали, все ругал Людмилу Геогриевну, что мы со своей экологией им отдыхать мешаем. А ихние парни сами нам все время мешали, к нам вечером приставали. А Сан

Саныч однажды напился и Людмиле Георгиевне стал разные предложения делать. Даже из пистолета выстрелил.

- А из лагеря мы вовремя смылись! – затараторила Наденька. – Вся ихняя компания вместе с Сан Санычем вечером ушла в поселок кино смотреть, сказали, что когда вернутся, прощальный костер будет и дискотека. А Марина, это девочка из нашего класса, она дружит с мальчиком из их компании, ну, тем самым, который с нами на занятии остался, узнала, что они после дискотеки выпьют и будут поближе с нами знакомится.

Тогда Людмила Георгиевна сказала: «Давайте уйдем скорее!». Мы быстренько собрали вещи, оставили записку и убежали тропинкой, той самой по которой она вас на станцию проводила. Как раз на электричку на 19-30 успели.

- Тут подошла Людмила.

- Еще раз здравствуйте! Извините, что пришлось отбежать: дела в оргкомитете. А я этим летом опять загородный экологический лагерь организовываю. Я нового спонсора нашла, крупную транспортную фирму. Условия прежние, половина детей их, половина – мои. Приедете к нам проводить занятия?

- Послушайте, Людмила Георгиевна, - сказал я ей, отведя в сторону, - неужели прошлогодняя история вас ничему не научила? Ведь вы чуть не поставили под угрозу благополучие и даже безопасность ваших учеников.

- Вы, Илья Львович, перестраховщик, - фыркнула Людмила. – Ведь все закончилось благополучно! И потом, не забывайте, что мне тоже хочется хорошо пожить! Ведь мне за две недели занятий в лагере заплатили больше, чем в школе за два месяца! Я хоть купить себе смогла кое-что, а то в школе перед учениками и их родителями стыдно: платье старое, колготки зашитые, туфли стоптанные.

- Ну-ну, - ответил я, - только сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из ваших девушек согласился теперь поехать с вами в лагерь.

...Я оказался прав. В этом году ученики Людмилы ехать с ней в экологический лагерь отказались наотрез, как она ни упрашивала, как ни угрожала. Лето они провели в городе, исследуя природу речки Рахмы.

У нас, странствующих натуралистов, все равно, географов, ботаников, или зоологов основная проблема – где добыть деньги, или транспорт, чтобы добраться до места исследования. Мне в этом смысле повезло: в 70-90 - е годы прошлого века я регулярно сбывал свои заметки краеведческого характера в одну из областных газет и курировавший меня журналист, милейший Александр Петрович П. по-возможности брал меня с собой, если ехал в глубинку. Поэтому, когда мне в 1996 году приспичило посетить Чкаловский район, я позвонил Александру Петровичу и осведомился, не собирается ли он туда.

Оказалось, что собирается и по совершенно необычной причине! В редакцию пришло письмо от учителя физики Альберта Александровича Васина из одного из сел Чкаловского района с описанием необыкновенного феномена, - посещения села инопланетянами и установлением постоянного контакта пришельцев с местной жительницей, почтальоншей сельского узла связи. В отделе писем переправили это сообщение в городскую комиссию по аномальным явлениям и эксперт комиссии, сотрудник Научно-исследовательского института прикладной автоматки и кибернетики Роман Юрьевич К. внимательно проанализировал письмо и установил его полную научную достоверность. Поэтому редакция назавтра командировала Александра Петровича в Чкаловский район и он имеет возможность захватить и меня.

Назавтра я к условленному времени подходил к известному знанию красного кирпича на Варварке. Там уже стояла редакционная «Нива», а около нее прохаживался Александр Петрович; еще один высокий полный мужчина грузил в багажник какую-то аппаратуру. Это и оказался сам Роман Юрьевич. Мне он обрадовался и попросил провести экологическое обследование в месте приземления.

Дорога заняла около двух часов и Роман Юрьевич успел передать мне содержание письма, а заодно рассказать о его героях. По словам Романа Юрьевича, почтальонша Людмила оказалась человеком уникальных биолокационных способностей, а учитель Васин, местный уроженец, закончивший наш пединститут, во время учебы подвергался гонениям реакционной профессуры за нетрадиционный подход к исследованию природы и что, судя по их данным, пришельцы оставили у села химико-энергетический маяк...

... Мы подъехали к сельскому узлу связи, напротив которого возвышалось двухэтажное здание местной школы. Журналист вылез из машины и скрылся в здании почты, а через пять минут вывел оттуда за руку Людмилу. Это была невысокая девушка, очень скромно одетая, с лицом классической деревенской простушки. Они уселись в стороне на лавочке и о чем-то стали тихо беседовать.

Роман Юрьевич меж тем зашел в школу и через несколько минут вышел оттуда в сопровождении Альберта Александровича, на ходу снимавшего с себя запачканный халат: по случаю летних каникул в школе был ремонт.

Вчетвером мы отправились на окраину села, где по словам Людмилы и случилась эта невероятная история.

- Сижу это я дома, - говорила она в микрофон, протянутый Александром Петровичем, - уже вечер, десять часов, надо телевизор смотреть, а я вдруг слышу голос: «Люда, иди за мной, иди за мной!». Я оглянулась, смотрю - никого! Спрашиваю: «Кто ты?». А мне голос отвечает: «Я космик, я космик, ничего не бойся, ничего не бойся, иди за мной!».

Пошла я за голосом, а он меня за калитку вывел, там говорит: «Иди в Бажанов проулок!». Еще светло, на улице народ, меня окликают, а я никого не слушаю, все за голосом иду.

Пришли вот сюда, а голос мне говорит: «Закрой глаза!». Я закрыла. Потом слышу: «Открой глаза!»

Я открыла. Батюшки: вот между этих двух кустов шар такой большой, весь светится, а из него человек выходит - и прямо ко мне! То есть он не совсем человек, весь как в тумане, не разберешь, где рот, где нос, где глаза.

На меня со страху столбняк напал, а он мне говорит: «Ничего не бойся!». Подошел ко мне и дотронулся рукой не рукой, а как лапой какой до уха, она у него мягкая такая, как у моего Пушочка, и говорит: «Теперь мы через тебя будем держать связь с землянами. Ты нас будешь слышать через космос».

Закрыла я глаза от страха, слышу - гул прошел. Открыла глаза - нет ничего, только пятно большое зеленое на траве.

Я сразу кинулась к Альберту Александровичу, он у нас физику вел, я в прошлом году школу кончила. Он меня чем-то померял и сказал: «Ты, Люда, теперь проводник между нами и космосом!».

Альберт Александрович взял из рук своей ученицы микрофон и продолжал:

- Я тут же измерил у Людмилы сопротивление кожных покровов, оно оказалось намного меньше, чем у меня. О чем это говорит? Это говорит о том, что Людмила стала физическим проводником между космосом и людьми! На следующее утро я пришел на место контакта с компасом и представьте себе – обнаружил магнитную аномалию! О чем это говорит? Это говорит о том, что здесь действительно побывал космический корабль и своим мезонным двигателем изменил магнитное поле Земли!

- А теперь за работу, друзья! - провозгласил Роман Юрьевич. – Я сейчас разверну свою аппаратуру, вы, Илья Львович, возьмите образцы травы с этого зеленого круга и образцы почвы, а вас Альберт Александрович, я еще раз попрошу измерить электропроводность кожных покровов Людмилы по сравнению с таковыми у себя и у нашего уважаемого журналиста. Вот вам новейший электронный авометр.

Я подошел к зеленому кругу поближе. Круг этот представлял чистую заросль пырея, росшего здесь по меньшей мере года четыре. На фоне полевицы тонкой с ее серыми побегами и соцветиями куртина пырея действительно выглядела зелено. В этом не было ничего необычного, любой ботаник десятки раз видел подобные куртины.

Я вытащил ботанический нож, выкопал три растения пырея и поместил их в полиэтиленовый пакет. В другие пакеты я поместил образцы из двух верхних почвенных горизонтов. Пакеты я протянул Роману Юрьевичу, он поблагодарил меня и попросил засвидетельствовать показания его приборов.

Для начала он надел на меня наушники счетчика радиоактивного излучения и я услышал частую, как из пулемета, дробь. Потом он надел мне на голову наушники металлоискателя и я убедился, что на зеленой поляне действительно, как он выразился, «аномальная концентрация металла». Под конец он подвел меня к актинометру, который показывал поминутную смену интенсивности солнечного излучения на злополучной поляне.

К счастью обследование на этом закончилось и я смог целых два часа поэкскурсировать по селу и окрестностям под тем предлогом, что мне необходимо сравнить флору на аномальном участке с соседними...

...Через неделю у меня на работе раздался звонок: Александр Петрович приглашал меня в Дом ученых, где на заседании комиссии по аномальным явлениям должна была обсуждаться проблема визита инопланетян в Чкаловский район нашей области.

Когда я пришел, небольшой зал, на сцене которого за столом президиума уже сидело несколько человек, был набит битком; с трудом мне удалось сесть в заднем ряду и то на принесенный из коридора стул.

Основную роль играл, разумеется, Роман Юрьевич. Начал он с обзора уже известных фактов посещения Земли инопланетянами, выделил основные признаки следов такого посещения, как то: повышенная радиоактивность, изменение химического состава почвы и растительного покрова, магнитная и оптическая аномалии.

Вслед за тем он подробно рассказал о результатах своих исследований места приземления пришельцев в Чкаловском районе; между прочим он сообщил, что в собранных мной образцах пырея найдено растение с ветвящимся стеблем, что совершенно необычно для злаков, а в образцах почв специалисты нашего Института чистой и прикладной химии обнаружили следы сорока пяти химических элементов, в том числе ванадия, циркония, титана и тантала, которые используются при выплавке сталей, идущих на изготовление обшивок космических кораблей. Привел он и данные учителя Васина о повышенной электропроводности кожных покровов Людмилы.

После доклада журналисты наперебой задавали ему вопросы и Роман Юрьевич отвечал на них обстоятельно и приводил множество примеров о подобных же визитах инопланетян, известных из зарубежных источников.

После него выступил председатель комиссии, кандидат технических наук Ермолаев и в немногих, но веских словах подтвердил сказанное Романом Юрьевичем.

Сам я выступать не собирался и сидел притаившись, но Александр Петрович нашел меня и вытащил на свет божий.

- Дорогие друзья! - сказал он, - среди нас присутствует эксперт - эколог Илья Львович, сотрудник Ботанического сада, который побывал с нами на месте приземления. Предлагаю дать ему слово.

Делать нечего, пришлось встать и раскланяться.

- Что я могу сказать по поводу этой истории? Мне она представляется плодом больного воображения почтальонши Людмилы, потрясающего невежества учителя Васина и заблуждений нашего уважаемого Романа Юрьевича, без сомнения, вызванных избытком энтузиазма.

Касательно первого: я передал подробное описание поведения Людмилы и содержание ее рассказов известному нашему психотерапевту Якову Генриховичу и он поставил диагноз: шизофрения. Он не поленился связаться с тамошним районным психиатром и тот подтвердил диагноз, добавив, что Людмила давно находится у них под наблюдением.

Что касается повышенной электропроводности ее кожи, то это не удивительно: у нервных субъектов кожа потливая, сопротивление ее меньше, чем у нормального человека.

- Теперь перейдем к данным Романа Юрьевича, - продолжал я при гробовом молчании аудитории. - Действительно, могу подтвердить, что счетчик радиации трещал как пулемет. Ну и что? Устройство этого прибора таково, что все зависит от установления фоновой величины радиации. Установите ее выше крыши и счетчик будет молчать даже в Чернобыле, установите ее нулевой и прибор будет трещать даже в этом кабинете.

Что касается магнитной аномалии, то здесь дело проще: селяне все время выбрасывают за околицу разный железный хлам. Я, когда выкапывал пырей, слышал, как ботанический нож звякал о железо.

А об актинометре и говорить нечего! В тот день облачность была переменная, что за диво, коли прибор показывал сильные колебания освещенности!

Далее. Ветвление стеблей злаков ботаникам известно давно, это вовсе не редкость, а обнаружение большого количества химических элементов в почве - вещь обычная. В земной коре содержится вся таблица Менделеева и чем точнее методы, тем больше химических элементов можно обнаружить.

- В заключение хочу сказать, - заканчивал я, -...

Но договорить мне не дали.

Роман Юрьевич поднялся во весь свой огромный рост, затрясся от ярости и, выставив в мою сторону указательный палец-сосиску заревел:

- Вот он, высказался, типичный деятель времен застоя! Тогда всех людей с необычным дарованием, всех инакомыслящих объявляли невеждами, шизофрениками, травили, увольняли с работы, сажали в психушки! Не выйдет, гражданин Мининзон, времена не те!..

Окружающие бросились к нему, стали успокаивать, в воздухе запахло валерьянкой...

Я воспользовался сим случаем смятения, через кулисы вышел из зала и, спустившись по боковому входу, вышел на улицу.

П Р И В И Д Е Н И Е.

Еще когда я работал слесарем на заводе «Орбита», то по совместительству преподавал в школах географию. В будние дни у меня были последние уроки во вторую смену и я с завода приезжал прямо в школу, а по субботам (разумеется, кроме рабочих суббот!) в школе я был весь день. Году, помнится, в 1987, работал я в одной из школ Советского района, где, между прочим, учились и дети из заводского поселка «Орбиты». С учениками контакт я наладил быстро. Полтора десятка учеников из шестого класса и две старшеклассницы Наташа и Ирочка настолько увлеклись географией, что в зимние каникулы совершили вместе со мной лыжную экскурсию и выразили желание экскурсировать вместе со мной и летом, и это их желание странным образом исполнилось!..

...Учебный год уже кончался, как вдруг меня вызвала директор школы Тамара Петровна и предложила поехать в пионерлагерь в качестве отрядного воспитателя.

- Мы сформируем отряд из ваших учеников, окончивших шестой класс, - сказала она мне. - И дети, и их родители хотят, что бы вы были с ними летом.

- Помилуйте, Тамара Петровна! - изумился я. - Ведь я же у вас совместитель! Кто же меня отпустит с работы почти на месяц?

- Да ведь это же лагерь с вашего завода! У вас же командируют молодых работников в качестве отрядных вожатых! Я и попрошу, что бы командировали заодно и вас!

Я дал согласие, поставив лишь условием, чтобы в качестве отрядных вожатых у меня были Наташа и Ирочка, окончившие десятый класс. В душе же я был совершенно уверен, что меня из цеха никуда не отправят. Каково же было мое изумление, когда меня вызвали в завком и объявили, что я, как имеющий соответствующее образование и опыт работы, поеду в заводской лагерь в качестве отрядного воспитателя.

...Пионерлагерь нашего завода размещался в двухэтажном здании старинной постройки в живописной местности, на берегу речки, к счастью, недостаточно глубокой, чтобы беспокоиться за жизнь купающихся там

детей. Впрочем, пионеры и не стремились туда, ибо на каждом этаже имелись по четыре душевые кабинки с четырьмя сифонами в каждой и с круглосуточной подачей горячей воды.

По моему настоянию мой отряд разместили на втором этаже в двух комнатах напротив друг друга в конце коридора. Рядом располагались санузел и душевые. Сам я разместился в комнате мальчиков, а вожатые – в комнате девочек. Отряд я разделил на три звена по десять человек и каждый день мы уходили в лес: одно звено со мной, а два других – под руководством Наташи и Ирочки. Я гербаризировал, дети собирали ягоды, орехи (дело было в августе), цветную гальку. Под моим руководством мальчики понаделали луков со стрелами. В общем, все были заняты и все были довольны.

Если же к этому добавить, что после прогулки дети спали как убитые и я вместе с ними имел возможность поспать днем, то налицо была совершенная идиллия! Увы, уже через неделю в моем отряде, который считался образцовым и по результатам смены завоевал первое место в лагере, случилось ЧП.

...Я услышал сквозь сон какую-то суматоху и проснулся оттого, что мальчики немилосердно трясли меня за плечи.

- Илья Львович, вставайте, у девчонок что-то случилось; Света Малярова визжит как резаная!

Вскочив, я бросился в спальню напротив. Боже, что там было!

Мальчики в трусах и майках и девочки в ночных сорочках столпились вокруг Светы. Она сидела на кровати, закутанная в одеяло, Наташа и Ирочка отпаивали ее водой, а она то судорожно хватала воду, то истерически визжала и хохотала.

Прибежала медсестра, вкатила девочке успокоительное и мы, дождавшись, когда она уснет, отнесли ее в изолятор. Утром, когда я заглянул к ней, Света уже пришла в себя, плакала и просила прощение за беспокойство. Я успокаивал ее и уверял, что вины на ней никакой нет.

Все же я решил на всякий случай осмотреть место происшествия. Окно, в котором Света увидела таинственную фигуру, было на втором этаже примерно в шести метрах от земли. Карниза вокруг здания на уровне второго этажа не было, никакого дерева рядом не росло, а пожарная лестница находилась далеко. На земле следов также не было никаких. Отпадало, стало быть, что кто-то поднял на шесте чучело и напугал девочку.

После завтрака прямо у кровати бедняжки, собрался педсовет и Света объяснила, что, когда ночью она проснулась, то увидела фигуру в белом, перелезавшую через подоконник. Выслушав Свету, а также мою информацию мы единодушно решили, что все зло – в видеофильмах, которые крутили каждый вечер. Решено было сменить репертуар и показывать более веселые «видики».

Прошла еще неделя, происшествие со Светой стало забываться. В лагерь приезжала Тамара Петровна и нашла мой отряд в образцовом порядке; от информации о ЧП она попросту отмахнулась. Старшая вожатая и начальник лагеря наперебой хвалили мой отряд. Уезжая, Тамара Петровна попросила меня подумать, не стоит ли мне перейти в школу насовсем. Я обещал поразмыслить...

Если бы я только знал, что произойдет дальше!...

...В одну из ночей я проснулся и, томимый не столько духотой, сколько каким-то тоскливым предчувствием, вышел из спальни и подошел к открытому окну в конце коридора. Часы показывали три. Ярко светила луна. И вдруг я увидел, что из-за толстенной развесистой сосны, стоявшей поодаль, вышла фигура в белом балахоне. Как бы плывя над травой, она приблизилась к зданию и скрылась за углом.

Не скрою, вначале я оцепенел от ужаса, но быстро справился с собой и высунулся в окно. «Привидение» стояло у стены здания и смотрело вверх, туда, где находились отворенные окна спальни девочек.

Я бросился в нашу спальню и схватил один из луков, висевших на спинках стульев. Шорох разбудил Олега Шарпова и Мишу Гайнова. Я шепотом велел им взять луки и стрелы и идти за мной. Мы пересекли коридор и вошли в спальню девочек. Я объяснил им, что вот-вот должно показаться привидение, напугавшее Свету.

Буквально через несколько секунд в одном из окон появилась фигура в белом.

Выстрелы наши грянули одновременно. Две стрелы попали привидению в лицо, если можно так назвать нечто невыразительное, а третья стрела разбила стекло; к счастью, створки окна открывались наружу и осколки упали на землю.

Все мы гурьбой бросились вниз. Там, разумеется, мы никого не нашли, следов на траве также не обнаружили.

Прошла еще неделя, привидение больше не показывалось. Погода стояла дождливая и холодная и дети дни целые проводили в большом зале на первом этаже, где к их услугам были шашки, шахматы, домино, книги и журналы. После ужина крутили видики. Я же в это время обрабатывал свои гербарные сборы.

Из Горького приехала Тамара Петровна и с ней внушительного вида дама – ответственный работник обкома профсоюза, курирующая летний отдых детей. В этот день мы решили устроить прощальный костер. На площадь перед корпусом принесли сухие сучья и две сосновые колоды и ровно в восемь вечера подожгли эту кучу. Начались танцы.

Я отошел в сторону и разговорился с начальником лагеря, которого я знал в бытность его работы в отделе главного энергетика нашего завода. Разговор наш был самый пустой и я по профессиональной привычке ботаника, перевел взгляд на находящуюся неподалеку сосновую рощицу, ярко освещенную лучами заходящего солнца.

И тут я увидел «это», белеющее среди сосен. Я пододвинулся к начальнику лагеря и указал ему на «это». Он кивнул мне и стал пробираться через толпу, окружившую костер. Я поспешил за ним. По пути я прихватил трех самых рослых из моих учеников и мы, все пятеро, вооружились здоровенными сучьями, припасенными для костра.

Теперь привидение стало вполне отчетливо видно. Это было нечто человекообразное в длинном, до пят белом балахоне, длинные рукава балахона скрывали кисти рук. Лица же не разобрать: белесая с неопределенным рельефом поверхность. Впоследствии мы пятеро так и не могли понять, видели ли привидение с лица, или же с затылка.

Первым нервы не выдержали у начальника лагеря. С громким криком, стуча суком по стволам сосен, он ринулся вперед и мы за ним. Привидение заметалось среди сосен, а затем не то воспарило вверх, не то растровилось в воздухе.

Разочарованные, мы вернулись к костру. Тамара Петровна и профсоюзная дама подошли к нам с улыбками и осведомились, как называется этот номер, вроде танца с дубинками, которому они с удовольствием рукоплескали вместе со всеми.

- Какой еще номер?! - удивился начальник лагеря. - Привидение мы наше гоняли.

- Уже третий раз наш лагерь посещает! – добавил я . – В первый раз Свету Малярову напугало, второй раз мы его чуть из луков не подстрелили, но оно исчезло, а теперь, как видите, на глазах испарилось.

Наши собеседницы переглянулись, ничего не сказали и отошли в сторону...

Перед началом нового учебного года я позвонил в школу, чтобы узнать об изменении в расписании. К телефону подошел завуч и каким-то извиняющимся тоном, с трудом подыскивая слова, сообщил, что на новый учебный год они взяли молодую учительницу географии и для меня вакансий в этом году нет.

Зайдя в завком к начальнику лагеря, я узнал, что он более эту должность не занимает.

- Черт бы побрал это привидение! – грохнул он. – Вынудили написать заявление о переводе на прежнюю должность инженером в отдел главного энергетика!

Когда я встретил группу своих учеников, в том числе Свету, то они, перебивая друг друга, сообщили мне, что в школе им сказали, что никакого привидения не было, все просто одурели и переутомились от видеков.

...Что это было – для меня долгое время оставалось загадкой, пока я лет через пять после этих событий не натолкнулся в журнале «Психология» на статью ученых из Института высшей нервной деятельности о влиянии видеофильмов на формирование галлюциногенных образов на фоне затрудненного зрительного восприятия в условиях недостаточного освещения.

Подобным объяснением я, однако, не вполне удовлетворен; в глубине души я чувствую, что какой-то объект нас посетил, но что это было на самом деле – неизвестно...

III. НА ГОРОДСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ.

Принято считать, что и природа города Нижнего Новгорода по сравнению с природой области скуднее, и интересных событий, связанных с природой здесь происходит меньше. Но это совершенно не так! Собирая материалы для своей монографии «Флора Нижнего Новгорода», я побывал в самых различных уголках города и познакомился не только с интересными видами

растений, но и с интереснейшими людьми и оказался свидетелем разнообразных событий. Теперь я предлагаю их вашему вниманию, изменив, разумеется, имена действующих лиц и географические названия.

Т Р А Н Ш Е Я.

С траншеями у горожан обыкновенно ассоциируется затянувшийся ремонт водопровода, теплотрассы, перекрытие - и надолго, движения по улице, и потоки грязи, расплзающиеся по проезжим путям и по тротуару. Но у нас, причастных к археологии, географии, геологии и почвоведению траншея вызывает смешанное чувство радости и любопытства, а дело в том, что траншея - это образно говоря, ход в глубь веков!

Напластования горных пород, погребенные почвы, остатки исчезнувших усадеб здесь как на ладони и динамика ландшафта и история местности предстают перед нами воочию!

Сам я житель нагорной части и на траншее здесь нагляделся досыта, а вот глубокие траншеи в заречной части мне долгое время видеть не удавалось, пока, году, помнится в 1977, мой сосед по верстаку в 17 цеху завода «Орбита» Костя С-кин, живший в Ленинском районе, не сообщил мне, что между Канавинским и Молитовским мостом роют огромную траншею. Я взял в цеху отгул и уже на следующее утро отправился туда.

Искать долго не пришлось: уже выглядывая из окна 40 автобуса, съезжавшего на Молитовский мост, я увидел вдаль, у забора одного из заводов, экскаватор. Добраться до места, однако, оказалось затруднительным. Пришлось обходить разные строения, заборы, непроходимые заросли ив, неизвестно откуда взявшиеся канавы...

Короче говоря, пока я подошел к траншее, наступил обеденный перерыв. Экскаваторщик вылез из машины и скрылся в ближайшей проходной и я смог обследовать траншею без помех. Она представляла собой канаву шириной метра два и глубиной метра четыре, идущую из-под заводского забора прямо к Оке. Канавка была прокопана уже наполовину и, судя по мощности экскаватора, должна была быть готовой дня через два.

Вытащив из полевой сумки прочный десятиметровый шнур с узелками и надев митенки, то есть обычные кожаные перчатки с обрезанными конечными фалангами пальцев, я перекинул шнур через основание росшего

на самом краю мощного ивового куста и спустился на дно. С геологической точки зрения там не было ничего интересного: сплошная однородная толща песка, а из минералов – песчаник, кварц, гранит и полевой шпат.

Побродив по дну траншеи минут пять, я вернулся к началу моего маршрута и тут увидел свой шнур весь лежащим на дне. По – видимому, один из его концов соскользнул с куста.

Впрочем, меня это особенно не беспокоило: минут через двадцать должен закончиться обеденный перерыв, экскаваторщик вернется и поможет мне выбраться наружу. Пока же я побрел по дну траншеи и незаметно очутился как раз под железобетонным забором. Тут-то и наступил роковой момент, о котором я и теперь вспоминаю, покачивая головой и удивляясь сам себе.

Хотя мне тогда было всего тридцать лет, я был, как говорится, человек с положением: действительный член Географического общества СССР, член президиума Областного Совета общества охраны природы, автор серьезных статей, отец семейства. В обыденной жизни я был осторожен и осмотрителен.

Однако во мне, как в большинстве моих коллег-натуралистов постоянно сидит двенадцатилетний мальчишка из числа тех, кто норовит залезть на дерево, продраться сквозь чащу, отплыть на бревне от берега озера и т.д. и т.п.

Одним словом, я переступил границу и очутился, хоть и на дне траншеи, но все же на территории весьма режимного завода. Тут же меня подхватила госпожа удача: метрах в пяти по ту сторону забора я обнаружил на стенке траншеи поперечный разрез мощной линзы глины, а в ней кусочки бурого железняка. Несомненно, передо мной были остатки протоки Оки, позднее заболоченные и занесенные песком, где образовалась болотная железная руда.

Я вынул складной метр, обмерял линзу, выковырял кусочки железняка, положил их в бумажные пакетики и стал записывать данные в полевой дневник, как вдруг услышал грубый голос:

- Эй, ты что здесь делаешь?!

Я поднял голову. Надо мной стоял стрелок ВОХР в своей полувоенной форме и смотрел на меня. тут же я увидел, что над траншеей на четырех

тросах висит огромная труба, которую держат на весу два траншейных крана.

- Как видите, провожу геологические изыскания, - ответил я.

- Ты как попал сюда?!

- По траншее, - пожал я плечами. - Но вы не беспокойтесь, я сейчас уйду.

- Я тебе сейчас уйду! - заорал вохровец. - Александр Константинович, идите сюда, здесь нарушитель!

На краю траншеи показался пожилой мужчина в строгом костюме с рядом орденовских планок.

- Кто вы такой и что делаете на территории режимного учреждения?! - грозно спросил он.

- Я натуралист и сюда забрел по траншее. Вот взял образец болотной железной руды. Но, впрочем, если это нарушение, я сейчас уйду по траншее назад.

- Никуда вы не уйдете! Володя, дуй за ворота! Вот рабочие возвращаются, сейчас лестницу спустим и поймаем этого субчика!

На какое-то мгновение над траншеей никого не оказалось и я успел принять неожиданное, но, как оказалось впоследствии, верное решение. Я бросился по траншее не назад, а вперед и буквально влетел в жерло огромной, метрового диаметра трубы; по-видимому, по дну траншеи должен был пройти какой-то подземный коллектор. Вскоре я увидел над собой трубу смотрового колодца, где и примостился, уцепившись за поручни.

Слышимость была отличная и я хорошо разобрал перебранку Александра Константиновича с мастером, не хотевшим прерывать работу и уверявшим, что нарушитель, то есть я, давно вышел с территории завода и из траншеи выбрался с наружной стороны.

Потом голоса стихли. Я услышал скрежет механизмов, - это опускали трубу, и затем характерные звуки сварочного агрегата. Поэтому я осмелел и опустился из смотрового колодца обратно в трубу.

Со стороны это, наверное, выглядело жутко: живого человека заваривают в подземном коллекторе! Но я знал, что боятся мне нечего. Рабочий день кончится, все разойдутся и я как-нибудь, да вылезу из траншеи по ту сторону забора. В полевой сумке у меня были пакетик с бутербродами и термос на полтора стакана, поэтому я спокойно поел, выпил чаю и задремал, удобно привалившись к нагретой солнцем трубе.

Когда я проснулся, вокруг меня была тишина. На часах было полпятого, рабочий день кончился. Я выполз из трубы, быстро зашагал по траншее и тут, под оградой завода, уперся в всежесваренную из толстых арматурных прутьев решетку, загораживающую выход. Толстые прутья были глубоко вкопаны и в дно и в стенки траншеи, пролезть между прутьями также было невозможно.

Вот тут-то я по-настоящему впал в отчаяние. Помнится даже, что я сделал попытку прокопать перочинным ножом лаз.

В конце-концов, сам не знаю почему, я поднялся по решетке, как по лестнице, верх и вылез из траншеи.

Заводской двор был совершенно пуст. Огни в стоящем неподдающею заводском корпусе не горели, видимо там работали нынче только в одну смену и только свет в находившейся неподалеку будке проходной мерцал эдаким светлячком.

И тут я заметил рядом с дверью проходной метлу и лопату.

Как я метнулся к двери, схватил лопату, спустился вниз, прокопал боковой лаз, вылез наружу и выбрался из траншеи, я не помню совершенно. Помню только, как бежал по бичевнику Оки в сторону Канавинского моста, держа в руке злополучную лопату, которую потом дел неизвестно куда...

Часа через полтора я был уже дома.

...История эта имела совершенно неожиданное продолжение. Через полгода после описываемых событий состоялся очередной пленум областного совета общества охраны природы. В кулуарах я увидел самодовольного молодого человека, дающего интервью Татьяне Павловне, сотруднице нашей «молодежки», где она вела рубрику «Природа – мать».

Сей молодой человек, оказавшийся помощником по экологии директора того самого завода, на территорию которого я проник, хорошо поставленным голосом вещал, что за последние полгода их завод уменьшил сброс в городские очистные сооружения в десять раз из расчета на единицу изготовленной продукции.

- Мы установили мощную систему оборотного водоснабжения и теперь возвращаем к источнику почти всю потребленную воду! – говорил он.

Сначала я буквально онемел от подобного нахальства, но потом, поразмыслив, понял, что все это – истинная правда! Ведь завод берет техническую воду из Оки и в Оку же, ниже по течению, по новому

подземному коллектору, минуя городскую канализацию и сливает он теперь кое-как очищенные у себя стоки!

Я еще раз вспомнил свои приключения в траншее, поежился, представил еще более худший вариант событий и бочком, потихоньку отошел в сторону.

П О Д З Е М Н А Я Р Е Ч К А .

Заключать речки в трубы – давняя практика в крупных городах. Речку Почайну, например, стали закличать в подземный коллектор еще в начале XX века. Сделано это было для удобства проезда транспорта по Рождественской улице и Почаинскому и Зеленскому съездам.

Ныне же речки закличают в трубы еще и для того, чтобы, выровняв пойму, развернуть строительство дорог, гаражей и жилых домов. Для наших же чиновников от благоустройства спрятать речку под землю – лучший выход. И в самом деле, ведь большая часть наших малых речек, будь то Ковалиха, Старка, Дубенка, Борзовка и прочие содержат бытовые и промышленные стоки. Мало того, местные жители постоянно сбрасывают на их берега бытовой мусор.

Гораздо проще упрятать такую «поганую» речку под землю, чем заняться очисткой ее вод и выставить для жителей контейнеры для мусора. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон!

Правда, ботаники, зоологи, географы возражают против этого. Они говорят, что даже самая грязная речка на вольном воздухе претерпевает естественное самоочищение, главную роль в котором играют растущие по берегам и в русле высшие растения и водоросли. Они предупреждают, что закличение речки в трубу нарушит гидрологический режим местности: появятся выпоты грунтовых вод, болота, суффозионные проседания почвы...

Но что значат в наше время научные аргументы пред выгодой, пусть даже сиюминутной?! И если бы речь шла только об экономических выгодах...А то вместе с речкой под землю прячут следы деяний, которые даже по нынешним временам балансируют на грани закона. А лет двадцать тому назад...

...Лет двадцать тому назад, экскурсировал я по берегу Мазутного ручья, левобережного притока речки Рахмы. Ручей этот вполне оправдывал свое

название: время от времени по воде проплывали комки мазута от расположенного в истоке крупного автопредприятия. Впрочем, флора этого ручья была довольно богатой: ломкие и трехтычинковые ивы, оплетаемые хмелем, повоем и сладкогорьким пасленом, редкости - рогоз высокий, ирис желтый, ситник маленький. Яркие цветы недотрога железистая и астра иволистная.

Однако не это удивило меня, а то, что параллельно руслу ручья экскаваторы рыли глубокий канал. Тут же возвышались штабелями железобетонные трубы.

Удивился же я потому, что недавно знакомился с планом реконструкции этого района и прокладка подземного коллектора значилась в плане отнюдь не срочной.

Месяца через три, осенью, я опять наведалься сюда. Работы уже заканчивались. На дне полуторакилометрового канала лежала железобетонная труба, одним концом выходящая на берег Рахмы, а другим - к истоку Мазутного ручья. Оставалось лишь засыпать трубу, убрать неширокую земляную перемычку и одновременно запрудить ручей, чтобы его воды повернули в подземный коллектор, а потом русло ручья засыпать.

На следующий год к лету долина ручья изменилась до неузнаваемости. Ровная как стол, без каких-либо признаков ранее текущих здесь вод, лишенная не только деревьев, но и кустов, она была готова к строительству.

Но прошел год, другой, третий. На этой равнине появились всходы деревьев и кустарников, куртины луговых трав, небольшие болотца. Кучи бытового и промышленного мусора, а строительство все не начиналось. Этот неизвестно для чего сооруженный подземный коллектор таил в себе какую-то загадку, разгадать которую не было у меня ни времени, ни сил...

Но видно уж такая у меня судьба - наталкиваться, даже вопреки желанию, на разгадку того вздора, что время от времени попадает мне на глаза.

Так случилось и на этот раз, когда я явился на очередные краеведческие чтения, где была презентация книги о трагических годах для местной интеллигенции. Один из авторов книги, перечисляя спонсоров, давших деньги на это роскошное издание, поведал нам о том, что представитель одного из них находится здесь. При этих словах сидевший неподалеку от меня мужчина средних лет поднялся и церемонно раскланялся на все четыре стороны. Послышались дружные аплодисменты.

Мужчина одет был скромно и лишь бриллиантовая заколка галстука, шикарная папка тисненой кожи и торчащая из верхнего кармана пиджака дорогая авторучка выдавали в нем человека новой экономической формации.

К моему удивлению, он стал рассматривать меня и кивнул головой в знак приветствия, а в перерыв заседания подошел ко мне.

- Ты что же это старых друзей не узнаешь? - спросил он меня, протягивая руку.

- Простите, но не имею чести знать вас, - промолвил я, машинально пожимая широкую ладонь с позолоченным браслетом часов.

- Да ты что, забыл?! Вместе же на «Орбите» работали! Сколько раз ты к нам в отдел заходил?!

И тут я узнал его, тогда тишайшего инженера отдела главного механика, а теперь технического директора строительной фирмы.

В свою очередь и он поинтересовался, где я теперь работаю, и, узнав, что в Ботаническом саду, да, вдобавок, имею статус эксперта Экосоюза, страшно обрадовался. Их фирма, заявил он, остро нуждается в услугах эксперта-эколога. Есть возможность заработать хорошие деньги, а работы-то совсем ничего: нужно рассмотреть проект сооружения некоторого объекта и одобрить план его озеленения.

От денег я не отказываюсь никогда, и назавтра явился по указанному адресу. Фирма размещалась в бывшем детском техническом клубе, прекратившем свое существование из-за отсутствия средств у содержащего его завода. Вся техника и склады фирмы, как мне объяснили, находились неподалеку, на территории одного из строительных комплексов.

В маленьком кабинете меня усадили за письменный стол работавшего здесь сотрудника, уехавшего на объект, поставили полиэтиленовую бутылку с соком, чистый стакан и выложили на блюде горку крекеров. И сок, и крекеры были импортными.

Работа и в самом деле была необременительной, и уже через час я написал заключение и сидел, попивая сок и хрустя крекерами. И тут я обратил внимание на висящую на стене карту с красными кружками и линиями. Подойдя поближе, я увидел, что передо мной карта объектов, сооруженная этой фирмой и в числе прочих я узрел подземный коллектор для Мазутного ручья. Рядом стоял год и шестизначное число, по-видимому

объем работ в рублях. В отличие от прочих этот объект был выделен жирой линией и сразу же бросался в глаза.

Тут как раз подошел мой знакомец и, увидев, что я разглядываю карту, с улыбкой произнес:

- Любуешься плодами наших трудов?

- Да,-ответил я.- И, кстати, почему на вашей карте этот коллектор обозначен ярче других?

- А, этот! Так ведь с него и началось процветание нашей фирмы! Видишь ли, когда мы организовались, то попали в финансовый цейтнот. Ссуду в банке мы получили, объем работ исполкомом нам был гарантирован, но мы не учли, что субподрядчики за отрывку траншеи, - тогда у нас не было экскаваторов, только трубоукладчики, - сдерут с нас намного больше, чем по тарифу. У них ведь тоже образовалась своя фирма и работать за оклад они не собирались. В общем, посчитали мы и получилось, что прибыль у нас с гулькин нос. Зарплата выходила всего в полтора раза больше, чем в стройуправлении.

- И тут я возьми и предложи начать работу с этого коллектора и закупить вместо хороших труб бракованные, с отвалившимися кусками бетона, с вылезавшими прутьями арматуры, - продолжил он. - Завод железобетонных изделий не знал как от них избавиться. Этот коллектор, втолковывал я главе фирмы, все равно долгое время будет не у дел. Финансовое напряжение в стране и у нас в Горьком все росло, вряд ли хватит средств в ближайшем будущем развернуть здесь строительство. В исполкоме, правда, пришлось кое-кого подмазать, чтобы мы могли начать с этого объекта, но это уже мелочи.

В общем, съездил я на завод железобетонных изделий, взял бракованные трубы практически даром. Мы их быстренько подлатали цементом и пустили в ход. Работали как звери; пришлось работягам заплатить аккордно, но все равно оказались в крупном выигрыше.

С банком рассчитались, закупили экскаваторы и самосвалы, взяли в аренду угол на площадке одной строительной компании и дело закрутилось! Мы теперь не только коллекторы прокладываем, но и котлованы отрываем, и насыпи и виадуки сооружаем!

- А не боитесь, что когда-нибудь эта история всплывет?

- А кто будет в этом копать? – удивился он. – Для этого нужно вскрыть коллектор. Да про него все равно забыли, ведь с тех пор власть в городе трижды менялась! Даже если допустить, что ты донесешь в прокуратуру, то что ты им предъявишь? Уверяю тебя, никто не будет открывать дело. Слова, как известно, к нему не пришьешь!

- А если ты вздумаешь об этом в какую-нибудь газетенку ляпнуть, - продолжал он, - то знай, что в траншею под трубы всегда еще кое-что и кое-кого упрятать можно!

И он победно взглянул на меня.

Я сел за стол, переписал набело свое заключение, отнес секретарю-машинистке, та быстренько перепечатала его в пяти экземплярах и я заверил их личным штампом.

Через полчаса меня позвали в кабинет главы фирмы. У него сидел и мой знакомец все с тем же победным выражением на лице.

- Вот, господин эксперт, ваш гонорар! – с улыбкой на лице провозгласил шеф, протягивая мне одной рукой конверт, другая же рука поглаживала заколку галстука, имевшую вид маленького пистолетика. Дулом своим этот пистолетик смотрел в мою сторону.

Я все понял, положил конверт с деньгами в карман, поблагодарил и удалился.

З Е Л Е Н А Я С Т Е Н А.

Нашему брату, провинциальному ботанику пробиться в столичные научные журналы невероятно трудно. Каждая такая публикация – праздник не только для самого автора, но и для его коллег. Вот почему когда в 1995 г. у меня с соавторами вышла статья в «Ботаническом журнале», посвященная распространению карантинного сорняка амброзии, мне позвонил молодой ботаник Сергей Степанович В., поздравил с публикацией и сообщил, что карантинные растения амброзию, циклахену и борщевик Сосновского он видел в окрестностях садоводческого товарищества «Друг природы», что у станции Петряевка. Я взял в Ботаническом саду направление и отправился туда.

В садоводческом товариществе меня, как человека «... изучающего сорные растения и меры борьбы с ними» встретили доброжелательно и председатель, Виктор Николаевич Ш., молодой полнеющий мужчина с аккуратной короткой бородкой, вызвался меня сопровождать и мы пошли по главной улице садового массива.

Мне повезло: уже через несколько шагов я увидел мощный куст циклахены. Я бросился к нему, срезал цветущий побег и положил к себе в ботаническую папку.

- Редкостный и опасный сорняк южной России! - провозгласил я.

На лице Виктора Николаевича я увидел изумление:

- И в самом деле? А у нас Виктор Пантелеевич его выращивает, этот чернощир, как он его называет.

- Так, может быть, этот ваш Виктор Пантелеевич и амброзию, и борщевик Сосновского выращивает? - спросил я председателя, кивнув в сторону великолепных экземпляров, росших на обочине.

- Это какой такой борщевик Сосновского? Грузинский тмин, что ли? - спросил у меня Виктор Николаевич.

- Станный вы какой-то специалист, - продолжал он. - Интересные, необычные растения вы зачислили в сорняки. Я сейчас сведу вас к Виктору Пантелеевичу и мы с ним разберемся, что вы за ботаник! - с явной угрозой закончил он.

- Что я за ботаник, разобралось еще в восемьдесят первом году Всесоюзное Ботаническое общество, избрав меня действительным членом, - спокойно ответил я, - а вот кто такой Виктор Пантелеевич, распространяющий опасные карантинные сорняки, разобраться стоит. Я не смогу, подключу карантинную инспекцию, а понадобится - прокуратуру.

Председатель быстро сник.

Между тем мы подходили к дальнему углу садового массива, к участку за номером 666, огороженном невысоким штакетником. На калитке была прибита эмалированная дощечка с надписью «А. П. П - ев, ветеран Автозавода».

Мы отворили калитку и вошли на участок. Он был освоен давно, судя по старым и уже разваливающимся яблоням, но очень запущен: кусты не прорежены, всюду сорняки и бурьян, среди которого виднелись

североамериканские тонколучник и кониза, включенные в Черную книгу России. Я призадумался..

Участок вплотную примыкал к забору садоводческого товарищества и у забора возвышалась шеренга каких-то мощных растений ярко-зеленого цвета. Что это были за растения, я разглядеть не успел, поскольку из домика вышел хозяин и пригласил нас в гости.

В домике была лишь одна комната с необычным для такого строения внутренним убранством. Во-первых, стены были увешаны фотопортретами, приглядевшись к которым, я узнал всех наших известных борцов за демократию и права человека. Во-вторых, там был старинный книжный шкаф, заполненный отнюдь не книгами по садоводству и огородничеству, а трудами, в основном, самиздатовскими, тех лиц, фотопортреты которых красовались на стене рядом.

Вытащив с разрешения хозяина одну из книжек, я прочел на заглавном листе дарственную надпись: «Моему дорогому соратнику по борьбе за права человека и товарищу по отсидке Виктору П. на память о зловещих семидесятых». Далее стояла подпись автора книжки.

Между тем на столе уже кипел электрический самовар, стояли заварной чайник и чашки, а на блюде – горка печенья. За чаем, чувствуя себя уже уверенней, я представился хозяину и объяснил цель моего прибытия.

- И, кстати, Виктор Пантелеевич, кто такой этот А.П. П -ев на дощечке у калитки?

- Ах, вот вы о чем, - рассмеялся хозяин. - Это мой старший брат Саша, ныне покойный.

- Ведь вот как судьба решает, - продолжал он. - Брат мой был старый партиец, орденосец, передовик и все такое прочее, а я с его точки зрения, - отщепенец. А все-таки свой сад он мне отказал.

- Жаль только, - со вздохом продолжал он, - руки до него не доходят, деятельность по защите свободы и гласности много времени отнимает. Единственное что успел – посадить свои редкости. Семена их мне каждый год товарищи по заключению и соратники из-за рубежа присылают. Идемте, я покажу свою коллекцию.

Мы вышли из домика и подошли к той самой зеленой стене у дальней ограды; приблизившись к ней вплотную, я остановился и оцепенел от изумления.

И было от чего!

Передо мной на прекрасно ухоженной почве росли в три шеренги, как николаевские солдаты на смотре, карантинные сорняки, те же амброзия, циклахена и борщевик Сосновского. Лужайка же перед ними вся была заполнена тонколучком, конизой, мелкоцветковой недотрогой и чередой олиственной из их же компании.

Я невольно отшатнулся.

- Виктор Пантелеевич, - возопил я, - Да это же опасные сорняки! Зачем они вам?!

Реакция хозяина была для меня совершенно неожиданной. Я ожидал чего угодно: взрыва возмущения, замешательства, каких-то оправданий, но не здорового, оглушительного хохота.

- Ха-ха-ха! - грохотал он. - А вы чего ожидали?! Чтобы я стал выращивать пошлые картошку и капусту?! Я всю жизнь шел против рутины, обыденщины, шел наперекор официально предписанным доктринам и выращивать тривиальные овощи не намерен!

- Но ведь это же опасные сорняки, - сказал я.

- Это с точки зрения вашей застойной, тоталитарной науки мои растения - сорняки, а я уверен, пройдет время и их признают ценными. Меня тоже всю жизнь считали сорняком общества, старались извести. Да не вышло! Правы в конце-концов оказались я и мои товарищи!

- Ну хорошо, хорошо, - пошел я на попятный, - вы только не рекламируйте свои растения, пожалуйста.

Виктор Пантелеевич презрительно усмехнулся.

- Я всегда боролся за гласность и открытость и не мне их бояться. Этой осенью я собираюсь выставить свои растения на автозаводской выставке даров природы.

- Не может быть! - вырвалось у меня. - Ни за что не поверю, что вы решитесь выставить там карантинные сорняки!

...Я оказался прав. Выставить своих питомцев Виктор Пантелеевич все же не осмелился...

Т Р А Г Е Д И Я Л Е С Н О Г О О З Е Р А .

«Июнь – на рыбу плюнь!» - такова поговорка наших рыбаков, к счастью, не всегда оправдывающаяся. Но то, что произошло 13 июня 1974 года заставило еще раз вспомнить эту поговорку. Глядя на дурно пахнущую воду лесного озера на окраине Канавинского района, на рыбок, плававших в нем вверх брюхом, оставалось только плюнуть с досады. Причина же всего этого была рядом – заводик неподалеку, из-под ворот которого тек поток мутной зловонной жидкости напрямиком в озеро. Заводик этот в районе был как бельмо на глазу, он портил все экологические показатели – и своей допотопной котельной, работавшей на угле и нещадно дымившей, и тем, что сливал жидкие отходы в городскую канализацию, а твердые разбрасывал по окрестным лесам. Вдобавок этот заводик поглощал всех приговоренных к исправительно-трудовым работам, условно осужденных, досрочно освобожденных, уволенных за пьянство, хищения и прогулы а также подростков, исключенных из школ и ПТУ со всей заречной части города. Словом, от этого заводика, чья продукция так не походила на продукцию Автозавода, или, скажем «Красного Сормова» можно было ожидать чего угодно.

И все же, то, что произошло этим недобрым утром, было из ряда вон выходящим. Дело в том, что уже неделю, как на заводике были установлены современные очистные сооружения, до сего дня исправно работавшие! Туда стекались и успешно обезвреживались отходы гальванического цеха.

Я и в те времена был известен, как активист ВООП, а сверх того – постоянный автор областной «молодежки» - «Ленинской смены». Поэтому, когда сотрудница редакции, «сидевшая» на экологии позвонила мне и попросила разузнать, в чем дело, я охотно согласился.

Через проходную завода я прошел свободно, буркнув «Комиссия!» и сунув под нос вахтеру красную книжечку действительного члена Географического общества СССР, вид которой действовал тогда на многих, как взгляд удава на кролика.

У нового здания очистных сооружений я увидел толпу и, потрясая красной книжечкой, с криком «Пропустите члена комиссии!» протискался в середину. Я оказался у смотрового колодца со сдвинутой набок крышкой, изъеденной ржавчиной. Из колодца вытекала струйка мутной зловонной жидкости с характерным запахом окислов азота. Прислушавшись к разговорам, я понял, что причина аварии – закупорка трубы подземного

коллектора, по которому стоки из гальванического цеха, содержащие смесь серной и азотной кислот, поступали на очистку. После закупорки коллектора уровень жидкости в колодце поднялся и она самотеком через расположенные рядом ворота потекла в лесное озеро. Присутствующие недоумевали в чем дело, ведь диаметр трубы достигал семидесяти сантиметров и преграждался решеткой из особой нержавеющей стали. Сейчас же гальванический цех был остановлен и обсуждались способы как осушить коллектор, чтобы посмотреть, в чем дело.

Потолкавшись среди людей, я заглянул на очистные сооружения, взял пару интервью у работников, а под конец заглянул в санитарно-промышленную лабораторию, руководителем которой оказался мой однокурсник Саша Шехтнер. Он сам недоумевал, в чем дело и высказал только предположение, не была ли нарушена технология.

- На нашем промгиганте, - печально объяснил он мне, - публика такова, что от нее всего можно ожидать! Ведь в гальванике одни бывшие зэки работают - грабители и воры. С ними ухо остро нужно держать! Чуть что не по ним - любую пакость подстроят!

Знал бы я, что он и является главным фигурантом этого дела, подробности которого я выяснил три года спустя!..

...Часа через три, когда я уже сидел в редакции «Ленинской смены» и набело переписывал разгромную статью, а члены комиссии, заседавшие в кабинете главного инженера и одуревшие от табачного дыма, не пришли ни к какому общему мнению и решили разойтись, прибежала лаборантка с очистных сооружений и крикнула, что проходимость подземного коллектора восстановлена. Члены комиссии поспешили к колодцу и в самом деле увидели, что уровень жидкости в нем стремительно падает. Все вздохнули с облегчением и тут только спохватились, что с самого начала не видели начальника очистных сооружений Мокроусова, в комиссии заседал его заместитель. Позвонили к нему домой, но жена Мокроусова заявила, что со вчерашнего дня муж не появлялся.

- Мне сказали, что у вас на заводе авария и я думала, что он там. Он и раньше по два-три дня на заводе пропадал, все свою очистку налаживал, - сообщила она.

Но о том, куда делся начальник очистных сооружений все тут же забыли, поскольку приехала спецмашина. Из нее вышел осмотрщик подземных

коммуникаций и, облачившись в прорезиненный костюм и прикрепив аппарат автономного дыхания, скрылся в колодце. Через пять минут он вылез из колодца и доложил, что коллектор совершенно чист, если не считать клочков какой-то ткани на решетке. Да еще на дне он нашел кусочек какого-то желтого металла. Главный инженер повертел этот кусочек в руках и рассеянно сунул его в карман. Гальванический цех вновь заработал и сточные воды исправно потекли на очистку.

Меж тем жена начальника очистных сооружений забила тревогу и назавтра на заводик прибыл следователь милиции. Он подробно допросил всех, имевших отношение к делу, и выяснил, что последним видел Мокроусова начальник лаборатории Шехтнер. По его словам они задержались на работе, разговаривая о том, о сем. Разговор был самый пустой и часов в семь вечера они вместе ушли домой. Вахтер, дежуривший в ту смену, клялся, правда, что Мокроусов через проходную не проходил, но доверять полностью этому сообщению было нельзя: как и большинство работников заводика, вахтер был из проштрафившихся, был замечен на работе в нетрезвом виде (даже и в тот момент, когда его допрашивал следователь!), допускал хищения и проход на территорию посторонних лиц. Лейтенант еще раз в сопровождении двух понятых осмотрел всю небольшую территорию заводика, все склады, цеха и колодцы. Мокроусов как в воду канул! Тогда он для очистки совести еще раз внимательно осмотрел смотровой колодец и тут увидел на его ободу бурое пятно, ранее не замеченное им из-за изменения солнечного освещения. Через лупу следователь увидел прилипшие к чугунному ободу волосы, тщательно соскреб их и отправил на экспертизу. Кровь, приставшая к волосам, оказалась как раз той группы, что была у Мокроусова, а на волосах - следы того шампуня, которым он пользовался. Кстати жена вспомнила, что муж недавно посетил парикмахерскую и оказалось, что не только мастер прекрасно запомнила клиента, но что следы ножниц на волосах, подобранных следователем, прекрасно отражали характерные особенности ножниц этого мастера! Это дало повод милиционеру внимательнее присмотреться к Шехтнеру...

...На заводике все удивлялись неожиданно возникшей дружбе между этими совершенно не сходными между собой людьми - Мокроусовым и Шехтнером, а причина оказалась в том, что однажды любознательный

начальник лаборатории обнаружил, что электроды для никелирования изготовлены из металла с низкой степенью чистоты. Шехтнер узнал, что такой никель содержит в себе значительную примесь металлов платиновой группы и действительно, достав на химфаке университета, где работал один из его бывших сослуживцев необходимые реактивы и проведя анализы, он обнаружил значительный процент платины.

С помощью Мокроусова, отличного химика, он наладил выделение и сбыт этого металла. У Мокроусова аппетиты были скромными и, купив «Жигули» тот захотел выйти из дела, но не тут-то было!

- Когда я уеду в Израиль, тогда и выйдешь! - заявил ему Шехтнер.

Накануне аварии Мокроусов зашел к Шехтнеру и между ними произошел крупный разговор. Шехтнер понял, что Мокроусов окончательно вышел из игры. В конце-концов, начальник лаборатории мог и сам добывать платину, но опасность была в другом: Мокроусов, склонный к выпивке в компании, мог все разболтать. Поэтому Шехтнер уговорил начальника очистных сооружений потерпеть ровно неделю, а сейчас предложил выпить. Как всегда, разбавленный спирт пил только Мокроусов, а Шехтнер лишь пригубливал. Напоив своего подельника до потери сознания, Шехтнер подтащил его к смотровому колодцу, сдвинул крышку и сбросил вниз. Погода в тот вечер стояла дождливая, сумрачная, фонари горели вполне адекватно, на заводе уже никого не было, и сцену эту никто не заметил.

Тело начальника очистных сооружений, подхваченное потоком, понеслось по коллектору, остановилось у решетки и закупорило слив. Сточные воды поднялись на поверхность, потекли к лесному озеру и погубили там все живое. Между тем под влиянием смеси серной и азотной кислот тело Мокроусова начало медленно растворяться, пока не исчезло совсем. Ключья синтетической майки на решетке и выпавший в осадок золотой зуб - это все, что осталось от начальника очистных сооружений.

РЕЧНОЙ ОСТРОВ.

Со мной это бывает постоянно: вроде бы обо всем позаботился, все предусмотрел, а когда возьмешься за дело, оказывается, что какую-нибудь вещь да упустил. Так и произошло в 2003 году, когда я завершил работу над «Флорой Нижнего Новгорода». Я уже собирался передать файл для

размещения на сайте Дронта, как вдруг вспомнил, что не посетил остров на Волге, аккурат напротив Подновья!

Я стал лихорадочно перебирать в памяти, кто из моих знакомых имеет в своем распоряжении хоть лодку и вспомнил: мой бывший однокурсник Гриша Х. служит в каком-то ведомстве, не то контролировавшем бассейн Волги, не то его изучающем.

Я созвонился с Григорием и через два дня уже подплывал на служебном катере к острову.

Договорившись с капитаном, что он через четыре часа заберет меня, я перескочил по перекидным сходням на берег и зашагал вглубь острова.

Остров был как остров: у самого берега песчаный бичевник, далее заросли ив, а в глубине – вязовая рощица. Необычным было то, что нигде не было следов рыбаков. Впрочем, скоро я понял причину этого. Остров находился как раз посередине фарватера Волги и волны от проходивших судов то и дело обрушивались на берег. Какая уж тут рыбалка!

Флора этого острова превысила все мои ожидания!

Уже через минуту я закладывал в ботаническую папку цветущие побеги поручейника сизарового, редкого растения области, а выйдя на цветущую поляну в ивняке, узрел иву волчниковую. Коротко говоря, к полудню, когда я по обыкновению устраиваюсь пообедать, ботаническая папка оказалась набитой, как говорится, под завязку. Нужно было найти какое-нибудь тенистое место для бивуака, ибо солнце в тот августовский день палило нещадно.

Я решил пообедать в вязовой рощице на небольшом увале и войдя в нее, остановился в изумлении: передо мной была хижина! Толстые стволы ив были вкопаны в землю и плотно переплетены ивовыми же прутьями. На хижину была навешана двускатная крыша из тех же стволов ив, переплетенных прутьями и покрытая рубероидом. В стенах были прорезаны два оконца со стеклом. Самое же удивительное было то, что имелась дверь из досок, к тому же запертая на висячий замок.

Я обошел вокруг хижины. Как и на всем острове, нигде не было видно следов костра и человеческих следов. Подойдя к двери, тронул замок, и неожиданно он раскрылся: хозяева хижины, по-видимому, забыли повернуть ключ в скважине замка.

Я вошел в хижину. Обстановка там была самая убогая: два топчана и стол, сплетенные из тех же толстых ивовых прутьев; на столе две пустых бутылки из-под водки. Водка, видимо, и была причиной того, что дверь хижины оказалась не запертой. Под одним же из топчанов стоял какой-то не то сундук, не то большой оцинкованный ящик, закрытый крышкой. Я с трудом, ибо петли «сундука» заржавели, откинул крышку. Сундук наполовину оказался заполненным какими-то брусками, по размеру и цвету напоминающими брикеты хозяйственного мыла.

Взяв один из брусков, я нацепил очки, чтобы разглядеть находку получше и похолодел от ужаса: в руках у меня оказалось не иное что, как двухсотграммовая толовая шашка! Одного такого бруска было более чем достаточно, чтобы разнести на куски хижину, а заодно и меня в придачу.

Однако, через минуту я успокоился: без капсюля – детонатора тол – вещество довольно безвредное. Но тут другая мысль захватила меня: а ну как сюда сейчас войдут хозяева хижины, браконьеры, а, может быть, диверсанты... Поэтому я сунул толовую шашку в карман, выскочил наружу, накинул замок и поспешил к берегу, в то место, куда должен был через час причалить катер...

...Едва катер пристал к дебаркадеру, как я выпрыгнул на берег и стрелой помчался к речному вокзалу. Выслушав мой сбивчивый рассказ и повертев в руках толовую шашку, дежуривший старший сержант принялся названивать по телефону. Что было дальше, угадать не трудно: вторичная поездка на остров, писание свидетельского показания и т.д. и т.п. Времени это заняло порядочно и я добрался до дому лишь к вечеру. Зато я был доставлен с комфортом и сам капитан ФСБ многозначительно пожал мне руку!..

В течение последующего полугодия я, время от времени, названивал следователю по указанному им телефону, но получал ответ, что дело пока не двигается: отпечатки пальцев идентифицировать не удастся, а в частях Министерства обороны, МВД и ФСБ пропаж тола не зафиксировано.

Прошел еще год, наступил май, а в мае я обязательно участвую в очередной научно-практической конференции, проводимой научно-производственным предприятием «Эгос» в нашем городе.

В числе прочих на конференции был представлен доклад известного столичного этнографа о типах временных жилищ, устраиваемых пастухами разных уголков России. Доклад был прекрасно иллюстрирован слайдами и в

числе прочих был показано изображение хижины, очень похожей на мою. В перерыве я подошел к маститому исследователю и показал ему фото моей хижины. Внимательно рассмотрев снимок, профессор изрек: «Летнее жилище пастухов северного Кавказа!».

Это сообщение меня окончательно сбilo с толку: что же это за пастухи с северного Кавказа, решившие соорудить хижину на нашем острове!? Я решил окончательно махнуть на все это рукой и поскорее забыть об этой истории, но она сама напомнила мне об этом и самым неожиданным образом.

В январе следующего года сидел я в университетской библиотеке и со словарем переводил статью из ботанического журнала Канады. Перевод давался мне трудно и я решил немного отдохнуть, а для отдыха пролистать подшивку имевшейся в читальном зале «Независимой газеты». Мое внимание привлекла статья, где бичевались порядки на одной из военных баз в Пермской области. По словам автора статьи на этой базе взрывчатку списывали как какой-нибудь перележалый товар, а куда она потом девалась – никто не знал. Следователь военной прокуратуры, занявшийся этим, завел дело о преступной халатности служивших на базе прапорщика Хаджиева и майора Муратова и взял с них подписку о невыезде. Однако, на следующий же день фигуранты скрылись и до сих пор не обнаружены.

Тут-то мне и пришло в голову, что исчезнувшие прапорщик и майор, или их контрагенты и устроили на моем острове перевалочную базу. Хижину же они соорудили на манер тех, которые бытуют у них на родине. Там же, вероятно, тол и пустили в ход: газеты и телевидение то и дело сообщали о диверсионных актах на северном Кавказе...

Но все это были лишь мои предположения и я решил снова побывать на острове. В июне я, под залог крупной суммы денег, взял в Подновье лодку и отправился на остров. Но хижины там не нашел.

Все помнят бурное половодье 2005 года. Волжская вода смыла хижину полностью. Теперь на этом месте я обнаружил лишь песчаный нанос, через который пробились лишь редкие побеги белокопытника.

Б И О И Н Д И К А Ц И Я.

Нам, сотрудникам Ботанического сада, жалованье платят самое маленькое, и потому мы не гнушаемся разными приработками: преподаванием в школе, репетиторством, выращиванием частным образом саженцев и т.п. Я же, помимо всего прочего, ради гонорара интенсивно печатался в местной прессе. Не удивительно, что когда мне позвонили на работу и осведомились, не смогу ли я за плату дать справку по биоиндикации, то я обрадовался донельзя.

Назавтра в назначенное время дверь комнатки, которую я занимаю в конторе ботанического сада, отворилась и на пороге показался неизвестный мне молодой мужчина. Вежливо поздоровавшись, он, смущаясь и краснея, напомнил мне о вчерашнем телефонном разговоре и подал визитную карточку. Так я познакомился с Кириллом Владимировичем Шалагановым, сотрудником фармацевтической фирмы «Глюкон».

Их фирма, заявил он, занимается выращиванием лекарственных растений по совершенно новой методике: в контейнерах с песком, которые поливают не только растворами питательных веществ но и солями золота, серебра, марганца, меди, железа и прочих микроэлементов, усиливающих лекарственное действие. Само собой разумеется, что накопление солей этих металлов в растениях надо каким-то образом контролировать.

- Можно, конечно, отдавать растения на анализ в химическую лабораторию, мы уже почти договорились с Институтом прикладной химии, но там очень дорого берут за анализы. А наша фирма молодая, оборотных средств у нас немного и мы хотим попробовать биоиндикационный метод,- смущаясь и запинаясь пробормотал он.

- Да вы смелее, смелее,- ободрил я его, - помогу, чем смогу и много не запрошу.

- Короче, дело в том, - продолжал он, - что нам нужны сведения о том, как изменяется облик растений, когда они растут в среде, богатой разными химическими элементами. В этом и состоит идея биоиндикации, не так ли?

С биоиндикацией я был немного знаком и даже имел небольшую картотеку. Это то я и сообщил собеседнику, прибавив, что подобные работы редки.

- Мы все понимаем, поэтому задачу ставив перед вами вполне разрешимую: нам хотелось бы для начала разузнать о биоиндикации какого-нибудь одного элемента, ну, скажем, золота... А группой растений мы вас не связываем - о каких растениях узнаете, о тех и сообщите...

В течение месяца я сидел по вечерам в университетской библиотеке и перелистывал реферативный журнал «Биология». Дело двигалось туго и к условленному дню я отыскал всего восемь статей по биоиндикации золота. Шалаганов внимательно просмотрел рефераты статей и отобрал те две, где говорилось о крапиве и чистотеле, поблагодарил и вручил пачку ассигнаций.

Я пересчитал их: как раз мое месячное жалованье.

Мы условились встретиться еще через месяц.

Не скрою, гонорар меня вдохновил и я с удвоенной энергией принялся за поиски. В течение второго месяца я отыскал еще одиннадцать статей о влиянии повышенного содержания золота на форму и цвет листьев и цветков. Кирилл Владимирович внимательно просмотрел их и отобрал три статьи, где говорилось о пустырнике, гравилате и лопухе и вручил очередную пачку ассигнаций, на этот раз заметно толще.

- Ну вот, Илья Львович,- сказал он, вставая, - фирма благодарит вас за услуги. Думаем, что вы на нас не в обиде. Конечно, мы хотели бы, чтобы вы и дальше продолжали работы в этом направлении, но, к сожалению, наша фирма потерпела некоторую финансовую неудачу и мы не можем более спонсировать ваши научные поиски. Всего вам хорошего!

И он уважительно потряс мою руку.

Прошло два месяца, наступил летний полевой сезон. В этот год, продолжая свою работу над монографией о флоре Нижнего Новгорода, я планировал посетить старые нижегородские кладбища. Числа двадцатого августа, как помнится, приехал я в Константиново. Старинное кладбище этого села мне было знакомо: лет за десять до описываемых событий я нашел тут одичалую веронику нитевидную и теперь решил еще раз посмотреть, нет ли каких других ботанических редкостей.

На таких старых кладбищах народу обыкновенно почти не бывает, а тут у церкви стояли милицейские «Жигули», «Хонда» телевидения и еще «Газель», присмотревшись к которой я, к своему удивлению, узнал редакционную машину одной из областных газет. В глубине же кладбища у старого тополя я увидел небольшую толпу.

Недоумевая, что могло здесь стрястись, я прошел по аллее, протолкался через толпу и оказался на краю разверстой могилы. На противоположном краю стоял старший лейтенант милиции и втолковывал в протянутые микрофоны, что у райотдела есть задания поважнее, чем искать людей, раскапывающих могилы давным-давно умерших.

- Я не вижу здесь состава преступления. Осквернение могилы, о котором вы мне толкуете, включает в себя повреждение памятника, ограды, могильного холмика, размалевывания памятника оскорбительными надписями, а вовсе не раскапывание могилы. Здесь, если хотите, попытка несанкционированной эксгумации трупа. Само захоронение пэповских времен, надпись на памятнике стерлась. Вы же сами опрашивали местных жителей - никто не помнит, кто здесь похоронен. Наш райотдел, разумеется, по поручению прокуратуры, займется этим делом, но никакой гарантии успешного результата я дать не могу...

Когда публика стала расходиться, я подошел к знакомой мне корреспондентке газеты и от нее узнал, что вчера вечером один из местных жителей, забредя на кладбище, узрел раскрытую могилу, вынутый гроб с оторванной крышкой, а в нем истлевшее тело и тут же позвонил в редакцию их газеты и заодно на телевидение. Те, разумеется, по дороге на кладбище заехали в райотдел милиции.

Я остался у разверстой могилы и внимательно осмотрел ее. Раскопана она была основательно и аккуратно. Гроб из мореного дуба не загнил и не разрушился. В стороне лежал повергнутый мраморный памятник с совершенно стершейся надписью. Кое-как можно было прочесть лишь год смерти: 1925.

Я ушел бродить по кладбищу, а когда вернулся, могилу уже закапывали местные жители. По стародавней привычке ботаника я, когда иду, всегда смотрю под ноги, разглядывая травянистый покров и, не скрою, часто нахожу интересные и полезные вещи, как-то: деньги, ручки, брелоки, перочинные ножи и т.п. Вот и на этот раз, обходя работающих сельчан, я смотрел вниз и увидел в комке глины, отлетевшем в сторону, что-то блестящее. Нагнувшись, я выковырял его из комка глины, а выйдя за кладбищенские ворота, нацепил очки и рассмотрел хорошенько находку.

К моему изумлению, это оказалась золотая монета, так называемая «золотая десятка» начала двадцатого века!

Тут-то в моей голове всплыла таинственная фирма «Глюкон», интересовавшаяся биоиндикацией золота, и я живо представил себе, как Шалаганов с компанией по специфическому цвету бурьянных растений отыскивали золото и выкопали ее, а монету впопыхах обронили. Через час я уже был в райотделе милиции и сидел напротив того старшего лейтенанта. Он выслушал меня без всякого энтузиазма.

- Конечно, можно себе представить, что когда-то вместе с покойным, или потом в его могилу зарыли клад, а теперь его выкопали, обнаружив биоиндикационным методом. Но поймите меня, если я открою дело, то что мне к нему приобщить? Найденную вами монету? Но она была изъята без надлежащего оформления! Ваше сообщение о таинственном Кирилле Владимировиче Шалаганове? Но ведь вы сами сказали, что его визитку с телефонами потеряли а внешность Шалаганова не помните совсем!

- И еще, - он понизил голос и наклонился ко мне, - ведь если мы начнем раскручивать это дело, то вы будете основным фигурантом!

- То есть как?! - возмутился я.

- А вот так! Ведь вы фактически дали наводку грабителям могил! Как обнаружить спрятанное в земле золото вы им объяснили, сборник со своей статьей о флоре старинных кладбищ вы Шалаганову преподнесли. Да ведь я просто обязан сейчас же взять у вас подписку о невыезде!

- Я похолодел от ужаса. А старший лейтенант вдруг коротко рассмеялся.

- Ну-ну, не пугайтесь, я пошутил! Вы, как типичный ботаник, личность совершенно безвредная, поэтому мой вам совет: возьмите себе на память эту монету и уходите. Как говорится, «следствие закончено - забудьте».

С тех пор прошло много лет. Время от времени я достаю из ящика письменного стола монету и размышляю об этой истории. Интересно, на что потратили золотые монеты таинственный Кирилл Владимирович Шалаганов и его поделельники?

Не исключено, что прогуляли, проиграли в карты, купили себе дорогие иномарки и т.п. и деньги разошлись легко и спокойно. В пользу этой версии говорит то, что в газетах (а я с тех пор регулярно прочитываю всю местную прессу, да вдобавок региональные выпуски «Комсомолки» и «Московского комсомольца»!) ничего не пишут об этой истории.

Но мне кажется, что «джентльмены удачи», как люди образованные и современные, обратили золото в валюту и удачно вложили ее в какое-нибудь

коммерческое предприятие, или в выборную кампанию и теперь спокойно пожинают плоды своих трудов.

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК.

Бермудский треугольник, как всем известно, это область в Атлантическом океане у одноименных островов, где якобы таинственным образом исчезали корабли и самолеты. Само это название сделалось нарицательным для всякого места, где частота несчастных случаев почему-то выше обычного. А в 1995 году и мне довелось побывать в подобном месте, причем оказалось оно чуть не в центре Нижнего!

Началась же эта история еще раньше, когда была жива известный наш ботаник Екатерина Васильевна Л. Как-то сообщила она мне, что, перебирая свой гербарий, обнаружила редкое растение авран, найденное ею по берегу затона «25 лет октября», что в Ленинском районе. Самой ей передвигаться было уже затруднительно и она попросила меня съездить туда, попытаться найти авран и вообще обследовать эту местность поосновательней.

...Речной залив, когда-то окаймленный шеренгами ив и тополей, оказался сильно изменен: кустарник вырубил, поставили грибки и кабинки для переодевания. В самом центре песчаного пляжа возвышалось приземистое здание с надписью: «Зона отдыха «Окские берега». На берегу я обнаружил авран и уже закладывал одно растение в ботаническую папку, как услышал за спиной радостное восклицание:

- Илья Львович, как я рад вас здесь видеть!

Я обернулся и увидел статного молодца в полосатых плавках и с вытатуированной русалкой на груди - моего бывшего студента Сашу Б.; когда он учился на первом курсе естественно-географического факультета пединститута, то в его группе в 1990 году я вел полевую практику по ботанике. Посыпались взаимные расспросы. Саша закончил институт, но в качестве учителя себя не нашел и устроился сюда, как он сказал,

«спасматросом» а по совместительству – медсестрой (пединститут предоставляет студентам дополнительно обучиться и этой профессии).

- А в зимний сезон я здесь же сторожем на две ставки работаю, - пояснил он мне. – Идемте, я покажу свои апартаменты.

«Апартаменты» состояли из обширного склада, медицинской комнаты (она же служила жильем Саше), и дежурной комнаты. Обстановка этой последней была совершенно необычной: там стояла полутораспальная кровать, старый буфет с горкой посуды и обеденный стол с тремя стульями. Над кроватью на старом выцветшем ковре были булавками пришпилены многочисленные похвальные грамоты и дипломы Саши, а среди них – новенькая медаль за спасение утопающих.

- Однако, вы молодец, - только и смог вымолвить я, остолбенев от удивления. – Всего за два года работы – и такой результат!

- На моем месте любой спасматрос заработал бы столько же наград. Ведь наша зона отдыха особенная, здесь больше всего случается несчастий на воде. Недаром ее называют «бермудским треугольником», тем более что и залив треугольной формы.

И тут, как бы в подтверждении его слов, раздался истошный вопль:

- Спасите, тону-у-у!

Саша стремглав бросился к маленькому причалу, вскочил в лодку и сильным взмахом весел погнал ее к барахтающемуся в воде мужчине. Легко, как бы играючи, он перевалил его в лодку и поплыл назад. На берегу он привел его, к моему удивлению, не в медпункт, а в дежурную комнату и, достав из буфета бутылку, отлил в стакан и дал утопленнику отхлебнуть. Снадобье оказалось весьма действенным, мужчина быстро пришел в себя и принялся благодарить спасителя. К моему удивлению, они оказались знакомы.

- Николай Дмитриевич, дорогой, я всегда рад помочь вам, вы только распишитесь.

- Что за разговор, Саша, - ответил он заплетающимся голосом, - все сделаю, как положено! И распишусь, и телефончик оставляю!

Изумлению моему не было предела, когда я увидел, как Саша достал из тумбочки стола отпечатанный на ксероксе бланк и протянул его собеседнику. На бланке этом было отпечатано следующее:

на Н.Новгорода

Ходатайствую о поощрении работника зоны отдыха «Окские берега» Б-ва А.Д., спасшего мне жизнь на воде.

Подпись

Дата

Рабочий телефон

Домашний телефон.

Когда мужчина расписался и ушел, Саша, заполнив журнал происшествий и медицинский журнал, сказал:

- В нашем «бермудском треугольнике» подобных случаев так много, что пришлось заказать специальные бланки. Вначале в коммунхозе (я им подчинен) надо мной смеялись, а как проверили, зауважали. Стал я регулярно и грамоты, и премии получать, а полгода назад, когда спас троих парней, наградили медалью.

Меня здесь весь микрорайон знает, - кивнул он в сторону 9 - 12-этажных башен, возвышавшихся над домиками соседнего поселка, - даже осенью и зимой ко мне заходят.

Я выразил восхищение своему бывшему студенту и отправился восвояси, размышляя о тайнах этого залива. Дело мне казалось простым: со дна бьют сильные холодные ключи и контраст между их ледяной водой и прогретыми солнцем водами заливчика и приводит к внезапным судорогам купающихся...

В сентябре судьба странствующего натуралиста снова забросила меня на берега Оки, где я собирал гербарий ив и тополей. Поскольку «бермудский треугольник» был неподалеку, я решил зайти к Саше, благо домик его еще издали манил светом в окошках. Уже подходя к дверям, я решил посмотреть сперва в окно. В дежурной комнате за столом сидели трое: сам Саша, девица и молодой мужчина. На столе стояла початая бутылка, тарелки и стаканы.

- Ладно, вы оставайтесь, а я пойду погуляю, осмотрю территорию. В вашем распоряжении минут пятнадцать, - донесся до меня приглушенный голос Саши.

Едва за ним захлопнулась дверь, как девица протянула руку к выключателю и домик погрузился в темноту.

Минут через десять свет снова зажегся. Обитатели дежурки сидели раскрасневшиеся, довольные и угощались вовсю.

Вошел Саша. К моему изумлению, он достал два известных мне бланка и подал гостям. Те принялись их заполнять.

- Число поставьте вчерашнее. Погода стояла теплая; я сам видел: несколько человек купались.

Я понял истинное происхождение «бермудского треугольника» и, тихонько отойдя от окна, побрел к автобусной остановке.

ПИКЕТ У ЗАВОДА.

Каждая профессия накладывает на человека свой отпечаток. Поскольку я, как ботаник, большую часть времени провожу в общении с растениями, мне не особо и хочется проводить время в общении с людьми. Само собой разумеется, что общественная деятельность меня не привлекает, а от одного вида толпы, все равно – на автобусной остановке, или на митинге, – меня зачастую просто мутит. Поэтому, когда я, июльским днем 199... года, по завершении экскурсии подходил к нужной мне остановке автобуса около проходной одного из заводов и увидел там толпу, у меня в буквальном смысле подкосились ноги...

А ведь как хорошо проходила ботаническая экскурсия! Какие редкие и интересные растения я обнаружил по берегам и в самих водах канала, который кольцом охватывал территорию этого завода и примыкающего к нему заводского поселка! И вдруг, на тебе: толпа, выкрики в мегафон, яркие транспаранты... Черт бы их побрал!..

Подойдя поближе, я, к своему удивлению, увидел на транспарантах лозунги: «Позор отравителям окружающей среды!», «Директора Н. П. Палкина – под суд за гибель природы!» и «Нашим детям и внукам – чистую воду и чистый воздух!». Такие, почти что ботанические лозунги ободрили меня, я набрался смелости и протискался через толпу.

Передо мной стояли выстроившиеся в шеренгу семь человек. Одни раздавали листовки, другие держали транспаранты, а в руках молодого мужчины, судя по нарукавной повязке –старшего, был мегафон. Из его горячей речи я узнал, что передо мной пикет одной из наших неформальных

экологических организаций. Завод, у ворот которого расположился пикет, очистку водных и воздушных выбросов практически не производил, потому - то наши самодеятельные экологи и выступили с акцией протеста.

Работники завода, выходя из проходной после смены, листовки брали охотно, но не задерживаясь, спешили домой и через пятнадцать минут около пикетчиков кроме меня никого не осталось. Я подошел к старшему пикета и представился по всей форме. Он, в свою очередь, назвал себя и своих товарищей. Фамилии их мне ничего не говорили и я осведомился об их профессиях. Оказалось, что в пикете участвовали в качестве старшего зубной врач, а рядовыми пикетчиками были журналист, воспитательница детского сада, учитель истории и три студентки филологического факультета университета.

Пикетчики пригласили меня на очередное заседание своей организации. Я пообещал прийти, удивившись только, что это заседание будет в клубе другого завода, весьма далеко отстоящего от места акции.

В назначенный день и час я входил к комнату, арендуемую экологами в заводском клубе и застал там не только всю честную компанию, но и еще нескольких человек. На столе стоял большой электрический самовар, на блюдечках - горки печенья и мармелада. В воздухе стоял аромат свежесваренного чая. Распоряжалась всем этим очень милая молодая женщина.

Я ел и пил и внимательно прислушивался к разговорам своих соседей по столу. А они подводили итоги последнего пикетирования, договаривались о подготовке к следующему пикету, обсуждали тексты листовок. Тут же журналист и студентки - будущие журналистки получили задание начать в печати кампанию против директора завода Н. П. Палкина, который собирался выдвинуться кандидатом в депутаты.

Присмотревшись к собравшимся, я заметил, что все предложения исходят от молодого мужчины, к которому присутствующие обращались по имени-отчеству, довольствуясь в разговоре между собой одними именами. Между тем разговоры постепенно смолкли и я почувствовал, что взоры присутствующих обратились на меня.

- Вы у нас единственный сидите, не проронив ни слова, - с улыбкой обратилась ко мне милая распорядительница. - Скажите хоть что-нибудь.

- А что я должен сказать? - удивился я.

- Расскажите нам о своих изысканиях в окрестностях завода – отравителя. Друзья! – обратилась она к присутствующим. Я совсем забыла представить вам нашего гостя, ботаника Илью Львовича. Мы познакомились с ним на последнем пикете. Нет сомнений, что его данные дадут научное обоснование нашей кампании.

Я встал, раскланялся и вкратце рассказал о результатах своей экскурсии. К моему изумлению сообщение о находках редких растений и вообще о богатстве флоры и канала, и окружающих зарослей ив произвели на присутствующих неблагоприятное впечатление. Некоторые из них скептически усмехались, а зубной врач не выдержал и перебил меня:

- Вы что же, хотите сказать, что в окрестностях этого завода, этого отравителя природа благоденствует?!

- За всю природу ручаться не могу, я не зоолог, а что касается растительного мира, то он здесь в совершенном порядке и удивляться этому не следует. Человек и растения совершенно разные организмы и что вредно для одних, то нейтрально для других. В конце-концов, если вы не доверяете результатам моих исследований, то проведите их сами.

- Послушайте, да вы просто городите вздор, морочите нам всем головы! – закричал зубной врач. – Единство мира – аксиома экологии!

- Спорить с вами, дилетантом, я не намерен! – отрезал я. – Еще раз вам заявляю, что если вы не доверяете моим изысканиям, то исследуйте сами!

Страсти готовы были накалиться, но тут милая распорядительница поспешила объявить перерыв и мы вышли на крыльцо.

Ко мне подошел дававший задания молодой мужчина; на лице его сияла улыбка.

- Здорово вы отбрили этого демагога! – сказал он. – Эти деятели, ничего не смыслящие в экологии, только дискредитируют и движение, и нас, деловых людей, его поддерживающих.

- Как вы смотрите, – продолжал он, если бы наша фирма выделила вам субсидию на проведение более детальных исследований в окрестностях завода? Насколько я понял, вы доложили о результатах предварительного исследования, а ведь окончательные выводы могут быть и иными.

И он назвал кругленькую сумму, превышающую мое двухмесячное жалованье.

Я смекнул, с кем имею дело, но виду не подал, а, встав по стойке «смирно» и преданно глядя в глаза «делового человека» отрапортовал:

- Всегда готов честно отработать субсидию! Какие выводы из моих исследований прикажете представить?

- Ну-ну, не нужно быть столь откровенным с незнакомыми людьми. Это может повредить вашей научной репутации. Просто мы надеемся, что окончательные выводы будут не столь категоричны.

Я горячо поблагодарил за доверие и пообещал, что, если начальство не даст мне срочных и длительных заданий, то займусь обязательно!

В течение недели я наводил справки не столько о моем собеседнике, сколько о фирме и ее главе и, взяв все в расчет, позвонил «секретарю-референту по связям с общественностью», - именно так было указано в его визитной карточке, - что ввиду срочного задания руководства, я в ближайшие три месяца не могу заняться окрестностями завода.

Между тем кампания против Н. П. Палкина набирала силу. Необходимое число подписей для выдвижения он собрал и был зарегистрирован, но становилось ясным, что шансов для избрания у него мало. Зато набирал силу его соперник, глава фирмы, в которой служил тот самый «секретарь-референт». Результаты выборов угадать было нетрудно...

... В мае следующего года участвовал я в очередном научно-практическом форуме «Великие реки» и на заседании одной из секций встретил милую распорядительницу памятного мне заседания. Я осведомился, что нового в деятельности их общества и извинился, что занятый по горло служебными обязанностями и преподаванием в школе не могу побывать на их собраниях.

- Напрасно извиняетесь, - с печальной улыбкой ответила она. - Мы уже больше не собираемся. Администрация заводского клуба вытурила нас за невнос арендной платы; денег же за аренду помещения у нас нет.

- А как же ваш спонсор?

- Не говорите мне о нем! - вспыхнула она. - Мы-то думали, что он искренне болеет за экологию. Ведь чего только не обещал в своей предвыборной программе! А потом... палец о палец не ударил! Мы напоминали ему и при встрече, и в газете о его обещаниях - обиделся! А когда позвонили его секретарю-референту по связям с общественностью, о том, что нужно внести арендную плату за следующий год, тот ответил, что в связи с финансовыми трудностями их фирма больше спонсировать нас не может.

Я попытался утешить милую собеседницу, сказав, что не все фирмы такие, есть же где-нибудь искренне болеющие за родную природу, но моя собеседница лишь горько усмехнулась. Я хотел еще что-то сказать, но тут зазвенел председательский колокольчик и мы приготовились слушать доклад очаровательной аспирантки кафедры ботаники нашего университета Наташи С - ой об альгофлоре малых речек Нижнего Новгорода.

П И К Н И К Н А О Б О Ч И Н Е .

У нас, у ботаников, изучающих высшие растения, все зависит от элементарного везения. На иного посмотришь – и эрудирован, и опыт имеет большой, а выйдет в поле – и ничего существенного не находит! Так весь свой научный век и описывает пробные площадки и выше мелкотиражных учебных пособий, компилятивных обзоров и статей в местных сборниках не поднимается. А другой шаг шагнет – и находка, да еще такая о которой не стыдно и в «Бюллетене МОИП», или в «Ботаническом журнале» заметку тиснуть!

В этом смысле мне везет фантастически. Коллеги шутят даже, что стоит мне взять в руки нож (ботанический), да выйти на большую дорогу, как я тут же найду на обочине редкое растение! Вот и на этот раз, идя по дороге от пригородного поселка на Московское шоссе, я, повинуясь какому-то инстинкту, свернул к березнячку и там-то увидел несколько кустиков василька раскидистого, ранее не отмеченного для нашей области.

Вытащив ботанический нож (от обычного он отличается лезвием, - толстым, широким и длинным), я начал выкапывать растение. Удача не приходит одна: вот и на этот раз я извлек вместе с растением тронутое ржавчиной, но совершенно целое перовое сверло с победитовым наконечником, вещь незаменимую для тех, кто подобно мне живет в панельном доме.

В полевую этикетку помимо места нахождения растения положено заносить, в каком сообществе оно растет и в каком окружении. Поэтому, выкопав два экземпляра, я осмотрелся и обнаружил, что растут они в сообществе вейника наземного и полыни Маршалла. Кроме этого оказалось, что рядом – остатки пикника: пустая бутылка из-под водки, пластмассовые коробочки из-под плавленых сырков и корка хлеба...

...Через неделю после этого события мой младший сын принес из школы изящную подвесную полку, которую он сделал на уроке труда и я вознамерился прикрепить ее над своим письменным столом для размещения справочной литературы. Достал электродрель, вставил в патрон найденное мной перовое сверло, быстренько просверлил два отверстия (сверло работало превосходно!), забил пробки, ввернул шурупы, повесил полку и расставил на ней книги.

Не успел я полюбоваться на плоды своих трудов, как раздался звонок. Я открыл дверь. На пороге стоял сосед с нижнего этажа.

- Извините, - смущенно сказал он, - мы с зятем вешаем ковер, долбим стену и тут слышим, как вы сверлите. Не дадите ли минут на пять вашей дрели со сверлом?

Я дал ему дрель. Минут через пять - снова звонок. На пороге стоял сосед с моей дрелью, а из-за его плеча выглядывал рослый молодой человек.

- Огромное вам спасибо! Вы так нас выручили! Между прочим, Валентин очень вашей дрелью заинтересовался, хочет с вами поговорить о ней.

Я пожал плечами и пригласил молодого человека на кухню.

- Прежде всего позвольте вас еще раз поблагодарить! Если бы не ваша дрель со сверлом, мы бы с тестем еще час стену долбили. У меня к вас один деликатный вопрос... Тут Валентин замялся.

- Да вы смелее, смелее, - подбодрил я его.

- Прежде всего, позвольте представиться: Валентин С-гов, старший лейтенант милиции, инспектор уголовного розыска. А теперь скажите мне, пожалуйста, откуда у вас сверло, каким обычно пользуются при вскрытии сейфов?

В первое мгновение я потерял дар речи, потом пришел в себя и рассказал историю находки.

Валентин задумался.

- Вот что, - сказал он, - я вас очень прошу завтра подойти к нам в управление. Часов в девять вас устроит? Ну и прекрасно! У подъезда будет ждать нас машина, мы поедем на место находки. Доставку на работу, или куда еще вам нужно, я вам гарантирую, равно как и справку с печатью. Сверло это я пока у вас заберу...

Когда на завтра в указанное время я подходил к известному зданию на Воробьевке, то увидел милицейский УАЗ, а рядом с ним Валентина. Мы

пожали друг-другу руки и я уселся на заднее сиденье рядом с пожилым мужчиной, держащим на коленях чемоданчик.

Через сорок минут мы были уже на месте моей находки. Я стоял в стороне и смотрел, как сотрудники милиции фотографируют место пикника и аккуратно собирают в полиэтиленовые пакеты остатки пиршества.

...Прошло полгода. Как-то раз на лестничной площадке я опять встретился с соседом и его зятем и осведомился у Валентина, сыграла ли какую-нибудь роль моя находка и он ответил, что безусловно! Преступники найдены и изобличены, через месяц должно состояться судебное заседание. Сверх того я, за содействие правосудию, представлен к награждению ценным подарком.

Через месяц с небольшим я явился в одну из комнат областного суда, где нашел на скамьях для публики лишь Валентина, группу студентов юридического факультета нашего университета, трех курсантов областной школы милиции и еще какого-то одного хмурого человека. То, о чем я там услышал, изложу ниже...

...Когда началась «приватизация», а, попросту, разбазаривание государственного имущества, в числе прочих был выставлен на аукцион и магазинчик в пригородном поселке. Магазинчик этот помещался в полуразвалившейся избе и местные жители надеялись, что новый хозяин наведет порядок. Действительно, приехали строители, закипела работа. Подгнившие бревна были заменены, стены обиты несгораемыми пластиковыми панелями, окна расширены, крыша перекрыта, площадка перед входом заасфальтирована. К магазину был пристроен обширный кирпичный склад.

Но когда после капитального ремонта магазин открылся вновь, то, войдя туда, покупатели увидели вместо соли, сахара, хлеба и т.п. ряды бутылок и соков с заморскими этикетками, пачки импортной жвачки, зажигалки и презервативы, а также перележавшие все мыслимые и немыслимые сроки импортные шоколадки и консервы.

Большинство жителей в этом поселке были пенсионерами, поэтому торговля шла вяло. Но владельца магазина это не смущало. Магазин ему был нужен как легальное прикрытие сомнительных операций.

Когда в городе появились преступные группировки и началась борьба за сферы влияния, то одна из группировок решила завладеть магазином в поселке. Хозяину назначили сумму ежемесячных отчислений, а когда он отказался платить, попытались на него напасть. К несчастью нападавших, рядом с магазином жил местный участковый уполномоченный и появление его в форме и с пистолетом заставило нападавших разбежаться.

Тогда преступники решили ограбить магазин, и не раз, и, тем самым, заставить хозяина принять их условия. К их услугам были гастролерские взломщики. По сигналу они приезжали на объект, вскрывали замки и сейфы, тут же получали обещанную плату и немедленно уезжали.

Так было и на этот раз. В сопровождении провожатых взломщики по одному добрались автобусом до ближайшей на Московском шоссе остановке и собрались все вместе в березнячке у обочины дороги в трех километрах от поселка.

Перед «работой» решили немного выпить и закусить. Один из взломщиков еще раз проверил набор инструментов и в сумерках не заметил, как одно из сверл выпало из гнезда и затаилось в траве.

Операция получилась удачной. Оба гастролера быстро вскрыли все замки, тут же получили «гонорар» и через три часа уже уносились в вагоне скорого поезда дальнего следствия. Местные же злоумышленники взяли все, что сочли нужным, а остальное разбили и разорвали. Сигнализации в магазине не было: хозяин рассудил, что если рядом живет участковый, то

беспокоиться не о чем. Ночь же была темная, ветреная, на улице поселка никого не было, даже собак.

Следствие по делу ограбления, а точнее, разгрома магазина шло ни шатко, ни валко и не потому только, что не оставалось отпечатков пальцев (преступники действовали в перчатках), но и потому, что хозяин заявил лишь о пропаже денег, скрыв, что гости унесли хранящуюся краденую импортную аппаратуру и сверток с наркотиками.

Однако, после того, как на месте пикника обнаружили посуду с отпечатками пальцев (лето было сухое и отпечатки пальцев сохранились хорошо), установили фигурантов и в их квартирах обнаружили вещи, которые опознали владельцы, ранее заявлявшие о кражах, прояснилась истинная цель приватизации магазина, о которой не имел понятия даже сам хозяин.

То есть у него была упоминавшаяся выше цель – использовать магазин как прикрытия для темных делишек. Но он не догадывался, что используют для прикрытия его самого! И кто же – иностранная фирма, у которой он был дистрибьютером, а попросту продавцом ее товаров. На судебное разбирательство явился представитель этой фирмы, тот самый хмурый человек, и так себя повел, что присутствующим стало ясно, кто истинный владелец магазина.

Иностранная фирма дала своему дистрибьютеру крупную ссуду на приобретение магазина и капитальный ремонт. Магазин эту фирму приобретала впрок; он ей был нужен как один из опорных пунктов в России. С возвратом же ссуды не торопила. Пени за несвоевременный возврат ссуды все возрастали и возрастали. Владельца магазина это не беспокоило. Он рассчитывал, что посторонние доходы через год-другой с лихвой окупят все убытки.

Приговор суда (окончательную черту под этим делом подвел верховный суд РФ) был справедлив; все свершилось ко всеобщему благу. Преступники, как местные, так и гастролеры, в том числе хозяин магазина, получили по заслугам. Магазин вернули в муниципальную собственность и там опять стали продавать нужные для населения товары. Иностранной фирме, поставлявшей в Россию перележавший товар, запретили ввоз.

Сотрудники милиции, в том числе Валентин, были поощрены руководством.

- А как же автор этих строк? - спросит читатель.

Увы, обещанный ценный подарок я не получил. Даже сверло мне не вернули. Я остался лишь с сознанием выполненного гражданского долга.

Впрочем, меня это нисколько не смущает! Как говорил Козьма Прутков, «Добродетель сама по себе служит наградой. Человек служащий, но не получающий награды, превосходит добродетель!».

З О Н А О Т Ч У Ж Д Е Н И Я .

Напрасно многие думают, что редкие растения нужно искать только в нетронутых уголках. В течение многих лет, изучая флору города, я неоднократно находил ботанические редкости в самых людных местах. Это и орхидея, выросшая на газоне на проспекте Гагарина, и папоротник на стене кирпичного дома по улице Минина, и степной шалфей на Похвалинском съезде...И всякий раз почему-то случается, что находка редкого растения оказывается связанной с какой-нибудь криминальной историей. Правда, во всех почти случаях нарушителем закона оказывалось постороннее лицо, я же своей находкой только способствовал выявлению криминала. И только однажды нарушителем закона оказался ваш покорный слуга!

До сих пор не могу понять, как меня, что называется, не вычислили: наследил я порядочно, и в буквальном и переносном смысле!

Между прочим, принцип неотвратимости наказания за прегрешения и в этом случае восторжествовал, хотя и в оригинальной форме!

Но ближе к делу!

Эта история случилась со мной в те времена, когда я работал слесарем на заводе «Орбита» в 1982 г. От посторонних глаз завод наш укрывался за побеленным кирпичным забором, выходявшим к кладбищу «Марьяна роща». Для непосвященного глаза казалось, что завод наш сразу за забором и начинался. Между тем за забором лежит еще четырехметровая полоса отчуждения, отгороженная от собственно заводской территории столбами, оплетенными колючей проволокой. Эта зона отчуждения никем практически не посещалась, никто ее не топтал, тем не менее трава там почему-то росла плохо, да и то один бурьян.

Как-то раз, в июле, числа, помнится, пятнадцатого, в четверг, в обеденный перерыв, возвращаясь из столовой в цех кратчайшим путем мимо «колючки», я обратил внимание на цветки с красными лепестками, росшие по ту сторону и, подойдя поближе, увидел, что это – мачок рогатый, редчайшее заносное растение нашей флоры! Росло их там с десятков экземпляров. Я сбегал в цех, принес стальной прут и попытался с его помощью добыть растение, но не тут-то было!

При попытке выкопать растение и подтащить его поближе, я только разодрал стебель, да вдобавок расцарапал руки. Мне стало ясно, что необходимо самому побывать в зоне отчуждения. Но как это сделать? О том, чтобы пойти к начальнику охраны завода Бирюкову и договориться с ним, не могло быть и речи. Этот Бирюков был личностью настолько антипатичной, что вызывал у многих заводчан, в том числе и у меня чувство неприязни, граничившее с омерзением. Недаром и подразделение, которым он руководил и называлось на заводе не иначе, как «охранка». Оставалось только нелегально проникнуть за колючку и выкопать там растение. С этой операцией следовало поторопиться, поскольку мачок рогатый после отцветания очень быстро увядает и отмирает.

И тогда я придумал гениальный, как мне показалось, способ: остаться во вторую смену, дождаться, пока стемнеет, проделать кусачками проход в

колючке и проникнуть за нее. Прогноз погоды этому благоприятствовал: ожидалась облачность, дожди и, главное, новолуние. Остановка была только за тем, как обеспечить себе алиби.

В ту пору у меня был ученик, некто Фадеев, из числа тех, которых, сжалившись, выпускают из неполной средней школы не со справкой, а с полноценным свидетельством. Обучаясь у меня слесарному делу, он привык ничему не удивляться и слушался меня беспрекословно. Не моргнув глазом он выполнил мое приказание: в пятницу, после окончания рабочего дня, заодно со своим взять и мой пропуск и при выходе с завода сунуть его на ленту транспортера.

Надо вам сказать, что пропуска у нас были кабинного хранения. После окончания рабочего дня мы, выходя с завода, клали его перед стрелком ВОХР на ленту транспортера. При этом в проходной была такая толчея и сумятица, что вохровцы еле успевали сгребать пропуска в ящик. Потом уже они раскладывали пропуска по ячейкам. Входя же на завод, мы нажимали соответствующую кнопку и пропуска падали на транспортер прямо перед нами. Мы забирали их, и, войдя в цех, вставляли их в табельную доску. Такова была эта система, существующая и поныне на всех крупных предприятиях.

Жену я предупредил, что ввиду аврала, останусь с пятницы на субботу на заводе.

...Итак, по окончании смены мой пропуск оказался в кабине на вахте и, следовательно, формально на заводе меня не было! Покинуть же завод без пропуска я надеялся глубокой ночью, через боковую проходную для транспорта, где под полотнищем ворот был вполне достаточный для меня промежуток...

...По окончании смены я сидел в заводской библиотеке и читал журналы, потом пошел в столовую и долго там ужинал, а когда столовая закрылась и наступили сумерки, побрел к ограде. Погода мне благоприятствовала: небо заволочло тучами.

Я подошел к нужному месту ограды, вынул из кармана комбинезона кусачки и перекусил четыре проволоки. Оглядевшись по сторонам, я раздвинул проволоку и пролез в зону отчуждения. Вынув из другого кармана нож, я выкопал три растения мачка и уложил их в сложенную вчетверо

газету. Газету я положил в картонную канцелярскую папку с завязками, а папку сунул за пазуху.

Меж тем темнота сгустилась и в двух шагах ничего не было видно. Пора было возвращаться. И тут я вдруг заметил в нескольких шагах от себя в траве огонек. Я подошел поближе, нагнулся и увидел светлячка, редкого гостя в городе. Я положил симпатичное насекомое на ладонь и долго любовался им, а потом вернул в траву и подошел к ограде. Можете представить мое изумление, когда дыры я не обнаружил! По-видимому в темноте я потерял ориентировку!

Около получаса я шарахался вдоль ограждения, обдирая руки и одежду, но дыры так и не нашел. Делать было нечего, надо было проделать новую дыру. Я сунул руку в один карман, потом в другой – кусачек не было! Вероятнее всего, они упали на землю.

Что мне было сделать? Проще всего было пойти к ближайшей будке охранника и, так сказать, сдать властям. Но мысль о позоре, который я на себя навлеку этим поступком, была так ужасна, что такой вариант я отбросил напрочь.

Светящийся циферблат на моих часах показывал полночь, а я все сидел, привалившись спиной к кирпичной стене внешней ограды и под мерную капель дождика лихорадочно думал, как мне выпутаться из этого положения. И придумал!

Я вспомнил, что неподалеку заметил еще днем торчащую из кирпича скобу на высоте около метра. Я пошел вдоль кирпичного забора и скоро эту скобу нащупал. Кое-как я залез на верх забора, где шли рядом пять линий колючей проволоки и ухнул вниз с двухметровой высоты прямо в бурьян, росший с внешней стороны забора. С минуту я лежал, обмирая со страху и ощупывая себя, не сломал ли ногу-руку. Потом медленно поднялся и, ощущая сильные боли в боку, правой руке и ноге, побрел к кладбищу, а под прикрытием его забора – к массивам коллективных садов по улице Юбилейной. Огибая микрорайон Кузнечиху, я вышел к речке Рахме и вдоль нее побрел к себе в поселок. Домой я пришел в четыре утра, принял душ и улегся спать.

Утром, в субботу, я поехал в магазин рабочей одежды и купил там новый комбинезон взамен изодранного.

В понедельник я явился на завод, обмирая от страха и прислушиваясь к разговорам. Тотчас же я побежал к колючке. Дождь смыл все следы и – о, счастье! – рядом с оградой лежали мои кусачки. Я подобрал их и вернулся в цех. Заметили, или нет в «охранке» что в проволочном ограждении дыра, а на заборе – клочки ткани, а если заметили, то что предприняли – для меня осталось тайной.

Я уже совсем было успокоился, но можете себе представить, что через месяц носки новый комбинезон вдруг начал расползаться по швам, как будто был сшит на живую нитку!

Царапина на руке, уже совсем было зажившая, вдруг загноилась и лечить ее пришлось долго.

И в довершение всего, через месяц в моем гербарии появились жучки-вредители и первые растения, которые они съели, были экземпляры мачка рогатого!

...Недаром говорится, что жернова господни мелют медленно, но неотвратимо!

Ч У Д О - Д Е Р Е В О .

Нынче сенсациями никого не удивишь. О чем только не пишут в газетах: об НЛО, «деньгах партии», тайнах «третьего рейха», космических пришельцах. Для меня как натуралиста одно утешение: досужие на выдумки журналисты в массе лишены биологических знаний и о сногшибательных явлениях природы не пишут, ибо для сочинительства правдоподобных небылиц в области, скажем, ботаники, необходимо иметь соответствующий запас знаний. Тем не менее и здесь бывают исключения и вот вам заметка от 12.07.199...г. в одной из городских газет, переписанная мной слово в слово:

« Чудо – дерево.

Житель Сормовского района Илья Владимирович Б. превратил свой небольшой приусадебный участок в настоящий ботанический сад. В открытом грунте он выращивает виноград, культурный миндаль, абрикосы и

другие экзотические растения. Предмет его особой гордости – большое дерево грецкого ореха, ежегодно дающее обильный урожай.

Н.Хоромин»

В то, что у нас выращивают виноград и абрикос, я готов был поверить: существуют их холодостойкие сорта. А что касается культурного миндаля и грецкого ореха – поверить в это я отказывался решительно. Культурный миндаль – растение субтропическое; изредка разводимый у нас миндаль низкий, иначе бобовник, как плодое растение ценности не имеет, это декоративный кустарник. Грецкий же орех, если и плодоносит, то изредка, даже на холодостойких подвоях.

Нисколько не сомневаясь, что передо мной «дутая» сенсация, лишь «приправленная» фактами, я позвонил-таки в газету, представился и попросил разрешения встретиться с автором заметки. Мою просьбу передали, и через неделю в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил тот самый Н. Хоромин. Он пригласил меня поехать завтра к почтенному садоводу, назвал его адрес и указал время встречи.

Назавтра утром, сделав две пересадки на автобусах, я оказался в поселке на окраине Сормова. Впрочем, окраиной это место можно было называть лишь с натяжкой, ибо на поселок наступали девятиэтажки.

Дом, где проживал мой тезка, я нашел без труда; на лавочке у дома сидел молодой мужчина с «дипломатом».

- Позвольте рекомендоваться: Николай Владимирович Хоромин, - сказал он вставая. - Хозяина я предупредил, он нас ждет.

И он нажал на кнопку звонка.

Дверь открылась, и на пороге показался пожилой мужчина в полувоенной одежде.

- А, это вы, - буркнул он, не поздоровавшись. - Ну, что же, проходите!

Вслед за хозяином мы прошли через холодные сени в сад. Вид он имел совершенно необычный! Прежде всего, огородных грядок там не было вовсе – одни деревья, кусты и плантация земляники. Во-вторых, все растения были снабжены бирками из тефлона, на которых были написаны по-русски и по-латыни название вида, семейства, родина и возраст. Даже на гряде с земляникой была укреплена табличка такого содержания:

Земляника садовая, или ананасная

Fragaria ananassa Duch.

Сем. Розоцветные

(Rosaceae)

Родина – Северная Америка

Возраст – четыре года.

В первую очередь я попросил хозяина показать мне грецкий орех и культурный миндаль. Илья Владимирович подвел меня к растущим рядом кустарнику и деревцу.

- Позвольте, но ведь это миндаль низкий и орех манчжурский! – возопил я, всмотревшись в растения.

- Совершенно верно, Илья Львович, это подвои, на которые я и привил культурный миндаль и культурный орех! – заявил хозяин.

Я еще раз внимательно осмотрел растения и не увидел ни побега, ни даже привитой почки. Или они были единичными, или...

Но от размышлений меня отвлек хозяин, потащивший осматривать виноград и абрикос, а потом пригласивший в дом.

Дом хозяина напоминал музей: на стенах висели цветные фоторепродукции различных плодовых растений, фотографии самого хозяина с огромными тыквами и арбузами в руках; на одном фотоснимке он был весь обвит побегами винограда с огромными гроздьями. На стеллажах демонстрировались книги и брошюры по садоводству с дарственными надписями авторов.

- Да, большое у вас хозяйство! – сказал я, выслушав речь хозяина о своих опытах. – Вы один справляетесь, или вам помогают?

- Конечно, помогают! Вот завод, где я сорок лет в охране проработал, помог отпечатать бланки для ответов на письма садоводов.

И он подал мне листок бумаги с таким текстом:

«Дорогой друг!

Для получения морозостойких семян грецкого ореха и миндаля Вы должны выслать в мой адрес тару и деньги из расчета 50 рублей за каждое семя.

С приветом, Б-ов!»

- И часто к вам приходят такие письма? – осведомился я.

- С тех пор, как Николай Владимирович опубликовал в трех центральных газетах статьи о моем саде, мне пришло свыше сотни писем.

Я призадумался. По самым скромным подсчетам выходило, что мой почтенный тезка получил несколько десятков тысяч рублей и несколько кубометров тары...

- А не боитесь, что ваш сад снесут? – забеспокоился я.

- Нет, не боюсь! Если они это задумают, то мне за сад такую компенсацию дадут...то

есть я хочу сказать, - поправился он, - что они будут вынуждены мне такую компенсацию выплатить, что снос будет попросту невыгоден.

...Кажется, я начал догадываться, в чем дело...

- А не дадите ли мне, как ботаник, заключение в плодах моего грецкого ореха? – спросил он меня.

- Простите, Илья Владимирович, но, не видя плодов на дереве, я такого заключения сделать не смогу! – ответил я.

- А я и не прошу вас об этом! Вы просто напишите, каковы они на вкус.

И он подал мне на блюде очищенные семена грецкого ореха.

Я пожал плечами, попробовал орехи и написал, что орехи, поданные мне гражданином таким-то, проживающим там-то – превосходны на вкус.

Он тут же отпечатал мое заключение на машинке и подал мне на подпись. Я вторично пожал плечами и подписался.

Хозяин горячо благодарил меня и даже пытался всучить мне пятьсот рублей, но тут уж я решительно отказался, согласившись принять от него лишь четыре грецких ореха...

Прощаясь с гостеприимным садоводом, я бросил взгляд на его письменный стол и тут увидел штемпельную подушку, а в ней круглую печать.

- Если он работал в охране, то, уходя с завода, мог прихватить с собой какую-нибудь стершуюся круглую печать, а потом пустить ее в ход, черт бы его побрал! – забеспокоился я...

Но дело уже было сделано.

...В сентябре того же года я вторично побывал в этих краях. Усадьбы садовода уже не было; на ее месте трудились траншейные машины. Я зашел к соседу и осведомился о судьбе Б-ва.

- А он уже в новой квартире где-то на автозаводе живет! – ответил мне сосед. – Тут к нему в начале лета какой-то специалист приезжал, выдал справку с печатью, что орех у него какой-то особенный. Так он мне потом

похвалялся, что компенсация за орех все его расходы по переезду окупила. Вот жук! Умеют же люди жить...

Я покраснел от стыда и побрел на автобусную остановку. Вернувшись домой, я достал из ящика письменного стола орехи и аккуратно вскрыл их скальпелем.

Все четыре ореха оказались пустыми.

З У Б М У Д Р О С Т И.

Собирая материалы для моей книжки о флоре города, вышедшей в свет в 2004 году, решил я посетить места, доселе вниманием ботаников не пользующиеся – самый центр исторической части города.

Свернув с Покровки в Холодный переулок, с него – на Звездинку, а оттуда еще на боковые улочки и переулки, набрел я на чудом сохранившуюся усадьбу. За штакетником стоял аккуратный кирпичный домик с мезонином, рядом – добротный сарай и все это – в окружении цветущего сада!

Я нажал кнопку рядом с калиткой и стал ждать. Первой откликнулась собака: громадный белый сенбернар вылез из будки и, повернув в мою сторону голову, строго посмотрел на меня. Вторым обратил на меня внимание большой рыжий кот, прыгнувший с крыши сарая. Он подошел к калитке, встал на задние лапы и раскрыл пасть, демонстрируя острые клыки. Вслед за тем из домика вышел пожилой мужчина в полувоенном костюме и строго спросил:

- Вам кого?

- Вас! – ответил я, просовывая через калитку свою книжечку действительного члена Географического общества СССР.

Хозяин дома надел очки, посмотрел книжечку, потом на меня и отворил калитку.

- Милости прошу! Позвольте рекомендоваться: Зубов, Платон Григорьевич! Чем могу?

Тут я тоже принял соответствующую позу и отрапортовал:

- Честь имею представиться: действительный член Русского Географического общества такой-то! Находясь на ботанико-географической экскурсии в старой части города и узрев вашу замечательную усадьбу, полную ботанических редкостей, счел долгом засвидетельствовать свое уважение!

Платон Григорьевич улыбнулся и пригласил меня пройти посмотреть его сад. Когда мы проходили мимо собачьей будки, сенбернар протянул мне лапу.

Я осторожно пожал лапу.

Потом ко мне подошел кот и, встав на задние лапы, вцепился когтями мне в голень.

Я погладил кота по спинке.

Платон Григорьевич, с умилением наблюдавший эту сцену, промолвил:

- Ну, вот вы и познакомились с Сеней и Рыской, моими приятелями и сожителями. Кроме них, у меня никого в Горьком нет!

Сад Зубова оказался и вправду богат редкостями. Здесь росло три вида слив, пять видов яблонь, виноград, абрикос, актинидия, лимонник, плодоносящая мускусная земляника и шелковица. У калитки же росли разнообразнейшие декоративные кустарники, одних спирей было шесть видов!

- Ну что же, Платон Григорьевич, - заявил я под конец экскурсии, - сад у вас действительно уникальный, тем более, как вы говорите, он был заложен еще дедом до революции. Но скажите, ради бога, как вам удалось сохранить все это богатство?

- Видите ли, это наша наследственная усадьба, вернее - ее часть. Моему деду, инспектору гимназии с девятьсот первого года принадлежал вот этот соседний деревянный двухэтажный дом, а тот дом, где я теперь живу, - это его флигель, то есть дом в глубине двора. Во флигеле мы и жили, а в двухэтажный дом квартирантов пускали. А в начале восемнадцатого дедушка красивый жест сделал: двухэтажный дом и при нем сад в ведение местного Совета передал, об этом еще «Нижегородская коммуна» писала. Нас и не тронули, тем более что и при новой власти дедушка продолжал учительствовать. Родители мои умерли, дочь с сыном со своими семьями в Москве живут, а я здесь свой век с двумя приятелями коротаю.

Весной следующего года я опять оказался в этой части города и забрел на знакомую усадьбу. Перемены оказались поразительными. Старый Зубовский деревянный дом был сломан, а на месте окружавшего его садика зиял котлован. Сам переулочек, в глубине которого располагался кирпичный домик Зубова, был перекопан траншеей, на дне которой уже лежали трубы.

Кое-как перебравшись через траншею, я постучал в знакомую мне калитку. Именно постучал, ибо звонок с проводом был вырван с корнем. Встретили меня все трое приветливо: Платон Григорьевич горячо пожал руку, Сеня подал лапу, а Рыська в порыве энтузиазма вцепился когтями мне в брюки.

- Вас, кажется, скоро снесут? - осведомился я. - А как же вы будете без сада? А как же вы и ваши приятели в однокомнатной квартире, - ведь больше вам не дадут, - втроем уживетесь?!

Платон Григорьевич усмехнулся.

- Меня уже пять лет сносят, а я и не горюю, потому как ничего они со мной не сделают! Домик этот до самой моей смерти стоять будет, а после в него моя дочь переберется, она сюда из Москвы воротиться собирается.

- Власть, Илья Львович, у нас, конечно, твердая, - продолжал он, - да только и мы не лыком шиты! Я вот уже сколько лет районную администрацию за нос вожу, тысячи причин нахожу, чтобы отсюда не переезжать - и все вполне легально! Приходит ко мне участковый, предупреждает, что котлован рядом копать начнут и траншеей переулочек мой перероют, а я говорю «Пожалуйста!»

Предупреждают, что электричество, водопровод, газ и телефон отключат, а я говорю «Ради бога! Меньше платить придется! Теперь только за одну земельную ренту и налог за строение вносить деньги нужно будет!». Электричеством я не пользуюсь, радио не слушаю, а по телефону ни с кем не говорю. Еду же я готовлю на керосинке, да еще керосиновая лампа у меня есть и к ним целая бочка керосина в сарае; зимой готовлю на печи, а для дров я с развалин каждый день бревнышки и доски притаскиваю, не успеваю распиливать.- И он показал мне новую поленницу.- А колодец у меня свой, потайной, его еще мой отец в девятьсот тридцатом году выкопал, сруб у него из лиственничных плах, сто лет простоит.

- А на прошлой неделе умора была, - продолжал он, - подъезжают среди бела дня к траншее милицейский УАЗ и большой грузовик, вылезают оттуда участковый, жилищный инспектор и четверо бугаев.

- Собирай вещи, мы их тебе, как ветерану войны сейчас бесплатно погрузим, на новую квартиру неподалеку перевезем и там все расставим.

Смотрю, они у траншеи засуетились, доски со стройки тащат. Да только траншея широкая, доски тонкие, прогибаются, никак нельзя с грузом перебираться. Покрутились они и назад уехали.

А на следующий день, смотрю, строители мост через траншею строят. А я поздно вечером, как строители ушли, через траншею по мостику перебрался, полил ту сторону из бутылки керосином и поджег, а сам вернулся и лег спать. Утром просыпаюсь от крика. Выхожу на крыльцо, смотрю - стоит на той стороне траншеи та же самая компания, а мостик до половины обгорел и в траншею свалился.

-Зубов, - кричат, - не знаешь, кто поджег?

- Мальчишки, наверное. Они тут костер на пустыре жгли.

- Ты бы в милицию позвонил!

- Здравсте! - отвечаю. - У меня же телефон оборван!

- Покрутились они и уехали ни с чем. Они думают, что я здесь как в осаде живу. Дудки! Я потайной ход через забор на задах сделал, где детский сад. Раз в неделю выхожу в магазин за продуктами и в сберкассу за деньгами - туда мне пенсию перечисляют...

...В начале осени я опять наведалься к Платону Григорьевичу и опять застал разительные перемены. На домике рядом с телевизионной антенной гордо реял триколор. Над крыльцом был прибит российский герб, а пониже его герб Нижегородской области и личный герб Зубова. Этот последний представлял собой варяжский щит, разделенный андреевским крестом на четыре багряных поля. На верхнем поле под пятиконечной звездой была изображена Дмитриевская башня Нижегородского кремля, на нижнем поле - восходящее солнце, на боковых полях - скрещенные шпаги и развернутая книга. Под щитом девиз - «Честь - Родине!» Тут же на отделанной под мрамор доске красовалась выведенная золотом надпись, из коей следовало, что владельцем дома является потомственный русский дворянин, российской гвардии полковник и кавалер П.Г.Зубов.

Я крикнул хозяина, и вот он в сопровождении двух четвероногих питомцев подошел ко мне.

- Да вы что, не знаете, разве, что моя усадьба теперь памятник культуры - «Классическая городская дворянская усадьба начала XX века»?! Теперь она под охраной местных властей находится. О ней еще доклад на краеведческих чтениях делали.

Я вошел вслед за хозяином в дом и поразился переменам. В зальце, где раньше стояла мебель из пресловутой ДВП, теперь был старинный огромный круглый стол, бюро, десяток венских стульев; в одном углу стояла этажерка, на которой я заметил комплект журнала «Нива» за 1912 год, а в другом углу на столике помещался несколько помятый, но начищенный до блеска огромный медный самовар.

Со стены строго и вместе с тем благожелательно на меня смотрел государь император Николай Александрович в скромном мундире армейского полковника.

- Помилуйте, Платон Григорьевич! - возопил я. - Вы что, на старости лет монархистом сделались?! Я, конечно, поздравляю вас, усадьбу вы отстояли, но изменить своим убеждениям... Вы же сами говорили мне, что всю войну комиссарии и демобилизовались в пятьдесят шестом году с должности начальника политотдела корпуса...

- Не торопитесь, не торопитесь, дорогой Илья Львович, осуждать старика. Вы лучше послушайте, что я вам расскажу. Дом соседний еще не достроили, жильцов из других домов я еще не всех уговорил окружить меня гаражами, как вдруг является ко мне очень прилично одетый молодой человек с белым эмалевым крестиком в лацкане пиджака и спрашивает:

- Вы будете потомственный русский дворянин Платон Григорьевич Зубов?

- Я, - отвечаю, - а в чем дело?

А он мне объясняет, что у нас в Нижнем Новгороде организовалось соответствующее местное общество и оно разыскивает потомков нижегородских дворян.

Разговорились мы с ним, и он посетовал, что помещение они никак не найдут. Всего, говорит, пятнадцать человек, а собраться негде. Я ему и предложил: собирайтесь мол, у меня. Послезавтра, говорю, пусть правление общества приходит и осмотрит помещение.

Обещал он правление привести, а я за работу принялся. Всю старую мебель из сараев и других помещений в залу затащил, самовар до блеска натер, портрет царя с чердака достал, обтер и лаком покрыл.

Пришло через два дня правление этого общества, на портрет посмотрело и умилилось аж до слез! Так что выходит, я портрет этот по примеру брата моего деда вывесил. Он им свой старый дом на Солдатской улице от черносотенцев прикрывал, когда в девятьсот пятом году после побоища на Острожной площади у нас молодежь пряталась. Идемте, я вас в свой кабинет провожу, там у меня другой портрет висит. Своих новых знакомцев я туда, понятное дело, не пускаю...

Кабинет Платона Григорьевича был небольшой, но уютный. Стоял там прямо перед окном огромный двухтумбовый письменный стол, а на нем пишущая машинка «Олимпия» с очередным листом мемуаров. Справа от стола располагался диван, слева – шифоньер и книжный шкаф. Сквозь стеклянные дверцы шкафа виднелись корешки сочинений классиков марксизма – ленинизма, среди которых позолотой выделялось роскошное издание «Вопросов ленинизма» И.В.Сталина. Сам же генералиссимус в парадном мундире и лакированных сапогах, скрестив руки на животе, сурово и хмуро глядел на меня с портрета над письменным столом.

- Ну, Платон Григорьевич, ну вы и даете! – только и мог выговорить я от изумления. – Не сочтите за грубый каламбур, но вы – настоящий зуб мудрости!

- На сравнение не обижаюсь. Зуб – я и есть зуб! Пусть попробуют меня с насиженного места вырвать – себе дороже обойдется! Верно, приятели? – обратился он к коту и собаке.

При этих словах хозяина Рыська прыгнул ему на подставленные руки, а Сеня, зайдя сзади, встал на дыбы во весь свой богатырский рост и положил голову и лапы на плечи отставного полковника. Я пожал Зубову руку, пожал Рыське и Сене лапы, тепло попрощался и отправился восвояси.

IV. НА КОНФЕРЕНЦИЯХ И СОВЕЩАНИЯХ.

О многих таинственных историях, я узнал от других наших натуралистов, бывая на многочисленных в последние годы совещаниях и конференциях. И это понятно: будь хоть семи пядей во лбу, все не осмотришь и всюду не побываешь. В отличие от очерков предыдущих серий, здесь я вынужден целиком полагаться на научную честность моих информаторов, имена которых я, по понятным причинам, зашифровал.

МУТАНТ.

...Стылым осенним вечером 198...года, перед самым окончанием рабочего дня, когда начальник отдела кадров крупного радиозавода, где в то время работал озеленителем известный в нашем городе активист ВООП Иван Леонидович М., рассказавший мне эту историю на конференции по охране природы города, уже начал потихоньку собираться домой, в дверь его кабинета постучали.

- Войдите! - недовольно крикнул завкадрами.

Дверь открылась, и на пороге появился молодой человек огромного роста и атлетического сложения.

- Вам такелажники нужны? - спросил он.

- Конечно! - обрадовался завкадрами. - Давайте ваши документы поскорее!

Но, бегло просмотрев документы, он с сожалением вернул их владельцу.

- Извини дорогой, но оформить тебя не могу - тебе нет еще восемнадцати лет, по закону не положено...

В ту же минуту он почувствовал, что вознесен в воздух: парень схватил одной рукой ножку его кресла, а другой - ножку массивного двухтумбового письменного стола и поднял их к потолку. С грохотом свалились со стола оба телефона.

- Немедленно опусти меня! - завизжал кадровик.

- Опущу, когда оформишь на работу, - ответил кандидат в такелажники.

В семнадцатом цеху, в кабинете его начальника потолки были низкими и поэтому Михаил (так звали нашего героя), чтобы доказать свою способность к этой профессии, вопреки КЗОТу, просто сорвал со стены трубу из нержавеющей стали со стенкой десятимиллиметровой толщины, заменявшей гардину, и завязал ее узлом.

В бригаде такелажников не могли нарадоваться на нового работника: он был послушен, трудолюбив и невероятно силен. Одна странность замечалась за ним: он никогда не пользовался никакими машинами и механизмами; учиться управлять электрокарой и электроталью он отказался наотрез! Не раз изумленные рабочие видели, как он с легкостью тащил за собой на стальном тросе электрокар, доверху груженный стальным литьем. Не раз наблюдали, как он вручную поднимал на тросе с первого этажа на второй через колодец электротали тяжелый железный ящик, наполненный

детальями, причем свидетели клялись и божились, что масса груза превышала предел грузоподъемности электротали!

Наступил для Михаила вождеденный день полочки. Вслед за товарищами, он просунул голову в окошечко цеховой кассы и, получив кипу ассигнаций, расписался за них. Но тут же с недовольным видом подошел к бригадиру.

- Ты почему, Василий Иванович, выписал мне меньше всех?

- Молод ты еще, Миша! Вот поработаешь побольше, и будешь получать, как все.

- Да ведь я работал больше всех вас, вместе взятых, а работали мы на один наряд! Заплати мне, хоть из собственного кармана! – заревел такелажник.

Бригадир такелажников Василий Иванович Гаврилов свернул из трех пальцев известную фигуру, но только поднес ее к носу Михаила, как тот, подняв одной рукой за ногу своего бригадира, перевернул его вниз лицом, а другой рукой прехладнокровно достал из кармана его брюк кошелек.

Такелажники сначала остоленели от изумления, но потом – дружные ребята – бросились на грабителя. Михаил лишь слегка повел плечами, и такелажники отлетели в стороны как резиновые мячики. У одного оказалось сломано предплечье, трое других отделались ушибами.

...Через пять минут сквозь толпу рабочих, почтительно окружавших пустое пространство, в центре которого стоял Михаил, спокойно пересчитывавший деньги, протиснулся начальник цеха Исаак Исаевич Р.

- Немедленно верни деньги по-хорошему, извинись перед товарищами и пиши заявление об уходе по собственному желанию, или я вызову милицию!

- Вызывай, - спокойно ответил такелажник.

Народ начал расходиться по своим местам, но через десять минут собрался снова: в пролет цеха вошли три милиционера. Вначале они попытались вывести Михаила из цеха: с таким же успехом им удалось бы сдвинуть с места токарный станок. Стальные браслеты, надетые Михаилу на руки (по оплошности он заложил их за спину) разлетелись на куски как стеклянные от неуправляемого движения такелажника.

В толпе, окружившей эту живописную группу, раздались возгласы восхищения, но они сразу смолкли, а народ начал разбежаться кто куда, когда милиционеры выхватили пистолеты, а один из них сделал предупредительный выстрел вверх. Впоследствии очевидцы, а в их числе был и сам рассказчик, Иван Леонидович, уверяли, что видели своими глазами,

как пули, выпущенные в упор в Михаила, не причинили ему ни малейшего вреда. Добавляли также, что Мишка бросился на милиционеров, вырвал из их рук пистолеты и смял их в бесформенные куски железа.

Впрочем, рабочих тут же спровадили по домам, и не только в цеху, но и по всему заводу, объявив по радио, что произошла авария на подстанции. Завод и цех были оцеплены ротой внутренних войск; солдаты были в касках и бронежилетах и вооружены автоматами и ручными пулеметами.

Через час на завод прибыл батальон шумиловской бригады. По команде БТР и БМП один за другим ворвались через распахнутые ворота цеха, за ними просочились гранатометчики.

Глазам военных представилась необыкновенная картина. Со своих мест были сорваны токарные станки и сложенные один на другой, образовали в углу цеха баррикаду. Через мегафон прозвучало предложение сдаться. Из-за баррикады поднялся Михаил, стащил с токарного станка заднюю бабку и швырнул ее в ближайший бронетранспортер. От удара ствол пулемета покривился, а пулеметная башня покосилась. Тогда раздались очереди крупнокалиберных пулеметов с бронетранспортеров, которым вторили залпы автоматических пушек боевых машин пехоты. В воздухе высветились шлейфы ракет РПГ. Затем все смолкло.

Солдаты, держа наготове вновь заряженные гранатометы, перебрались через баррикаду. Надо вам сказать, добавил Иван Леонидович, что в цеху бетонный пол покоился на песчаной подушке. Так вот, в полу было вырезано идеально круглое отверстие диаметром метра полтора; железобетонная пробка была отброшена в сторону. Приникшие к отверстию солдаты увидели шевеление песка и едва слышный голос, не то стонавший, не то распевавший песню: Михаил, никем не побежденный, уходил вглубь земли...

- Послушайте, Иван Леонидович, - возмутился я, - что вы мне рассказываете?! Это же просто бред, сказки, ваши неумные фантазии! Ведь в описываемое вами время я работал слесарем на заводе «Орбита» рядом с вашим заводом! Мои товарищи по работе и работники вашего завода жили в одном поселке и случись нечто подобное, все бы об этом знали и я в том числе!

- Не торопитесь, дорогой Илья Львович, не торопитесь делать заключения! Ведь я же сказал вам, что на время операции все рабочие были распущены

по домам. Солдаты же, участвовавшие в деле, были из шумиловской бригады, и после выполнения задания, уехали к месту дислокации.

- А как же сорванные с места и прошитые бронебойно-зажигательными пулями, кумулятивными гранатами и снарядами токарные станки, а как же разбитые стекла? – не сдавался я.

- Да вы что, забыли, что ли, что в наступившую ночь над Горьким разразился сильнейший ураган?! Все газеты были заполнены сообщениями о порванных проводах, разбитых окнах, сорванных крышах. К тому же это событие случилось в пятницу. Всю субботу и воскресенье в цеху работала ремонтная бригада с Автозавода. Из заводчан в злополучном цеху были только Исаак Исаевич и цеховой механик. В понедельник пришедшие на работу если и заметили что, то отнесли на счет урагана.

- Ну, хорошо, - нехотя согласился я, - так кто же был этот ваш Мишка? Робот, инопланетянин?

- Ха, видели бы вы этого робота в заводской столовой! Меньше чем по шесть порций не съедал!

- А знаете что, - перешел Иван Леонидович на шепот и доверительно склонился ко мне, - не являлся ли такелажник мутантом? Мне Сергей Иванович Родин, ну, тот самый, которого Мишка в отделе кадров под потолок вознес, сообщил по секрету, что родился наш герой в том самом уральском городе, где в шестидесятые годы произошел выброс радиоактивных веществ. И, кстати, история эта имела неожиданное продолжение. Мне известный наш гидролог Александр Петрович Капустин., имевший сад в овраге неподалеку от нашего завода сказал, что, приехав в субботу в сад, обнаружил, что в овраге вдруг забил родник из неизвестно кем выкопанной в склоне шахты. По его словам, создалось впечатление, будто из склона выполз гигантский крот. Я то знаю, что это был за крот...

Я хотел еще расспросить Ивана Леонидовича об этом необыкновенном происшествии, но раздался звук председательского колокольчика, и мы поспешили в зал заседаний.

СЛУЧАЙ НА БИОСТАНЦИИ.

Кафедра экологии нашего университета раз в два года устраивает научно-практическую конференцию по экологическому образованию. А надо вам сказать, что подобные конференции ценны не столько своими докладами, сколько возможностью пообщаться с коллегами, многих из которых только на подобных конференциях и встретишь. Вот и я в кулуарах повстречал своего хорошего знакомого, старшего преподавателя пединститута Алексея Михайловича Н. Он делал доклад по положительному влиянию эмоциональной компоненты на улучшение успеваемости по экологическим дисциплинам студентов естественно-географического факультета педагогического института и привел пример с одной из студенток, которая не только преодолела отставание в учебе, но и исправила свое поведение к лучшему.

Доклад этот, как и большинство докладов вообще, были выслушаны довольно равнодушно, ибо рабочий день подходил к концу и все мечтали лишь поскорее добраться домой, поужинать и отдохнуть. Нам, однако, было по пути и я попросил моего собеседника рассказать о случае с этой студенткой подробнее, ибо совершенно излишней казалась мне, старому педагогу, вся эта новомодная затея с «эмоциональной компонентой».

- Ты прав,- сказал мне Алексей Михайлович. - Этот доклад мне нужен только для диссертации. В действительности все было и проще и трагичнее. Так и быть, расскажу тебе все.

- Ты ведь преподавал у нас на факультете, - начал он, - и знаешь, что у нас за публика - девчонки-первокурсницы, особенно когда мы вывозим их на нашу биостанцию в Дмитриевское. Спасу с ними нет, хуже, чем школьники! Их ничем не испугаешь, даже угрозой отчисления за нарушение дисциплины. А все потому, что они прекрасно знают, что наш ректор - добряк и на шалости «милых барышень» смотрит сквозь пальцы. Вот и с этой девушкой, о которой я упоминал в своем докладе, Наташей Горошкиной, все обошлось.

- Ты бы взглянул на нее, - продолжал он. - Небольшая, ладненькая, очень скромно одетая, через плечо перекинута коса - сама невинность! Но недаром говорят, что в тихом омуте черти водятся. Так и Наташа: такое на биостанции натворила, что мы, преподаватели, собрали педагогический

совет и единогласно решили немедленно удалить девушку с биостанции. Одновременно ректору были представлены документы на ее отчисление из института.

Ректор, однако, взяв в расчет юный возраст нарушительницы (ей еще не исполнилось 18 лет) и заверения родителей, что они накажут ее сами (на нашем естественно-географическом факультете каждый год происходят три-четыре случая порки студенток родителями), решил ограничиться вынесением строгого выговора. И как же мы негодовали на гнилой либерализм нашего ректора, его показную доброту и т.д. и т.п.!

Но совсем недавно, через год после описываемых событий, неожиданно обнаружились обстоятельства, позволившие взглянуть на поступок Наташи с совершенно другой стороны.

Но расскажу по порядку.

В тот злополучный день, после ужина, когда из столовой биостанции выходили последние ее обитатели, мы неожиданно услышали разухабистую песню, а вскоре из-за окружавших территорию елей показался и сам певец. Это была Горошкина, пьяная вдрызг.

Начальник практики Анна Николаевна П. велела девочкам немедленно уложить Наташу в постель, пригрозив, что в противном случае она запрет ее в изолятор, игравший у нас роль карцера.

На следующий день перед началом занятий Наташа, зареванная, стояла перед нами, преподавателями, и только повторяла, что ни в чем не виновата.

- Как же вы говорите, что ни в чем не виноваты, когда явились пьяная?! - возмущалась Анна Николаевна.

- Да, я выпила, но я не виновата! - всхлипывая отвечала Горошкина.

Это уже было слишком, и мы дружно проголосовали за удаление с практики этой дерзкой особы.

Прошел год. Горошкина, как я уже говорил, отделалась строгим выговором и, по слухам, домашней поркой. Училась она на втором курсе намного лучше, чем на первом и вела себя тише воды, ниже травы.

- Надо тебе сказать, - продолжал старший преподаватель, - что в селе Безглядове по соседству с биостанцией у меня дача. Село это вообще дачное, публика там самая разная и, между прочим, имеет там дачу и один из следователей райотдела милиции. Я с ним как-то разговорился об охране природы. Тут как раз новый закон на этот счет подоспел, но следователь

отнесся к законодательным мерам весьма скептически и заявил, что более на случай уповает, так сказать, на суд божий, особенно если дело касается браконьерства.

- И как часто вам приходится убеждаться, что господь карает браконьеров? - с ехидцей спросил я его.

- Часто не часто, а вот, например, прошлым годом трое браконьеров, что систематически разбойничали у нас на Ветлуге у Дмитриевского, были найдены на берегу без сознания, а рядом - бутылка из-под водки. Один умер, а двоих удалось спасти. Так они незаконную ловлю бросили, и пить тоже бросили.

- Кто же это осуществил суд божий? И чем? - спросил я у следователя.

- На последний вопрос ответ оказалось найти несложно - водка была настояна на корневище веха ядовитого, а вот кто это сделал - установить невозможно. На бутылке оказались помимо прочих, пальчики молодой женщины, или девушки. Продавщица в сельском магазине подтвердила, что одну из бутылок брала девушка, вроде бы студентка с нашей биостанции.

Я похолодел от ужаса. Кажется, я начал догадываться, кто была эта девушка, но вида не подал и спросил, стараясь казаться равнодушным:

- И что же, нашли эту девушку?

- А как ее найдешь? Эдак нужно брать отпечатки пальцев у всех ваших студенток, а их чуть не сотня. Делать нам больше нечего, как только выяснять причины отравления троих алкоголиков!

Я постарался под благовидным предлогом закончить беседу и уйти восвояси.

Я знал, что Наташа Горошкина была одной из активисток дружины охраны природы. Знал я также, что темой своей учебно-исследовательской работы на биостанции она избрала изучение ядовитых растений окрестностей. Для меня было несомненным, что девушка настояла водку на ядовитой траве и подсунула бутылку с дурманом браконьерам; лодку их она давно заметила на деревенской пристани. Я был более чем уверен, что она не собиралась убивать их, а хотела только временно вывести из строя. В процессе приготовления настоя она не удержалась и хлебнула сама...

...В самом начале нового учебного года мы с Горошкиной заперлись в маленькой комнатке институтского гербария, куда я вызвал ее на беседу. Я сообщил ей о своей беседе со следователем милиции и дал слово, что никому

не расскажу об этом, и Наташа сообщила мне все подробности этого дела. Все произошло совершенно так, как я и предполагал. Я еще раз поклялся, что никому ничего не скажу, но взамен потребовал от нее, чтобы она бросила эту самодеятельность.

Выдержка у Наташи оказалась отменной, во все время моей тирады лицо ее было совершенно спокойно. Лишь после моих последних слов она вдруг бурно, по-детски расплакалась. Я постарался утешить ее, вытер ей слезы платочком, приласкал...

Она также быстро успокоилась и неожиданно, со словами «Спасибо вам за все!» поцеловала меня и выбежала из комнаты.

Л Е Ш И Й.

Долгое время Арзамасский пединститут, как, впрочем, все так называемые вторые пединституты, влачил самое жалкое существование. Но в последнее двадцатилетие его руководство сумело раздобыть новые источники финансирования, привлечь высококвалифицированные научные кадры, открыть новые специальности – и вот результат: прекрасно изданные учебные пособия и даже добротные монографии, профессора во главе всех кафедр и регулярно созываемые научные конференции. На одной из таких конференций я с удовольствием прослушал доклад старшего преподавателя кафедры ботаники Александра Александровича З., рассказавшего об исследовании флоры междуречья Теши и Сережи в окрестностях озера Хохлово, что к юго-западу от нашей пустынской биостанции. Доклад этот, однако, оставил во мне двойственные чувства: с одной стороны, возглавляемая старшим преподавателем маленькая экспедиция обнаружила новые местообитания пятнадцати редких для области видов растений, и могла бы и дальше исследовать это место, благо возможности были; с другой стороны, докладчик обмолвился, что им пришлось спешно покинуть это место «ввиду некоторых обстоятельств».

В кулуарах я подошел к Александру Александровичу и осведомился у него, что же это были за непредвиденные обстоятельства.

- Простите, Илья Львович, но я не могу вам об этом рассказать.

- А что я должен сделать, чтобы вы могли мне об этом рассказать? – спросил я его с самой циничной откровенностью, всегда мне помогавшей.

- А ничего вы не сможете сделать! – с усмешкой ответил мне старший преподаватель.

Тут уж я рассердился не на шутку!

- Я должен вас понимать так, что либо я законченный негодяй и вы не хотите иметь со мной дело, либо совсем беспомощен и ничего для вас сделать не могу! Так, что ли?! – прорычал я (заметьте себе: это тоже безотказно действующий прием!).

- Ну что вы, что вы, – пошел на попятную молодой ботаник. – Я готов вам открыть секрет, но, видите ли, мои мысли сейчас приняли иной оборот. У нас в Арзамасе очень плохо с научной литературой. Появился, говорят, новый определитель под редакцией Тихомирова, очень мне нужен, а где достать? (вот ловчила! Как говорится, из молодых, да ранний!..).

Этот определитель был со мной, ибо конференция состоялась в мае и я приехал в Арзамас и погербаризировать и потому взял определитель. Ни слова не говоря, я надписал книгу и протянул ее старшему преподавателю.

Тот ошарашено посмотрел на меня, потом молча достал кошелек и протянул пятисотенную ассигнацию. Я взял ее, сунул в свой кошелек (стоимость книги была ровно вдвое меньше, но я и не подумал сдать сдачу, пусть знает, наглец, как вести себя в разговоре с ветеранами ботаники!) и промолвил:

- Теперь, надеюсь, вы расскажете мне, что у вас там случилось.

Мы отошли в сторону, уселись в кресла и Александр Александрович начал:

- В позапрошлом году местные толстосумы отвалили нашему пединституту миллион. Конечно, до нашего факультета, а тем более до нашей кафедры ботаники дошли крохи, но главное что дошли, да притом персонально мне! Дело в том, что я уже давно носился с идеей организовать для студентов помимо практики на биостанции еще экспедицию. И эта моя идея даже вошла в план кафедры и факультета. А тут получил деньги и экспедицию сформировал сразу же – из единственных троих юношей второго курса, учившихся у нас на факультете.

Выехав из Арзамаса, мы уже через два дня разбивали наш лагерь на берегу озера Хохлово. Я поставил для себя малую палатку, а студенты

поселились в большой. Приготовили на костре ужин. Дежурных на ночь решили не выставлять, благо место было глухое, до ближайшей деревни двенадцать километров.

Утром я проснулся от крика мальчиков:

- Александр Александрович, нас ограбили!

Я выскочил из палатки и увидел, что студенты столпились у двух больших рюкзаков, где помещались все наши продукты. Рюкзаки были раскрыты, причем шнуры, стягивающие горловины, были не развязаны и даже не обрезаны, а как будто перегрызены. Пропали буханка хлеба, круг копченой колбасы и банка тушенки. На отмели у озера отчетливо отпечатались следы огромных ступней. Были они раза в полтора больше моих и пальцы на ногах оттопыривались во все стороны. Мы столпились вокруг следов и гадали, кто мог их оставить.

К общему мнению не пришли и решили впредь на ночь разводить костер и по очереди, по два человека у костра дежурить. На всякий случай ребята срубили четыре молодых вяза, сделали из них рогатины, обожгли концы на костре, чтобы придать твердость дереву, заострили зубья ножами. Оружие, доложу вам, получилось на славу!

Весь день мы гербаризировали и только к вечеру, поужинав, позволили себе расслабиться. Миша и я заступили на дежурство первые, а Ванечка и Сергей легли спать. Мы сидели у костра, беседуя о всяких пустяках. Скоро я почувствовал, что веки мои слипаются. Миша тоже начал что-то чересчур часто тереть глаза. Я взглянул на часы: светящийся циферблат показывал половину первого. До конца смены оставалось еще полтора часа.

Чтобы разогнать сон, я принялся бродить по берегу озера, любуясь ночным небом с крупными звездами, бликами лунной дорожки на воде. Было полнолуние и озеро и обширная поляна на берегу, где мы расположились, смотрелись превосходно. Внезапно от кустов на краю поляны отделилась тень, и я остолбенел от ужаса: коренастое волосатое существо с поблескивающей в лунном свете шерстью бесшумно кралось к палатке.

Однако мгновение спустя мой испуг прошел, ко мне вернулся инстинкт исследователя и, сжимая в руке рогатину, я стал наблюдать за неведомым существом. Косолапо переваливаясь, оно подошло к моей палатке, потом направилось к костру, около которого дремал Миша. Внезапно проснувшись,

он вскочил, как подброшенный пружиной и, размахивая рогатиной, устремился к пришельцу. При этом он почему-то кричал «Ура!».

Из палатки выскочил Сергей и, схватив рогатину, тоже бросился на неведомое существо. Оно стояло совершенно спокойно, скрестив руки на груди, и это-то напугало нас еще больше. Я, Миша и Сергей с трех сторон начали медленно подступать к непрошенному гостю. Был он ростом с обычного человека, покрыт шерстью. Лицо напоминало маску - полное отсутствие мимики. Внезапно он повернулся и, издав какой-то нечленораздельный звук, скрылся в лесу.

Мы облегченно вздохнули, и тут-то я вспомнил про Ванечку. Заглянув в палатку мальчиков, я увидел его лежащим в глубине и укутавшимся с головой в куртку и одеяло. Я с облегчением вздохнул.

Уснуть в ту ночь мы так и не смогли, все сидели у костра и гадали, кто мог быть этот волосатый человек. Вспоминали нашумевшие в свое время публикации в «Комсомольской правде» о диких людях в Карелии.

Уже под утро усталость все же взяла свое, и мы проспали чуть не до полудня

Ванечка слушал нас недоверчиво, качая головой, и даже предположил, что этот феномен не что иное, как коллективная галлюцинация.

Весь световой день мы интенсивно гербаризировали, стремясь наверстать упущенное, а после ужина решили поспать, чтобы ночью в самое глухое время быть наготове. В час ночи мы проснулись, заново разожгли потухший было костер и уселись у него спинами к огню, сжимая рогатины. Прошел час, Ванечка начал подозрительно часто кивать головой, тер глаза и, наконец, смущаясь, попросил разрешения пойти в палатку поспать. Мы снисходительно согласились.

Я подбросил в костер охапку хвороста, сухие сучья ярко вспыхнули и на минуту ослепили меня, а когда я вновь обрел дар зрения, то увидел, что на поляну из-за кустов, издавая всхлипы и бормотания, робко вступил леший. На сей раз мы не бросились на него с рогатинами, а напротив, сделали приглашающие жесты. Миша даже протянул ему бутерброд с колбасой.

К нашему удивлению, леший вдруг глухо зарычал, а потом, расставив руки, пошел на нас. В два прыжка Миша подскочил к лешему и уперся рогатиной ему в горло. С другой стороны к нему подскочил Сергей и, отбросив рогатину, занес над ним топор. Я почувствовал, что дело может закончиться кровопролитием и рявкнул: «Стоять!». Ребята замерли, а

леший, повернувшись, с радостным повизгиванием метнулся в кусты и пропал. Оба студента вернулись к костру и долгое время мы сидели молча, не зная, что сказать и что делать...

...Неожиданно вблизи нас раздался треск сучьев. Мы вздрогнули и как по команде обернулись на звук. При свете нарождающегося утра мы увидели выбирающегося из зарослей орешника Ванечку. Боже, в каком он был виде: весь ободранный, в ссадинах! По его словам в начале схватки он испугался и убежал в лес; пробираться к нашему лагерю ему пришлось с другой стороны и он здорово ободрался о сучья.

После завтрака мы устроили нечто вроде военного совета. Миша и Сергей настаивали на том, чтобы пойти по следам чудовища и изловить его. Ванечка же, напротив, настаивал на немедленном отъезде. Я решительно поддержал его:

- Во-первых, мы не зоологи, а ботаники и у нас нет соответствующего снаряжения для поимки крупных зверей, да и транспортировать добычу до Наумовки, от которой идет асфальтированная трасса и где есть телефон, чтобы вызвать подмогу, мы не в состоянии. Во-вторых, мы больше не можем в таких условиях нормально работать. Запомните, друзья мои, приключения и опасности годятся для туристов, а не для натуралистов – профессионалов. В конце-концов, водную и прибрежно-водную флору мы обследовали полностью, болота тоже изучили. Что касается остепненного соснового бора, то не думаю, что здесь мы найдем что-либо более интересное по сравнению с таковым у турбазы «Горизонт». Как руководитель экспедиции, отвечающий за ваши жизни, приказываю: немедленно уходить!

...Через два дня по прибытии в Арзамас, меня вызвала замдекана по учебно - воспитательной работе и устроила мне скандал. Оказывается, парни рассказали обо всем родителям. Те приняли сообщение сыновей за бред больных, помчались в деканат и стали возмущаться, что это за экспедиция такая, после которой мальчикам понадобилось лечение у невропатолога. По настоянию родителей все трое юношей перевелись на факультет, готовящий учителей начальных классов.

- Это все вы! – кричала на меня замдекана. – Вы с вашей дурацкой экспедицией! Завели мальчиков черт знает куда, довели их до нервного расстройства! Из-вас факультет лучших наших парней потерял, опору курса!..

Возражать замдекана я не посмел. Вот такая случилась с нами история, из-за которой пришлось спешно свернуть экспедицию.

- Так кто же это вас посетил? – спросил я Александра Александровича.

- Сам не знаю, - ответил тот. - Может и вправду кто-то в этих лесах одичал и шерстью оброс, а может первобытные люди откуда-то в наши мета пожаловали...А вы как думаете?

- А я думаю, что это Ванечка над вами пошутил. Привез с собой театральную маску, костюм медведя, вырезал из фанеры ступни и приклеил к тапочкам. Посудите сами, - продолжал я. - Ведь из вашего же рассказа следует, что в то время, как появлялся леший, Ванечки с вами не было. И еще: зачем лешему красть консервы? У него что, с собой был консервный нож и он мог вскрыть банку?

- Да вы что?!- задохнулся старший преподаватель. - Ванечку я знал с детства. У них в школе я кружок юных натуралистов вел. Неспособен он на такое.

Я не стал возражать старшему преподавателю, тепло попрощался с ним и пошел в гостиницу, отведенную приезжим от щедрот ректора Арзамасского пединститута.

О Б Щ Е С Т В Е Н Н А Я Э К С П Е Р Т И З А.

Лет пятнадцать тому назад меня неожиданно пригласил к себе руководитель одной из экспертных экологических комиссий он же - заведующий кафедрой, близкой мне по моему научному профилю.

Когда я вошел в кабинет профессора, тот положил передо мной несколько листов компьютерной распечатки и попросил внимательно ознакомиться с текстом.

- Перед вами, - сказал он, - проект концепции экологического развития нашего региона. Составлен проект хотя и не экологами, но людьми высоко авторитетными в научных и властных кругах. В следующую пятницу в шесть вечера на заседании нашей комиссии в помещении горкомприроды состоится общественная экспертиза этого проекта. Ждем вашего заключения. Смотрите, не опаздывайте!

- Но почему именно мне нужно давать заключение?! - изумился я. - Ведь формально я - никто, а у нас в городе есть свыше десятка доцентов и два профессора экологии, в том числе один на нашем биофаке!

- Ну, видите-ли... - промямлил мой собеседник,- как бы вам сказать...Ну, в общем, по ряду причин нам не вполне удобно делать заключение. Я посоветовался со специалистами, и они все дружно указали на вас. А ваш директор вообще заявил, что вы - очень знающий природу региона и к тому же весьма начитанный. Надеемся, что вы осознаете свою ответственность и дадите положительное заключение. От вас зависит очень многое!..

Я подивился, но ничего не сказал, забрал документы и вышел.

В пятницу, к указанному часу я подходил к уютному особняку, где и должно было состояться заседание общественной экспертной комиссии.

Небольшой зал, где за столом президиума уже сидело пять человек, а у стены налаживал аппаратуру оператор телевидения, был полон народа. Я сел, по своему обыкновению, на крайнее левое кресло в среднем ряду и стал осматривать публику. К своему удивлению я не увидел ни одного знакомого лица, хотя всех профессиональных натуралистов Нижнего знаю лично.

Меж тем из президиума пустили по рядам большой разграфленный лист бумаги, где присутствующие должны были отмечать свое ФИО и место работы. Увидев это, я пробрался в задний ряд и сел там с краю, рассчитывая, что в списке буду последним человеком, и смогу заранее познакомиться с членами этой доселе мне неведомой общественной комиссии. Расчет мой оправдался и через пять минут сосед передал мне лист, заполненный с обеих сторон.

Как я и предполагал, в этой общественной комиссии по экологии не было ни одного профессионального биолога, или географа, зато в ней значились краеведы, писатели, артисты, музыканты, художники, журналисты, бизнесмены, депутаты, председатели региональных отделений различных политических партий и даже один из руководителей СОЦПРОФа.

Меж тем председательствующий открыл заседание.

- Вашему вниманию предлагается концепция экологического развития нашего региона, разработанная под руководством нашего уважаемого кандидата в депутаты регионального совещательного органа Корнилова. Большинству из вас тексты были розданы заранее. Наверное, у вас возникли вопросы. Прошу задавать их авторам.

И он кивком головы указал на своих соседей в президиуме.

Вопросов было задано немного. Присутствующих интересовало, кто из крупных нижегородских ученых привлекался к работе над концепцией, кто финансировал эту работу и насколько предлагаемая концепция соответствует изменившейся социально-экономической ситуации.

Корнилов и его коллеги ответили, что в разработку концепции немалый вклад внесли специалист в области теории управления профессор Неймар, крупный микробиолог профессор Добрынина и известный борец за радиационную безопасность академик Троцкий, что работа над проектом велась в рамках фонда Фороса, а изменившейся социально-экономической ситуации соответствует вполне, поскольку ставит экологию на прочные рыночные отношения.

Председатель попросил присутствующих высказать свое мнение о концепции.

Выступило пять человек: художник Аскеани, поэт Арианов, профсоюзный деятель Смирин, бизнесмен Седин и депутат Люлов. Все они сокрушались по поводу бедственного состояния природы, винили во всем чиновников и руководителей предприятий и сходились во мнении, что предложенный проект концепции надо принять за основу.

Сам я, видя, что в зале собрались одни дилетанты, выступать не собирался, но после безграмотно-самоуверенных декламаций последнего докладчика не выдержал и попросил слова.

- Дорогие земляки! Меня попросили как эксперта-эколога подготовить заключение по проекту. Это заключение я передаю нашему уважаемому председателю.

И я подал профессору пять листков машинописного текста, скрепленного степлером.

- Я не хочу повторять сейчас свое заключение, - продолжал я, - скажу лишь то, что проект неквалифицированный, раз в его разработке не принял участие никто из профессиональных зоологов, ботаников, географов. Некоторые тезисы, например, что природа региона гибнет, или что все зло - в источниках радиации в наших лабораториях и на предприятиях, - просто смехотворны!

А что касается основного принципа, по которому платежи с предприятий-нарушителей пойдут в единый экологический фонд региона, откуда и будут

черпаться средства на строительство очистных сооружений и финансирование научных исследований по экологии, то этот принцип – порочен! Из него получается, что чем больше загрязнений, тем больше средств будет в экологическом фонде, совершенно неподконтрольном тем, кто вносит туда средства. Этот фонд – просто кормушка, к которой присосутся...

Но договорить мне не дали. Послышался возмущенный гул, раздались выкрики.

Спорить с людьми некомпетентными я не собирался, пожал плечами и под направленным на меня объективом кинокамеры сошел с трибуны.

- Товарищи! Господа! Успокойтесь! – повысил голос председатель. – Мы обязаны выслушать разные мнения, пусть даже и не совсем нам приятные! Я думаю, что обсуждение на этом нужно прекратить и приступить к голосованию.

Результат голосования можно было угадать заранее.

Эпизод этот был для меня весьма неприятен, но все же это был лишь один из многочисленных эпизодов моей бурной жизни натуралиста. Признаться, я не придавал ему особого значения. Как же я ошибался!

Когда на следующий день я зашел к нам на биофак, меня тут же ухватил профессор и завел к себе в кабинет.

- Что же вы натворили!? – чуть не заорал он. – Как можно было делать подобные заявления в присутствии телевидения!? Из-за вас мы теперь не получим дотаций на научные исследования!

- Так шли бы сами, Алексей Григорьевич, на заседание этой общественной комиссии и писали бы отзыв сами! Зачем меня посылали!? – возмутился я.

Тут профессор сменил гнев на милость, умерил пыл и проворковал извиняющимся голосом:

- Дорогой мой! Я прекрасно знаю, что проект чепуховый, но ведь по нему нам всем будут перепадать деньги! Поймите, что наше достаточно высокое научное положение не дает нам возможности положительно оценить этот вздор. А у вас – ни степени, ни звания; вы что угодно можете сказать и написать! – с подкупающим цинизмом произнес профессор.

Я не стал продолжать разговор и ушел в комнату для гербария.

О том, что было дальше, я до сих пор вспоминаю с содроганием. До той поры я понятия не имел, сколько разных людей может объединиться в

борьбе за кормушку и на что способны мирные научные работники, когда кто-то посягает на их материальный интерес...

Впрочем, для меня самого это существенного значения не имело. Образ жизни я, как всякий полевой натуралист веду скромный, потребности имею минимальные...

В этом, кстати сказать, и заключается причина моей «принципиальности», ставшей в тот год притчей во языцех.

Что касается общественного мнения, то я к нему достаточно равнодушен, ибо всецело погружен в науку и с людьми общаюсь мало. Кроме этого я вообще негативно отношусь к «обсуждению широкой общественностью научных проектов» и «доступности экологической информации для рядовых граждан». Я считаю, что сто дилетантов не заменят одного специалиста и что решения нужно согласовывать не с общественностью вообще, а со специалистами, предупредив их, как это делается в следственной практике, об ответственности за свои рекомендации. Что касается доступности информации для населения, то квалифицированно оценить экологическую информацию все равно смогут лишь квалифицированные специалисты. Я даже не поинтересовался, была ли эта концепция принята целиком, или частично.

Вторично с руководителем разработки этой концепции я встретился в разгар предвыборной кампании, когда почтовые ящики были завалены предвыборными плакатиками. На одном из них я узрел портрет Корнилова, а ниже перечислялись его заслуги в деле охраны природы родного края. Полиграфическое исполнение плаката было превосходным, сразу становилось ясным, что денежки в экологическом фонде водились и немалые.

А еще через год, когда отмечался юбилей одной из наших самостоятельных экологических организаций, и мне кое-что перепало от щедрот эконофонда: шикарная Почетная Грамота от имени Корнилова, теперь уже руководителя крупного депутатского объединения. Конечно, к Почетной Грамоте неплохо было бы прибавить и кое-что повесомее, что прибавили другим награжденным, но, как говорится, и на том спасибо!

Учитывая мой скепсис по отношению к фонду, могли и вовсе ничего не дать.

И очень даже просто!

ВОЛНА ЧИСЛЕННОСТИ.

Среди нас, профессиональных натуралистов, считается не вполне этичным залезать в смежные области знаний. Так, например, я, ботаник и географ, не рискую обсуждать проблемы зоологии. Поэтому когда в августе 1992 года меня попросили высказаться по вопросу о массовом исходе лягушек из известного Воронцовского озера, что огибает дугой крупный завод и два поселка в заречной части города, я предпочел свести все к шутке. Тем не менее, меня в покое не оставили, и через две недели я получил приглашение на научно-практическую конференцию по животному миру города. Делать было нечего, и я побрел на конференцию, успев только почитать кое-что по экологии животных вообще и лягушек в частности.

Конференция проходила в уютном зальце на третьем этаже старого здания на Покровке, занимаемого известным экологическим учреждением.

Когда я пришел, конференция уже началась, но свободных мест было достаточно и это меня не удивило: профессиональных натуралистов в нашем городе совсем немного. Удивило меня другое: в президиуме сидели два человека, никакого отношения к экологии не имевшие, - один из комитета по финансам, а другой - специалист по связям с иностранными инвесторами.

Выступил известный в городе молодой зоолог Бакин и сразу же развернул перед присутствующими картину ужасного экологического бедствия:

- Месяц назад пост детского экологического клуба «Зеленый вымпел» сообщил, что на берегах озера Воронцовского наблюдается массовый исход лягушек. Целыми десятками они покидают озеро, устремляясь через насыпь шоссейной дороги к болотам у поселка Кировского, и гибнут под колесами автомобилей. Я сразу же поспешил на место и установил, что все это - истинная правда! Амфибии, можно сказать, в панике покидают озеро! По моей просьбе специалисты провели анализ воды и обнаружили, что в озере концентрации хрома и никеля в несколько раз превышают предельно допустимые! Вывод совершенно ясен: расположенный рядом завод «Красный такелажник» производит массовый сброс промстоков в озеро. Завод этот и

ранее отмечался, как пренебрегающий технологией водоочистки. Более того, завод этот несостоятелен не только с экологической, но и с экономической стороны! Присутствующие здесь уважаемые экономисты, - докладчик кивнул головой в сторону президиума, - могут подтвердить, что заказы заводу не дают и зарплату его работникам уже полгода не платят.

- Я, как курирующий животный мир города, - продолжал Бакин, - буду ставить вопрос о приватизации этого госпредприятия и продаже его другому собственнику, который обеспечит лучшее соблюдение экологических норм...

Сидевшие в президиуме «уважаемые экономисты» одобрительно закивали головами.

Выступило еще несколько человек. Все они сокрушались об исходе амфибий, приводили аналогичные примеры из других регионов России, я же слушал их вполуха, ибо дело касалось специальных вопросов зоологии, в которых я полный профан.

Но вот слово взял профессор Хапин и я сразу насторожился.

- В Воронцовском озере, - вещал профессор, - гибнут не только представители животного мира, но и вся биота в целом. Вся экосистема озера - в опасности...

Тут уж я не выдержал и попросил слова:

- Зоологического обследования этого озера я не проводил, но флору его изучаю систематически; недавно я в очередной раз посетил озеро и обнаружил там такое редкое для города растение, как ежеголовник малый. Другие редкие для города растения, обнаруженные мною в прошлые годы, как то уруть, сыть и повойничек не только не исчезли, а напротив, распространяются все более. Никакого оскудения флоры озера я не зарегистрировал.

Осмелюсь утверждать, что исход лягушек может быть объяснен естественными причинами, в частности, популяционной волной численности. Вам, как зоологам это явление хорошо известно. Очень многие виды животных периодически то сильно возрастают в числе, то убывают. Вспомните шумиху, которую подняла «Комсомольская правда» несколько лет назад по поводу массовой гибели морских звезд в Белом море! Какие только предположения не высказывались - и об отравлении моря ядовитыми отходами, и о выбросе радионуклидов! И чем же закончилась эта шумная кампания? - Скромненькой заметочкой, что перед нами - банальная волна

численности морских звезд. Не кажется ли вам, уважаемые, что шумиха, которую здесь раздувают – такого же сорта?

Кстати о повышенной концентрации металлов: норма их определена только для людей, да и то весьма приблизительно; какова она для лягушек – никто не знает...

...Реакцию на свое выступление я ждал какую угодно: ехидные замечания, снисходительные пояснения, резкие напоминания о моей некомпетентности, но только не гробовое молчание.

А оно наступило и длилось целых две минуты, после чего конференция как ни в чем не бывало продолжила свою работу и вынесла резолюцию, в которой Комитету по управлению госимуществом рекомендовалось «... обратить самое серьезное внимание на экологическую и экономическую дееспособность завода «Красный такелажник»...

...Время шло, и события развивались стремительно. О заводе-отравителе и бегущих от него лягушках писала уже не только местная, но и столичная пресса. В экономическом еженедельнике была опубликована статья, из которой следовало, что завод необходимо передать в надежные руки и руки эти были названы: западногерманский концерн «Эко – Шмидт», который имеет в земле Гессен - Кассель два аналогичных предприятия, славящихся своей экологией.

А весной прошлого года по телевидению сообщили, что завод приватизирован, и контрольный пакет акций продан «Эко-Шмидт». Тут же сообщалось, что экологический фонд концерна выделил крупную сумму на развитие экологической науки в Нижнем Новгороде. Впрочем, меня самого это уже касалось мало, ибо наступил полевой сезон, и я дни целые проводил на природе, будучи целиком погружен в мир растений. В тот год, кстати, я основное внимание уделил нагорной части города и к Воронцовскому озеру пришел лишь в августе.

Как я упоминал выше, нас, профессиональных натуралистов в Нижнем так мало, что на полевых поездках мы практически не встречаемся. А тут, можете себе представить, я увидел сразу пятерых моих знакомцев по конференции: профессоров Гешева и Хапина, доцента Бакина и двух аспирантов.

- Вот, наконец-то смогли организовать экспедицию по изучению животного мира водоемов города, - торжественно провозгласил Бакин. - Наш

спонсор, экологический фонд «Эко-Шмидт», еще год назад организовал для нас закупку и доставку из ФРГ уникального оборудования для изучения зоо и фито планктона, а также амфибий. И он указал на крупную прудовую лягушку, которая, зажмурив глаза, блаженно грелась на солнышке на песчаном берегу.

- Ну вот видите, я оказался прав! - сказал я Бакину. - Экологическое бедствие тут ни при чем, обычная волна численности! Лягушек то мало, то они так расплодятся, что уходят из озера на новые места! А вы еще мне обструкцию устроили...

- Да ведь мы и сами прекрасно знали, что и такой случай возможен, но ведь дорогой мой, нужно быть немного дипломатом, если хочешь добиться успехов в науке, - цинично заявил Бакин. - А самое главное - нужно следить за тенденциями в экономике!

- То есть? - в недоумении спросил я.

- То есть! - ответил он. - Ты кроме своего «Ботанического журнала» и «Бюллетеня МОИП» ничего не читаешь, а я, например, всю нашу прессу внимательно прорабатываю! - менторским тоном пояснил он. - Как только я увидел, что к «Красному такелажнику» подбираются, сразу понял - надо ловить момент! Заводу все равно капут, так пусть хоть науке послужит. Когда эти простачки из «Зеленого вымпела» обнаружили бегство лягушек, мы сразу с Денисом Бенциановичем, - кивнул он в сторону Гелашева, - смекнули в чем дело, мобилизовали прессу, общественность и столкнувались с концерном «Эко-Шмидт». В накладе, как видишь, не остались, самодовольно усмехнувшись, закончил Бакин.

- Ну и как, заботятся новые хозяева об экологии? - спросил я его.

- А как же! - не моргнув глазом, ответил доцент. - Завод ведь они закрыли, и вредных выбросов от него в озеро больше нет!

Я хотел возмутиться, напомнить о научной этике, но потом подумал, что не все натуралисты как я имеют минимальные потребности, что людям с положением в науке нужно и денег много больше чем лаборанту, да и вообще избранные по конкурсу дрожат за свои места и махнул рукой. Бог им судья!

V. В ШКОЛЕ, В УНИВЕРСИТЕТЕ, В РЕСТОРАНЕ...

На приключения мне, можно сказать, везет. Не только на полевой поездке, но и на отдыхе, в тиши лаборатории, в школьном классе и во многих других местах, далеких от природы, со мной постоянно происходят весьма любопытные случаи, часть из которых я и предоставляю вашему вниманию. Как и в прочих очерках, мною изменены имена ряда действующих лиц, а также наименования мест событий

ДЕРЕВО - ЛЮДОЕД.

Со своими бывшими одноклассниками я давно потерял связь. Последний из них, с которым я поддерживал хоть какие-то отношения, Володя Р., умер несколько лет назад и с его смертью я прямо осиротел. Поэтому, когда мне в Ботанический сад позвонил мой одноклассник Вадим Ф. и попросил разобраться с заморским деревом, росшим у него в кабинете, я обрадовался донельзя.

Институт радиотехнического профиля, в котором Вадим занимал пост начальника отдела, находился на тихой улочке на окраине Приокского района, совсем недалеко от Ботанического сада и я добрался туда через полчаса неспешной ходьбы.

В вестибюле меня уже ждали и после небольших формальностей я оказался в просторном кабинете своего одноклассника на третьем этаже. У окна в большой деревянной кадке росло мощное дерево, упирившееся вершиной в потолок.

- Вот, посмотри, что это за дерево, - попросил меня Вадим.

Я внимательно обследовал дерево и должен был признаться, что увидел подобное растение впервые. По крайней мере в оранжерее нашего Ботанического сада дерево такого вида не росло. Мне ничего не оставалось, как взять для определения ростовые и генеративные побеги с цветками. Об этом я и заявил Вадиму.

- Ради бога! - замахал он руками. - Бери все, что тебе нужно у этого мучителя!

- Почему мучителя? - удивился я.

- Да потому, что оно из меня соки сосет! - выпалил Вадим и, чтобы успокоиться, открыл дверцу бара, достал початую бутылку коньяку и, налив в маленькую рюмочку, залпом выпил.

- Понимаешь, с этим растением такая история произошла. Подарили мне его три года назад коллеги из Вьетнама маленьким саженцем. Я посадил растение в горшок, но росло оно плохо. Чем я его не поливал, чем не удобрял, толку не было никакого. А наша уборщица возьми и скажи, что, мол, место деревцу не нравится. Я и стал горшок с ним в различные места кабинета ставить. И вот когда оно очутилось у меня за спиной, пошло в рост. Через полгода деревце пришлось пересаживать в горшок побольше, через год - в кадочку, а еще через год - вот в эту большую кадку.

Все было хорошо, дерево росло, но я стал замечать, что худею, сохну и чем больше дерево разрасталось, тем больше я иссыхал.

Я скептически усмехнулся.

- Не веришь?! - возмутился Вадим. - Вот, смотри!

И он показал мне серию фотографий, начиная с 1987 года, где он, располневший, лоснящийся, был снят вместе со своими коллегами на

конференции по радиолокации, и кончая фото месячной давности, где Вадим, сильно похудевший, был снят в кругу семьи.

- В твоей истории, - пожал я плечами, - нет ничего удивительного. То, что деревце не сразу тронулось в рост, вполне объяснимо: ему нужно было адаптироваться к условиям твоего кабинета. Бурный рост, вызванный внесением различных веществ совпал с переселением к окну совершенно случайно.

Что касается твоего похудения за последнее время, то, как я вижу, ты стал чересчур часто прикладываться к бутылке. В твоём возрасте увлекаться спиртным не следовало бы: желудок, печень и почки под угрозой!

- И в конце-концов, - закончил я, если ты так убежден, что все зло в дереве, то убери его от себя с глаз долой!

- Не все так просто, - покачал головой Вадим. - Я убрал его из кабинета, так меня по ночам кошмары стали мучить, будто ветки ко мне тянутся, липнут и соки сосут. Проснусь весь в холодном поту и до тех пор не могу уснуть, пока рюмочку не приму. Пришлось дерево на прежнее место поставить. Явно оно меня одурманило...

Я не стал вступать с Вадимом в дискуссию и ушел.

В течение месяца я рылся в книгах по комнатному цветоводству, тропической флоре, географии и систематике растений и т.п. и нимало не преуспел! Мои коллеги в Ботаническом саду тоже ничем не смогли помочь. К счастью, в Ленинград, в Ботанический институт собиралась моя хорошая знакомая Галина Ю. и я передал с ней добытый мной гербарный материал.

Увы, специалисты лаборатории тропической флоры также затруднялись в определении. Удалось установить лишь, что растение относится к порядку Урнолистных куда входят известные растения - хищники непентес и саррацения...

....Эту мою новую информацию Вадим выслушал, сидя в кресле и пытаюсь унять дрожь в руках, периодически принимая маленькую рюмочку коньяку. Контраст между ним, истощенным, посеревшим, жалким - и мощным, со свежей листвой деревом был потрясающим!

....- Наконец-то и ты понял, что это дерево - хищное растение! - воскликнул он. - То же утверждают и представители нетрадиционной науки. Вот, почитай!

Я взял несколько листков документа о «научном исследовании», проведенном группой по изучению аномальных явлений под руководством кандидата технических наук Ермолкина. «Исследователи» пришли к выводу, что растение «интенсивно выкачивает биоэнергию» из организма Вадима, за счет чего «бурно развивается и накапливает биомассу».

- Что скажешь? - победно спросил меня Вадим.

- Скажу, что это - околонуточный бред! Растение питается не мифической «биоэнергией», а реальными водой, углекислым газом и минеральными солями под воздействием солнечного излучения! Я лично по-прежнему считаю, что ты серьезно болен. Обратись к врачу! Он назначит...

- Эти врачи такие - же ретрограды и консерваторы, как ты! - оборвал меня Вадим.

Я не стал спорить, повернулся и ушел.

А через месяц я позвонил Вадиму в институт осведомиться о здоровье и узнал, что он, «в душевном смятении», как деликатно выразился замещавший его сотрудник, был увезен «Скорой помощью» в клинику, которой заведует известный наш медик Яков Генрихович. Я поспешил в клинику.

Вадим, уже несколько пополневший, посвежевший, лежал на кровати, натянув одеяло до подбородка и на мои расспросы отвечал уклончиво и неопределенно. Оставив у него на тумбочке пакет со свежими яблоками из Ботанического сада, я прошел в ординаторскую и у лечащего врача узнал, что здоровье Вадима идет на поправку.

- Видений, что-де к нему подбирается дерево и собирается сосать из него соки, у пациента больше не наблюдается, курс интенсивной терапии, в том числе очистку крови и витаминотерапию мы провели. Думаем, что недели через три его можно выписать с сохранением трудоспособности. Конечно, до конца жизни он должен быть на строжайшей диете, но это уже от нас не зависит...

Так оно и оказалось! Вадим вернулся в институт, хотя к исполнению своих обязанностей он более не возвратился. Теперь он - заведующий научным архивом и в этой должности себя вполне нашел.

Злополучное дерево перетащили в вестибюль и теперь оно встречает посетителей едва заметным шевелением листы, - не то от слабого сквозняка

в вестибюле, не то от желания подманить людей, одурманить их и высосать «биоэнергию».

На этой последней версии по-прежнему настаивает Вадим. Вы можете видеть его ежедневно в вестибюле в обеденный перерыв с 12-30 до 13-15. Сильно обрюзгший, располневший, он осторожно поливает дерево из леечки и на лице его появляется опасливое, испуганное выражение...

ТАРАКАН.

Хотя в университете по зоологии беспозвоночных у меня были одни пятерки, и на биостанции насекомыми я занимался добросовестно, все же к осам, тараканам, мухам и т.п. я отношусь весьма неприязненно. Я считаю даже, что ненависть к насекомым должна быть в крови у каждого млекопитающего, будь то крот, кошка, или человек!

Насекомые – наша полная противоположность. Судите сами: у нас скелет внутри, а у них – снаружи; у нас кровеносная система замкнутая, а у них – нет; мы дышим легкими, а они – трахеями, трубочки которых пронизывают поверхность тела и т.д. и т.п.

Более того: мы чувствительны к радиации, а они – нет, ибо защищены хитиновой броней. Если, боже упаси, разразится атомная война, и мы все погибнем, эти твари уцелеют, за счет мутаций увеличатся в размерах, создадут новую цивилизацию и через десяток миллионов лет какой-нибудь шестиногий прохвост напишет в учебнике зоологии, что млекопитающие – несовершенная форма жизни, по заслугам вымершая, а они, насекомые – венец творения! Проклятие им!!!

Поэтому когда мой племянник – студент Политеха, подрабатывавший одно время в ресторане охранником, как-то принес мне коробочку «Мальборо» и сказал, что там сидит пойманный им огромный таракан, я потерял не только самообладание, но и последние остатки интеллекта и буквально забился в истерике, требуя, чтобы коробочка была немедленно уничтожена вместе с содержимым.

Еле-еле племяннику удалось отстоять пленника. Я согласился передать таракана специалистам при условии, что насекомое будет заключено в более надежную тюрьму, ибо картон и бумагу тараканы прогрызают.

Племянник посадил таракана в баночку из-под сметаны, закупорив ее полиэтиленовой крышечкой с мелкими дырочками. Пленнику были предложены кусочек сыра и крошки хлеба, помоченные в воде. Таракан не заставил себя долго ждать и всю дорогу до университета чинно грыз сыр, шевеля усами.

Мне повезло: на кафедре я застал самого профессора Ануриева. Находке тот обрадовался; таракан был посажен в морилку и тихо уснул – навсегда. Мне же профессор сказал, что это, несомненно, тропический вид, точное определение которого затруднительно.

Через неделю у меня в квартире раздался телефонный звонок, и я поднял трубку.

- Поздравляю вас! – услышал я голос профессора Ануриева. – Вы нашли редкий вид таракана, водящегося в Венесуэле; очень прошу приехать на кафедру!

Я собрался и поехал. На кафедре почтенный профессор тотчас же повел меня у шкафу, где хранились насекомые отряда Прямокрылых и достал с полки коробку со стеклянной крышкой и надписью «Тропические виды тараканов». В центре ее, пригвожденный булавкой к днищу, помещался мой знакомец; под ним был маленький прямоугольничек бумажки, где были написаны по-латыни название вида и семейства, а по-русски – дата и место сбора и фамилия коллектора, т.е. моего племянника.

- Илья Львович, я вас очень прошу немедленно поехать со мной в этот ресторан. Возможно, мы найдем еще несколько экземпляров этого вида, или других, не менее интересных!

Через час мы входили в уютный зал этого ресторана, размещавшегося на первом этаже старинного здания на Покровке. По сравнению с завсегдатаями этого ресторана мы выглядели весьма непрезентабельно (натуралисты всегда небрежны в одежде), а у Георгия Алексеевича в руках был толстенный том «Американской фауны» и из кармана пиджака выглядывала морилка. К нам подошел величественного вида мужчина средних лет, и изящно поклонившись, отрекомендовался метрдотелем. Профессор, в свою очередь подал ему свою визитную карточку.

- Представители мира науки у нас редкие гости! Прошу занять вот этот столик, здесь самое тихое место. Позвольте, уважаемые, лично обслужить вас! Чего изволите?

И он подал карту ресторана.

- Нет, вы нас не поняли! Мы пришли сюда, так сказать, по делам научным, - начал профессор, - дело в том, что вот его племянник...

Тут я перебил профессора:

- Дело в том, что неделю назад мы с племянником были у вас, и он обратил внимание на крупного таракана, пробежавшего под столиком. Я поймал его и представил Георгию Алексеевичу. Оказалось - редчайший вид...

Лицо «метра» приняло серьезно-озабоченное выражение.

- Одну минуту, уважаемые, ввиду экстраординарности случая, я доложу нашему директору, - сказал он и удалился.

- Не вздумайте говорить, что таракана нашел здесь мой племянник! Ведь он работает в этом ресторане! Узнают - уволят! - прошипел я профессору.

Не успел я это сказать, как подошел «метр» и попросил пожаловать в кабинет директора. Там за столом под большой репродукцией картины Перова «Чаепитие в Мытищах близь Москвы» сидел вальяжного вида мужчина.

- Глеб Яковлевич, оставьте, пожалуйста, нас одних! - промолвил он, а когда «метр» вышел, обратился к нам:

- Слушаю вас! Чем могу?

Георгий Алексеевич объяснил цель нашего прихода и, развернув том, показал цветной рисунок таракана, пояснив, что, так сказать, оригинал находится в музее кафедры. Коммерческий директор выслушал все это с непроницаемым лицом.

- Скажите, каковы ваши месячные оклады? - вдруг спросил он.

Мы опешили, удивленно переглянулись и назвали их.

Директор поднялся. Подошел к сейфу и стал копаться в нем, загороженный от нас массивной дверцей. Наконец он запер сейф, подошел к нам и подал два конверта.

- Что это? - чуть не в унисон спросили мы.

- Ваши гонорары.

- Какие гонорары?!

- Гонорары за проведение энтомологических исследований в нашем ресторане на предмет поимки тараканов. Впрочем, можете считать это благотворительным взносом в фонд вашей кафедры зоологии беспозвоночных.

- Я понимаю, - продолжал он, - что теперь людям науки приходится несладко. Жизнь заставляет изворачиваться, исхитряться, добывать деньги любыми путями, вплоть до посещения ресторанов с целью обнаружить антисанитарию в виде тараканов с возможным написанием доноса в СЭС. Но я на вас не в обиде. Все же это лучше, чем откровенный рэкет. Да, кстати, во сколько вы оцениваете экземпляр таракана, хранящийся в вашем музее? Мы готовы приобрести его за разумную цену.

Георгий Алексеевич побагровел:

- Послушайте, вы что же, принимаете нас за шантажистов?! Уверяем вас, мы честные люди! Мы даем вам слово, что сохраним факт поимки таракана в тайне! Мы лишь просим разрешения провести исследования в подсобных помещениях и на кухне.

И он положил конверт на стол. Я последовал его примеру.

Директор встал. Лицо его сделалось непроницаемым.

- К сожалению, уважаемые, я не могу допустить вас в святая святых нашего заведения. Технология приготовления блюд - коммерческая тайна! А я не уверен, не подкуплены ли вы конкурентами! А теперь, простите, я вынужден покинуть вас!..

Мы ретировались, что называется, не солоно хлебавши. Выйдя из ресторана, профессор громко возмущался нравами коммерсантов, везде видящих происки конкурентов и злоумышленников. А через три дня он позвонил мне и сообщил, что на музей кафедры был налет, шкаф с отрядом Прямокрылых был вскрыт и все коробки с тараканами похищены.

Следователь дело к производству принял, но вскоре прекратил, ибо отпечатков пальцев разных людей было столько, что они налегали друг на друга, и идентифицировать их было невозможно. В ответ на наши заявления, что налет был организован по заказу директора ресторана, он попросту усмехнулся и заявил, что это - вещь принципиально недоказуемая.

Несколько дней мой племянник жил в тревоге: а ну как директор ресторана вызовет его и, указывая на этикетку, где в качестве коллектора указана его фамилия, выставит вон.

Но все обошлось: по-видимому, налетчики получили задание похитить и уничтожить всех тараканов, что и исполнили, выбросив этикетки и коробки.

К Р А Ж А С О В З Л О М О М .

Когда к старушке Макаровой с девятого этажа забрались в квартиру и унесли доставшиеся ей от прабабушки старинную библию в кожаном переплете с серебряными застежками и икону дониконовского письма, то она от огорчения слегла и ходить к следователю пришлось мне, ее доброму знакомому.

Поднявшись на второй этаж райотдела милиции и разыскав комнату, где сидела следователь Пекарева, ведущая дела о квартирных кражах, я увидел у дверей ее небольшую очередь. Смирненно пристроившись в хвост очереди, я приготовился без всякой пользы потратить по меньшей мере два часа, ибо очередь в подобных учреждениях движется крайне медленно.

Однако, мои невеселые мысли быстро исчезли, когда в первом же посетителе, вышедшем из дверей, я узнал своего старого приятеля Ивана Леонидовича. Это бы достаточно известный в нашем городе краевед, любитель-ботаник и географ, в «миру» - агроном-озеленитель одного из крупных радиозаводов. На лице его было написано огорчение. Он подошел ко мне, взялся за пуговицу пиджака и, даже не поздоровавшись, принялся изливать свое горе.

Позавчера вечером вернувшись с работы, он застал в своей однокомнатной квартире форменный разгром. Большой шкаф, где хранился его любительский гербарий, был вскрыт, на полу валялись гербарные папки, причем исчезла папка с растениями семейства Орхидных. Книжный шкаф также был взломан; из него пропали все его отчеты о ботанических экскурсиях, которые он ежегодно аккуратно перепечатывал на машинке.

Кроме этого был вскрыт письменный стол, откуда пропали деньги и серебряный компас. Со стены сняли старинную, в позолоченной рамке гравюру, на которой был изображен первый президент Императорского Русского Географического общества великий князь Константин Николаевич. И компас, и гравюра достались Ивану Леонидовичу в наследство от его соратника по школьному краеведческому кружку, ныне покойного, доктора географических наук, капитана I ранга Шаблина.

- Ну, я понимаю, компас, гравюра, тем более деньги... Но кому нужны мой гербарий и отчеты? - горестно заключил он. Может быть ты что -нибудь придумаешь, поможешь? Ведь Пекарева, как мне кажется, пропажу гербария и отчетов вообще не взяла в расчет...

Я обещал подумать...

...Три дня у меня из головы не выходила эта странная история. На четвертый день я решил плюнуть на это. Пусть каждый занимается своим делом. Ботаник пусть изучает флору, следователь пусть ищет вора, обокравшего ботаника, а вор...

На пятый день у меня в квартире зазвонил телефон. Подняв трубку, я услышал радостный голос Ивана Леонидовича:

- Поймали, поймали вора! - прокричал он. - Скорей приезжай к Пекаревой!

Через час я был уже в кабинете Пекаревой, засвидетельствовал, что компас и гравюра действительно принадлежат Ивану Леонидовичу и узнал подробности этого дела. Рецидивиста Сивидова через посредника свели с неким «прибалтом», так назвал он человека, говорившего с акцентом и дали заказ унести из квартиры ботаника некоторые гербарные папки и все отчеты.

Местонахождение папок и отчетов были указаны точно, времени это много не заняло и Сивидов заодно прихватил деньги, компас и гравюру. При попытке продать их в Клубе коллекционеров он и попался.

Но кто таков был этот «прибалт»? И зачем ему нужны были гербарий и отчеты? Этот вопрос так и остался невыясненным. Впрочем, для суда доказательств вины Сивидова было более чем достаточно и дело закрыли.

Зато мне прибавилась еще одна загадка. Кто мог быть этот таинственный охотник за гербарием Орхидных?

И тут меня осенило! Я вспомнил, что аспирант естественно-географического факультета пединститута Саша Высоков как-то обмолвился о некоем американце, приезжавшем к нам в прошлом году и участвовавшем в комплексной экспедиции по Керженцу. Я поехал в пединститут в надежде разыскать Сашу и попытаться выудить у него кое-какую информацию..

Аспиранта я отыскал в курилке. Он сидел там в полуразвалившемся кресле, блаженно щурился и пускал дым кольцами. Я начал разговор издали, посетовав на плохую погоду, мешающую экскурсировать. Вот в

прошлом году, когда у нас работала экспедиция с международным участием, погода стояла отличная.

- Да, - сказал Саша, поэкскурсировали мы тогда неплохо...

- А, кстати, ты не помнишь, как звали этого заграничного ботаника высокого, атлетически сложенного? - и я перечислил немногие приметы «прибалта».

- Как же, помню, это доктор Крабб из США. Он интересовался нашими орхидными, собирался писать монографию по орхидным Голарктики. Сборы орхидных в университетском гербарии, в гербарии нашей кафедры он очень внимательно просмотрел; еще он спрашивал, есть ли в городе другие гербарии.

Я, помнится, поинтересовался, откуда же он возьмет деньги на издание. Он ответил мне, что его спонсирует фармацевтическая фирма, специализирующаяся на изготовлении препаратов из корневищ орхидей.

- Эх, нам бы найти таких спонсоров, - со вздохом закончил аспирант.

- А зачем ты давал ему сведения о гербарии Ивана Леонидовича, да вдобавок сообщил адрес?

- Так ведь он интересовался и другими нашими гербариями, - простодушно ответил Саша, - я и сообщил. А с Иваном Леонидовичем он хотел переговорить лично. А что тут такого?

- Кстати, - добавил он, - неделю назад он опять к нам приезжал, хотел лично поэкскурсировать в окрестностях города. Еще спрашивал, как добраться до биатлонного комплекса в Приокском районе...

Но я не дослушал его, выбежал из курилки и помчался по коридору, распугивая студентов. На мое счастье автобуса не пришлось долго ждать и через полчаса я шагал по лесной дороге все убыстряя и убыстряя шаг.

Там, на окраине биатлонного комплекса, в заболоченной лощине в массе рос пальчатокоренник мясокрасный, растение из семейства Орхидных. В иные годы его пурпурные соцветия сплошь покрывали эту лощину.

Уже издали я почуял неладное, а когда подошел поближе, то увидел жуткую картину. Лощина была вся изрыта, всюду валялись уже засохшие стебли пальчатокоренника, корневища, без сомнения, были выкопаны и отрезаны от побегов.

Теперь мне стал ясен интерес доктора Крабба к гербарии Ивана Леонидовича. Гербарий этот обладал любопытной особенностью: на

гербарных этикетках местонахождения растений указывались с поразительной точностью. Так же скрупулезно указывал Иван Ленидович свои находки и в научных отчетах.

То, что «ботанику» из США пришлось прибегнуть к помощи взломщика, для меня не было неожиданным. Иван Леонидович, воспитанный еще в 40-е годы, да к тому же поклонник генералиссимуса, относился к иностранцам с предубеждением и в контакты с ними входить отказывался наотрез.

У меня оставалась одна надежда – на таможеню. Может быть там задержат похищенное. Ведь специальным образом обработанные корневища орхидных – ценнейшее лекарственное сырье и вывозу за границу подлежит лишь по специальному разрешению...

На мое счастье я имел на таможне хорошего знакомого, которому и поведал о своих опасениях. Он подумал и попросил меня придти послезавтра.

- К сожалению, ничем обрадовать вас не могу, - заявил он при встрече. - Джошуа Крабб, гражданин США, бывший здесь по договоренности с одной из наших экологических служб, уехал два дня назад.

- А он что-нибудь отправил через вашу таможеню?

- Конечно, иначе бы у нас не было бы о нем сведений. С собой у него был довольно значительный багаж: склянки с образцами природных вод, пакетики с образцами почвы, корневища разных растений. На их вывоз у него имелось разрешение в рамках международного сотрудничества нашего Министерства экологии с соответствующими ведомствами США, ФРГ и Голландии. У них анализ природных объектов на предмет обнаружения загрязняющих веществ осуществляется гораздо более точно и подробно, чем у нас.

- А вы не обратили внимание, что это были за корневища?

- Обратили. Это были небольшие корневища беловатого оттенка, округлые, лопастные. Ими был заполнен полиэтиленовый мешочек килограмма на два. Еще раз вас заверяю, что на их вывоз у него имелось разрешение!

- Разрешение!... Господи, наивность наша российская! Да вы знаете, что эти корневища – ценнейшее лекарственное сырье?! Этот мешочек на десяток тысяч долларов потянет, а вы его за бесплатно пропустили! У вас из-под носа всю Россию утащат, а вы и не заметите. Тоже мне, «таможня!»..

Мой собеседник вспыхнул и разразился потоком оправданий, но я махнул рукой и ушел. Стылая дождливая погода начала сентября как нельзя лучше гармонировала с моим настроением.

- Что это за жизнь такая? – думал я. – Как трудно объединиться честным людям и как легко находят друг друга жулики разных стран. И все это при попустительстве деятелей, об одном из которых император Николай Первый вопрошал в своей знаменитой резолюции: «Дурак, или мерзавец? Узнать!».

ЭКЗАМЕН ПО МАТЕМАТИКЕ.

На выпускных экзаменах по математике в качестве ассистентов, естественно, привлекают учителей математики же. Поэтому я был несказанно удивлен, когда однажды в начале июня мне домой позвонила завуч школы, где я по совместительству преподавал географию, Вера Васильевна П - ева и попросила быть завтра на выпускных экзаменах по математике в 9 а классе в качестве ассистента.

- На вас последняя надежда! – кричала она в трубку. – Обе наши математички заболели: у одной сердечный приступ и она в больнице, а у другой высокая температура. Уж вы выручите нас!

Я осведомился, что мне нужно делать.

- Ровным счетом ничего! – заверила меня Вера Васильевна. – Вы просто будете сидеть и смотреть на детей!

Я согласился.

На завтра в приличном костюме, в белой рубашке с галстуком – ибо раз в год и пугало можно одеть поприличнее! – я отправился в школу, где работал по совместительству. Ученики, разумеется, тоже прибыли в парадной форме: мальчики – одетые как я, девочки – в белых блузках, темных юбках и белых ажурных колготках; имевшие длинные локоны заплели косы и перевязали их белыми бантами.

Стол, предназначенный для экзаменационной комиссии, утопал в цветах.

Я сел на предназначенное мне место и, пока экзаменующий учитель, она же зам директора по воспитательной работе Татьяна Юрьевна Б. писала на доске варианты экзаменационных заданий, по профессиональной привычке ботаника присмотрелся к цветам.

Среди тривиальных сиреней, нарциссов и гвоздик мое внимание сразу же привлекли четыре букета доселе мне неизвестных цветов, издававших тонкий, но в то же время весьма сильный аромат. Сам я считаюсь очень хорошим знатоком культурной флоры, но тут стал в тупик: не только вид или род растения, но даже принадлежность к семейству я определить не мог. Я наклонился к своей соседке, учительнице литературы Елене Николаевне, тоже, как и я, мобилизованной на экзамен в пожарном порядке:

- Вы не знаете, кто принес эти цветы?

- Это папа нашего Кирилла расстарался, - ответила она мне. - Достал в какой-то оранжерее за валюту.

Кирилла Ш-ова я знал хорошо. Его папа, довольно известный предприниматель, был владельцем четырех магазинов и небольшой частной школы. Сына своего, однако, в свою школу поместить не решился: учился он кое-как, да и поведением отнюдь не блистал.

И вот теперь этот Кирилл сидел передо мной на первой парте и даже здесь, на экзамене, то и дело оборачивался и делал своим одноклассникам какие-то знаки.

Меж тем волнение постепенно улеглось и наступила та торжественная и тревожная тишина, которая обыкновенно бывает в первой половине любого выпускного экзамена.

Прошло полчаса. В классе стало душновато, и председатель экзаменационной комиссии Вера Васильевна распахнула настежь форточку. Тотчас раздался возглас Кирилла:

- Вера Васильевна, закройте, пожалуйста, форточку - сквозит!

Вслед за ним как по команде раздалась такие же возгласы и других учеников. Вера Васильевна пожала плечами и закрыла форточку.

Прошло еще полчаса. Аромат неведомых мне цветов достиг, казалось, самой высокой степени и сделался совершенно пронзительным. Вместе с тем ощущение духоты совершенно исчезло. Напротив, по классной комнате, казалось, проносятся освежающие волны!

Я почувствовал какую-то приятную истому и блаженно откинулся на спинку кресла, впадая в какое-то оцепенение.

И тут Кирилл поднял руку.

К моему удивлению никто из экзаменационной комиссии на поднятие его руки никак не отреагировал!

Прошла минута, Кирилл так и тянул руку. Я хотел спросить его, в чем дело, но с ужасом обнаружил, что язык мне не повинуется!

По-видимому поняв это, Кирилл поднялся со своего места, подошел к сидевшим на задних партах нашим отличницам Анечке, Марьяне и Ларисе и о чем-то шепотом стал с ними советоваться, время от времени оглядываясь на нас, учителей. Вслед за ним еще несколько человек повскакали со своего места и также начали консультироваться у девочек. Наконец, все, кто хотел, проконсультировались и расселись по своим местам. Кирилл подошел к окну и распахнул его настежь. В классную комнату ворвался вместе с ветерком шум городской площади, куда окнами выходил класс.

Я собрался было потребовать у Кирилла ответа, но тут ко мне подошла Вера Васильевна и прошептала:

- Ради бога, молчите и ничего не делайте!

Прошел еще час и ученики один за другим начали сдавать листки с решениями. Еще через полчаса экзамен закончился и Вера Васильевна попросила нас остаться.

- У меня нет сомнения, что все это подстроил Кирилл, вернее, его папаша! Раздобыл где-то цветы, одурманившие нас всех - вот результат!

- Позвольте, Вера Васильевна! - вступился я. - Если эти цветы привели нас в оцепенение, то почему они не действовали на детей?!

- Ну, я не знаю, - нервно проговорила она. - Вы, как ботаник, наверное, сможете это выяснить. Вас же всех я попрошу: молчать! Если только в РУНО узнают про этот случай - беды не миновать! Ведь это же скандал неслыханный!..

...Схватив в охапку один из букетов цветов, я помчался к себе в Ботанический сад. Цветы увядали с неслыханной быстротой. Когда я вбежал к себе в комнату, они окончательно поблекли. Положив пять экземпляров в ботаническую сетку, я принялся исследовать остальные, но безрезультатно. Лепестки сморщились и опали, тычиночные нити и столбики скрутились и

распались, листья побурели. С трудом я смог установить общую формулу цветка, да и то приблизительно.

Две недели ушло на попытку определить растение, но безрезультатно. Мои коллеги в университете, пединституте, сельхозакадемии, в совхозе «Цветы» только качали головами. Ничем не могли мне помочь и лучшие наши знатоки тропической флоры и декоративных травянистых ветераны ботаники Софья Ефимовна А. и Надежда Ивановна Н. Оставалась одна надежда – на Ботанический институт, куда собирался мой хороший знакомый Александр Игоревич Ш. Однако, когда я вынул из ботанической сетки растения, чтобы смонтировать их для передачи в БИН, они все буквально рассыпались в прах!

...Прошло три года.

Как-то раз в вестибюле университета, куда я пришел прямо с ботанической экскурсии, чтобы взять на кафедре пачку монтажных листов, я столкнулся в вестибюле с Кириллом и его папой. В руках последнего я увидел три огромных букета этих же цветов.

Мы поздоровались, и я осведомился, по какому случаю цветы.

- Через полчаса у Кирилла экзамен. Он и его четверо одноклассников поступают на экономфак, вот я и расстарался с букетами. Не знаю только, выйдет ли что, ведь аудитория там большая...

Я буквально оцепенел от подобной смеси наглости и цинизма, а отец Кирилла с подкупающей доверчивостью взял меня за руку и продолжал:

- Я думаю, вы на меня не в обиде за ту давнюю историю. Вы же сами отец двух сыновей и меня поймете: чтобы такого балбеса, как мой Кирилл до ума довести, никаких денег не хватит. Дешевле оказалось такие цветы раздобыть!..

Первой моей мыслью было бежать в аудиторию, где должен был состояться экзамен и все рассказать преподавателям, но уже через полминуты я понял нелепость своей затеи. Во-первых, где гарантия, что меня не примут за помешанного, тем более, что вид у меня был непритязательный: драная рубашка и поношенные джинсы, кроссовки, заляпанные грязью, полевая сумка и ботаническая папка. Во-вторых, на четвертый этаж, где должен был состояться экзамен, меня попросту бы не пустили.

Поэтому я попрощался с ними, пожелав Кириллу ни пуха, ни пера и побрел на кафедру...

...Через некоторое время стороной я узнал, что Кирилл блестяще провалился на вступительном экзамене и его папаша вынужден был купить ему место в престижном колледже.

А еще через полгода, перелистывая реферативный журнал, я наткнулся на сообщение о результатах исследования водных и спиртовых вытяжек из цветов некоторых растений семейства Ризоцениевых. Вытяжки эти обладали любопытным свойством: детей и подростков они возбуждали, а на взрослых людей наоборот, оказывали сильное тормозящее влияние.

К своему стыду должен вам признаться, дорогие читатели, что реферативный журнал этот вышел за три (!) года до описываемых мною событий и раздел, где было опубликовано это сообщение, я прежде просматривал очень внимательно! Правда, из-за сильной загруженности в школе я реферативные журналы просматривать бросил, ограничившись только «Ботаническим журналом». Папаша же Кирилла, будучи фармацевтом и фармакогнозом по образованию, как видно связи с наукой не терял и опередил меня, профессионала...

Недаром говорится, что петух просыпается рано, а злодей – еще раньше!

КОТ И ЛИСА.

О том, что в нашем университете помимо биостанции в Пустыни есть еще не то биостанция, не то научная база в окрестностях села Богоявление Семеновского района я знал давно, но случая съездить туда все не представлялось. И только в конце семидесятых, когда прихотливая судьба натуралиста забросила меня на берега озера Юрьевское, этой жемчужины семеновских лесов, я решил сходить на эту таинственную базу, благо, судя по топографической карте, до нее было неподалеку...

И вот я, свернув с оживленного шоссе Семенов – Ильино-Заборское на лесную дорогу, уперся в массивные ворота, увенчанные надписью «База ГГУ «Красная Горка».

Пройдя через ворота, я очутился на уходящей вдаль лесной прогалине, по обе стороны которой тянулся ряд уютных домиков. Я понял, что это никакая не биостанция и не база для научных исследований, а просто база отдыха сотрудников университета. Разочарованный, я хотел повернуть обратно, но тут услышал, как меня окликают.

Из распахнутого окна ближайшего домика, высунувшись наполовину, выглядывал и приветливо махал мне рукой мой хороший знакомый, доцент нашего университета Лев Иосифович.

- Заходи, гостем будешь! Жена сейчас грибков принесет, угостимся!

Я не заставил себя долго ждать и через пять минут, умытый и причесанный сидел в небольшой комнатке коттеджа за столом в ожидании угощения.

Дверь открылась и на пороге показалась молодая женщина с копной светло-рыжих волос и с востреньким носиком, похожая на лису. В руках она держала жаровню, полную жаренных в сметане грибов. При виде этого блюда Лев Иосифович потер руки, плотоядно улыбнулся, издал довольное урчание и усы его даже встали несколько дыбом. Похож он был в эту минуту на сказочного кота.

- А где же жена твоя? – спросил я Льва Иосифовича и тут только понял, что допустил промашку неизвинительную.

«Кот» поперхнулся грибом, закашлялся, побагровел, «Лиса», напротив, побледнела, отодвинула рюмку, и привстала с места; рыжие глаза ее злобно сверкнули. Впрочем, как люди интеллигентные, они быстро пришли в себя и где намеками, где прямо дали мне понять, что с прежней женой, Юлией Моисеевной, Лев Иосифович расстался, а эта особа с востреньким носиком и копной волос, похожая на лису, недавно защитившаяся кандидат наук Елена Семеновна и есть новая жена...

Через два месяца, в сентябре уже, я встретил их на университетском философском семинаре. Сидели они неподалеку от меня, на два ряда ниже (семинар был в аудитории-амфитеатре) и я мог наблюдать их беспрепятственно. Лев Иосифович, уже несколько пополневший, прилежно записывал что-то в блокнот, а Елена Семеновна, тоже делая записи,

успевала меж тем и дотронуться лапкой до широкой длани мужа, и поправить прядку его волос, и сдуть невидимую пушинку с пиджака.

- Действительно, кот и лиса! - подумал я.

Председательствующий объявил перерыв, я встал со скамьи и направился к супругам. Встретили они меня радушно и пригласили на новоселье.

Справляли его в квартире матери Елены Семеновны, куда съехались счастливые супруги. Мать и дочь оказались настоящими мастерицами по части кулинарии. На столе возвышались традиционные блюда русской кухни: горка блинов, утка с яблоками, гусь с капустой (не было только поросенка с гречневой кашей!) и - дань мужу и мне - такое традиционное блюдо еврейской кухни, как фаршированная рыба.

Я сидел напротив счастливых «молодоженов» и с умилением наблюдал, как Елена Семеновна подкладывала Льву Иосифовичу куски пожирнее, как заботливо предупреждала, чтобы не пил он холодные лимонад и сок после гусятины и т.д. и т.п. При этом она хвалила мужа за аппетит и, победно поглядывая по сторонам, громко провозглашала, что жареное мясо - это и есть настоящая мужская еда! Сама же она в видах сохранения фигуры, налегала на рыбу и тушеные овощи...

Лев Иосифович и Елена Семеновна становились в университете людьми влиятельными, и им не составляло особого труда организовать для меня на «Красной горке» раз в сезон стол и дом на два дня.

Каюсь: приезжал я туда не как натуралист, даже гербария не собирал, а просто отъесться за год и отдохнуть в безделье и бездумье! Вечером я приходил к супругам на грибы. Грибы Елена Семеновна готовила превосходно, или туша в сметане, которую покупала в Богоявлении, или фаршируя ими рыбу, выловленную Львом Иосифовичем, или выпекая с грибами пироги (супруги взяли с собой небольшую электрическую духовку). Все это поглощалось Львом Иосифовичем в невероятных количествах, ибо по мере того, как он толстел, рос и его аппетит.

И всякий раз я наблюдал одну и ту же сцену, как Елена Семеновна подкладывала мужу куски пожирнее, а тот, блаженно жмурясь как кот и поводя усами, уписывал пирог или жаркое за обе щеки, запивая их зверобойной настойкой или травяным чаем. И Елена Семеновна, гордо вскидывала голову, отчего ее грива напоминала лисий хвост, и не уставала приводить всем приглашенным в пример своего мужа как настоящего

мужчину, который и едок отменный, и добытчик, и в науке преуспевает (докторская диссертация его была уже принята к защите).

Как-то раз после такого ужина пошли мы прогуляться вдвоем по берегу Керженца и Лев Иосифович признался мне, что никогда еще не испытывал он такого блаженства и комфорта, как теперь.

- Теперь только жить да жить! - приговаривал он. - Всем меня Лена утешает, ни о чем не беспокоюсь, вот только здоровье...

- Что здоровье? - спросил я его.

- Да понимаешь, три недели назад наведалься я к терапевту, чтобы справку взять, ну, как обычно, перед отъездом на базу, а он прослушал меня, помял, посмотрел анализы и сказал, что у меня предсклеротическое состояние, да и почки...

- А ты не ешь такой пищи! - посоветовал я ему.

- Сам знаю, что вредна мне такая еда, да ничего поделать с собой не могу, уж больно вкусно Лена готовит. Да и случись что - вылечат! Связи у нее в мире медицины большие! Да и в конце-концов, - продолжал он, - в жизни живем только раз! Сын и дочь у меня от первого брака уже большие, семьи имеют, доктором я уже в следующем году буду, и кафедру мне предлагают. Ну что еще человеку нужно от жизни на шестом десятке? - Только любовь и комфорт! Так вот моя Лена мне все это доставляет! И как доставляет!..

...Через год я был у него на «Красной горке» на банкете по поводу утверждения ВАКом его докторской диссертации и присвоении ему звания профессора. Сильно располневший, лоснящийся от жира и самодовольства как раскормленный стерилизованный кот, он поедал все, что подносила ему «лиса». На фоне своего супруга она выглядела еще стройнее, чем раньше и легкая седина, пробивавшаяся через прядки рыжих волос, делала ее, сорокадвухлетнюю женщину, еще привлекательнее...

...Были тосты за новоиспеченного доктора и профессора, за его очаровательную супругу, за науку и биофак, за «Красную горку», где так хорошо живется...

...А еще через полгода, зайдя на факультет, я увидел портрет Льва Иосифовича, обрамленный в траурную рамку и, побывав на его кафедре, узнал, что умер Лев Иосифович на операционном столе престижной клиники, куда был помещен стараниями Елены Семеновны по поводу камней в почках.

- Сердце у него было склеротическое, не выдержало, - сказали мне.

Я поспешил в знакомый мне дом-башню. Лев Иосифович, убранный, лежал в гробу довольный, умиротворенный и почти не тронутый серой пеленой смерти. Елена Семеновна, в изящной креповой накидке, которая чрезвычайно шла ей, сидела у изголовья и время от времени смахивала слезу с пушистых ресниц...

Через девять дней я явился на поминки и застал сцену не совсем хорошую: представители кафедры убеждали вдову передать в университет научную библиотеку покойного. Елена же Семеновна в деликатных, но решительных выражениях заявила, что, поскольку похороны были связаны со значительными издержками, научная библиотека Льва Иосифовича будет продана. Покупатель, американский профессор российского происхождения, приехавший в Медицинскую академию читать лекции, уже внес задаток в размере двух тысяч долларов.

Всех пригласили за стол, над которым в траурном обрамлении висел большой фотопортрет Льва Иосифовича.

подавали его любимые блюда; приготовлены они были вдовой превосходно, но ни мне, ни другим гостям кусок не лез в горло. Уныло сидели мы, ковыряя вилками в тарелках, боясь встретиться глазами друг с другом и с портретом.

Уже через десять минут мы под благовидным предлогом один за другим начали расходиться.

- Да, - подумал я, - укорила кота лисонька, укорила...

СЛУЧАЙ В ГЕРБАРИИ.

Хотя в моем распоряжении имеется большой личный гербарий, насчитывающий уже свыше двенадцати тысяч листов, все же, время от времени я работаю в гербарии кафедры ботаники нашего биофака, считающегося центральным гербарием не только города, но и области.

Расположен этот гербарий в двух комнатах на третьем этаже биофака, откуда открывается неприглядный вид на территорию университетского городка с ободранными зданиями общежитий, вивариумом, гаражом и т.д.

Сотрудники и студенты нашей кафедры шутят даже, что именно это обстоятельство и не позволяет отвлекаться в гербарии от занятий ботаникой. В прочем, в тот декабрьский вечер мне было не до рассматривания из окна окрестностей. За день до того куратор гербария, милейший Александр Иванович Ш. позвонил мне и попросил помочь в обработке коллекций недавно скончавшегося ветерана ботаники Валентина Дмитриевича А.

Итак, я сидел за рабочим столом в гербарии, передо мной лежала толстенная пачка газет, в каждую из которых было вложено засушенное растение, и лежала полевая этикетка с датой и местом сбора. Был как раз тот самый тихий и удобный для работы час, когда занятия на дневном отделении уже закончились, а занятия на вечернем отделении еще не начались.

В тот день, помнится, работа шла у меня туго. Растения, которые собрал Валентин Дмитриевич, относились к роду Манжетка, считающемуся одним из самых сложных. Одно и то же растение я определял дважды - по определителю Маевского и по десятому тому «Флоры СССР», поэтому за три часа интенсивной работы я смог с достоверностью определить только десять экземпляров.

Гербарий во время работы никогда не запирается, поэтому я был удивлен, когда услышал громкий стук в дверь.

Удивляясь, я обернулся к двери и крикнул:

- Входите, не заперто!

Дверь отворилась, и в него вошли трое парней, остановились на пороге и начали оглядываться.

- Вам кого, молодые люди? - спросил я их.

- Здравствуйте, вы будете здесь начальник? - ответил один из них.

Я улыбнулся:

- Здесь нет ни начальников, ни подчиненных, - сказал я. - Рад оказать вам помощь. Чем могу?

- Видите ли, нам нужен гербарий Валентина Дмитриевича А. - заявил парень. - Нас прислали из пединститута!

Я внимательно посмотрел на них и тут только заметил, что обличьем своим они ни на студентов, ни на научных сотрудников не походят: кряжистые, коротко стриженные, в дорогих кожаных куртках, с золотыми цепочками на шеях; у одного из них я заметил на руке замысловатую татуировку.

Какое то смутное подозрение шевельнулось во мне, но виду я не подал и со словами: «Сейчас я подам вам его!» я взял переносную лесенку, забрался на самый верх ее и снял со шкафа так называемый анонимный гербарий, т.е. гербарий, собранный неизвестно кем, где и когда. Научную ценность такой гербарий не представляет, и его используют лишь в учебных целях.

Молодые люди взяли пачку, сунули ее в сумку, поблагодарили и удалились.

Я вытер вспотевший от волнения лоб, слез с лестницы и выглянул в коридор. Он был совершенно пуст. На этаже стояла тишина и мне, помнится, подумалось даже, не привидилось ли мне все это...

От нервной встряски я, что называется, обалдел, и, потому, перевернув газетный лист и увидев вместе с высушенным растением и этикеткой зеленую бумажку с портретом благообразного старичка, не сразу догадался, что передо мной банковский билет США в сто долларов.

Машинально я взял ассигнацию, отложил ее в сторону и взял следующий газетный лист. В нем оказалась такая же стодолларовая купюра! Тут уж меня охватила настоящая «золотая лихорадка». Я стал разворачивать один газетный лист за другим, и скоро на моем столе лежала толстая пачка банкнот.

Не скрою! Первой моей мыслью было взять деньги себе и, обменяв их на российские ассигнации, купить то, о чем я давно мечтал! Но, по зрелому размышлению, я отказался от этого.

Во-первых, где гарантия, что доллары не фальшивые, или что срок их годности не истек? Во-вторых, не исключалось ограбление, или крупная кража: сумма была по моим понятиям огромная, около пятидесяти тысяч долларов! И вообще, маленьким людям, вроде меня, лучше дел с иностранной валютой не иметь!

Эти-то соображения и привели меня через час в райотдел милиции, где я рассказал, что покойный Валентин Дмитриевич прекратил свои ботанические экскурсии еще в 1986 году, и что в начале следующего года

слег, и более не поднимался, и что жил он с незамужней дочерью, старшим лаборантом сельхозинститута, существом пугливым и необщительным, и, следовательно, доллары в гербарий кто-то подложил, и сделано это было после похорон, когда дочь поселила у себя племянницу с мужем, и часть мебели, в том числе тумбочка с гербарием, была на время ремонта выставлена на лестничную клетку.

Выслушав все это, капитан милиции с моими доводами согласился и предупредил меня, что трое молодцев могут опять пожаловать в гербарий и что, следовательно, я подвергаюсь большой опасности.

- Сделаем так! - сказал капитан. - Гербарий ваш завтра же с раннего утра опечатает пожарная охрана. Вас же я попрошу немедленно вернуться в университет и наклеить на дверь гербарной комнаты записку, что второй гербарий Валентина Дмитриевича находится на обработке. Внизу напишите для справок вот этот телефон.

И он подал мне листок бумаги с шестью цифрами.

- А вас я прошу об этом никому не говорить и никакой самодеятельности не предпринимать! Лучше всего вам скрыться на время из города. Вы можете сделать это сами, или вам помочь?

Я уверил капитана, что скрыться я смогу сам и даже уведомлять начальство Ботанического сада мне не нужно: поскольку я, в отличие от прочих сотрудников, ничего не выращиваю, то числюсь отщепенцем, и на меня махнули рукой, предоставив делать то, что заблагорассудится. Поэтому завтра же я уеду на три дня на дачу к младшему сыну, жене же скажу, что уезжаю на Вахтан к ее родственнице.

И я продиктовал капитану адрес.

- Очень хорошо! - просиял он. - Устроим ловушку в двух местах сразу! Итак, повторяю: никакой самодеятельности и ждите моей телеграммы! Вернуться в Горький сможете только по ее получении!

...Через три дня меня отыскал на даче сельский участковый и вручил телеграмму. Содержание ее было благоприятным, и я спокойно вернулся домой. А через четыре месяца, развернув одну из городских газет, я наткнулся на судебный очерк, который и расставил все по своим местам.

...Года три до описываемых событий с телевизионных экранов, с рекламных полос газет не сходила информация о строительном банке «Народная стройка». Банк этот был подан рекламой как панацея от

жилищного кризиса, в котором оказались малообеспеченные семьи, живущие в ветхом фонде. Предлагалось купить акции этого банка (минимальная стоимость была всего десять тысяч рублей), которые затем каждый год разыгрывались в лотерею. Выигрыш – двухкомнатная квартира. «Каждый год за десять тысяч пять квартир!» - утверждала реклама.

Банк обещал, что те акционеры, кому не повезет в лотерею, через пять лет получат такие же двухкомнатные квартиры с выплатой в рассрочку на двадцать пять лет.

Прошел год. Пять человек из числа акционеров действительно получили квартиры, и торжественная церемония вручения им ордеров в офисе банка была показана по телевидению. Это вызвало огромный наплыв новых акционеров.

А еще через год банк – исчез! То есть акционеры, придя к зданию, где размещался офис банка, обнаружили, что комнаты заперты! Подняли тревогу, вызвали милицию и обнаружили, что они совершенно пусты! Исчезли сотрудники, дорогая оргтехника, кассовая наличность и абсолютно все документы! Оказалось, что учредители дали тягу, превратив перед этим все рубли в доллары и продав всю оргтехнику. Доллары они решили спрятать у родителей одного из учредителей.

Те, поначалу, соблазненные солидной премией, согласились, а затем, когда до них дошло сообщение о крахе банка и всероссийском розыске учредителей, в том числе и их собственного сына, запаниковали. На счастье, умер сосед по лестничной клетке, тот самый Валентин Дмитриевич и они спрятали доллары в гербарий, находившийся в выставленной на лестничную площадку тумбочке. За гербарием этим они установили негласный надзор...

Прошел год, и к родителям явились доверенные лица от их сына с запиской от него, что с ним все в порядке, он живет в одной из соседних стран и просит отдать доллары плюс премию посланцу. Родители объяснили, где находятся доллары и вот трое молодцев явились ко мне в гербарий. Не найдя там валюты, они явились на следующий день и обнаружили гербарий запертым. На их «счастье» висело объявление, где указывался телефон. Один из них позвонил по этому телефону и от собеседницы, чей голосок так приятно ласкал ухо, узнал, что за гербарием можно приехать немедленно. Тут их взяло сомнение. Один поехал по указанному адресу, а двое других позвонили ко мне домой, и жена сообщила, где я нахожусь, и дала адрес. Все

трое визитеров по прибытии по указанным адресам были схвачены, оказались в камере предварительного заключения, и, вскорости, начали давать показания...

...Итак, все произошло, как нельзя лучше! Порок был наказан, а добродетель восторжествовала. Деньги акционерам вернули (в пропорции один к пятидесяти) а я получил премию за сданную валюту. На эту премию я купил армейские ботинки, компас и атлас топографических карт области. Ну что еще нужно бедному натуралисту?..

В И В А Р И Й.

В нашем городе при всех научно-исследовательских институтах медицинского профиля и кафедрах физиологии животных вузов есть виварии. В благословенные времена «застоя» держали там кошек и собак, кроликов, белых мышей и крыс, лягушек, а теперь остались там только три последних вида – денег на содержание нет!

Вот и Владимир Никанорович К., мой однокурсник, профессор и заведующий кафедрой физиологии животных, все время жаловался на бедность вивария.

- Ну, животных мы кое-как прокормим, - рассуждал он, - и сотрудники, и студенты каждый день приносят то корки хлеба, то капустные кочерыжки, то еще что, а где лаборанта взять?

- Но у вас, кажется, доплачивают двадцать процентов за вредность? – спросил я его.

- О, господи! Да кто же ради зарплаты придет сюда работать!? Сюда идут либо энтузиасты-подвижники, либо ловкачи, чтобы поживиться кормом – а ведь у нас даже мясо и отруби выписывали! Опять же, можно было кролика сактировать, получить плату за пойманную кошку и собаку... А теперь кормов не выписывают, деньги за поимку животных не выделяют...

Я попытался утешить профессора, но он только махнул рукой и побрел к себе на кафедру.

Но в прошлом году, когда мы, выпускники, собрались на тридцатилетний юбилей окончания университета, Владимир на удивление выглядел бодро и оптимистически.

- Ну, теперь все в порядке! Нашли-таки толкового и искренне любящего животных лаборанта в виварий!

Завтра приходи туда часам к одиннадцати, у меня как раз лекция кончается.

Назавтра, в указанное время я подходил к флигелю белого кирпича во дворе факультета. В прежние времена оттуда уже за полсотни шагов шибало в нос специфическим запахом зверей, теперь же, даже подойдя вплотную, я не смог бы определить, что это за учреждение, если бы не табличка рядом с дверью.

Войдя внутрь, я поразился переменам. Все было не только чисто выметено, но и вымыто, через надраенные окошки врвался солнечный свет, прежде редкий гость в виварии. Даже мыши и крысы, казалось, повеселели и с энтузиазмом грызли березовые прутьики, подтачивая зубы.

Тут же в уголке, за письменным столом, сидела новая сотрудница, полноватая средних лет женщина с темно-каштановой шевелюрой и читала журнал «Домашнее звероводство». Над столом красовалась вырезанная из этого же журнала цветная фотография: кот, пес и кролик подают друг другу лапы.

- Вот, знакомьтесь, - сказал мне профессор, - наш добрый гений Елена Викторовна Медуницына. Ранее в школе - интернате учителем биологии работала, потом разными питомниками и благоустройством заведовала, а теперь к нам перешла. Настоящий энтузиаст своего дела!

- Ну, Владимир Никанорович, вы явно преувеличиваете! Просто я очень люблю животных, вот и все! Я сюда из дома даже своих хомячков перевезла, чтобы мне без них не скучно было!

И она указала на большой аквариум, на дне которого среди кусочков бумаги и прутьиков копошилась пара сирийских хомячков редкой тигровой окраски.

Разговор профессора и лаборанта принял специальный характер, и я поспешил откланяться, пожелав им успехов в содержании вивария. По пути домой я все вспоминал, где я мог видеть эту Медуницыну и вспомнил: весной этого года на Канавинском рынке, где она продавала своих редкостных хомячков!..

...Прошел год. Возвращаясь с ботанической экскурсии с окских берегов, я заглянул в виварий. Подойдя к дверям, я чуть не нос к носу столкнулся с парнем в синем халате, выносящем мусорное ведро. Войдя внутрь, я обнаружил перемены. На просторных стеллажах, где когда-то стояли клетки для собак и кошек, в мое первое посещение пустовавшие, теперь расположились клетки с морскими свинками и хомячками. Сама Елена Викторовна сидела за столом и считала на большом бухгалтерском калькуляторе «Ситизен».

- Вот, потихоньку разворачиваю свое хозяйство, - пояснила она мне. - С разрешения Владимира Никаноровича развожу морских свинок и хомячков. Часть отдаю на кафедру, а часть продаю на Канавинском рынке и через зоомагазины по сходной цене. Вот студента подрядила за плату помогать. Собираюсь в скором времени нутрий разводить. Садово-огородный участок у меня рядом, через проспект, так что кормами обеспечена. Опять-таки навоз из-под зверей себе отношу, в компостную кучу, а потом в свою тепличку - я цветы на продажу выращиваю.

- А почему же не кроликов? - спросил я

- Кролики очень нежны и капризны, подвержены инфекциям, а нутрии неприхотливы. Планирую на основе вивария организовать малое предприятие по выращиванию и сбыту декоративных животных. Хотите войти в долю? Обещаю пятьдесят процентов прибыли ежемесячно на вложенную сумму.

- Господь с вами, Елена Викторовна! Откуда у меня, скромного лаборанта Ботанического сада лишние деньги? - ответил я.

- Жаль, жаль! А вот Владимир Никанорович и еще два профессора: Александр Петрович Е. и Алексей Геннадиевич Х. вложили крупные суммы, и теперь будут получать дивиденды, - сказала предприимчивая лаборантка.

...А совсем недавно, зайдя на факультет, чтобы уточнить в гербарии некоторые экземпляры собранных мной растений, я встретил Владимира, еще более бодро и оптимистически настроенного.

- Ну, как ваша фирма - виварий? - спросил я его.

- Фирма веников не вяжет! - бодро ответил мне профессор. Елена - настоящий клад! И кафедре поставляет животных, и нас, акционеров, подкармливает, и студентам дает подзаработать, и себя не забывает. Правда, у нас она теперь не числится. Как свою фирму организовала, и виварий

взяла в аренду, там одни студенты крутятся. Только вот... - и профессор внезапно помрачнел.

- Что «только»? - спросил я его.

- Да понимаешь, она, когда договор на аренду помещения составляла, метраж арендуемой площади указала. Я, когда подписывал, особо над цифрами не раздумывал, а теперь всмотрелся и ахнул - там в аккурат вся площадь вивария указана, метр в метр!

- Ну, так и что же? - спросил я в недоумении. - Что ты беспокоишься? Ведь согласно договору, вам обязаны поставлять лабораторных животных.

- Да понимаешь, обязаны то обязаны, да ведь число их в договоре не указано, только ассортимент! Фирма эта, может раз в год выдавать нам по мыши, крысе и лягушке, а мы и претензий предъявить не сможем! Эх, дал я маху...

- Конечно, через год можно договор перезаключить, указать там точное количество животных, которые они нам обязаны ежегодно предоставлять, - продолжал профессор, да только боюсь, Медуницына хлопнет дверью и уйдет вместе со всеми своими зверями. Она теперь в своем садоводческом товариществе пустующий участок приобрела и строит там оранжерею и рядом помещение для зверей. Не очень- то мы ей теперь и нужны.

- Да и не скрою, дивиденды нам выплачиваются исправно, - продолжал профессор. - Недавно Елена выгодно партию цветов и нутрий продала, так мне сразу два моих профессорских оклада перепало! Это ты у нас бессребренник такой, кроме камуфляжа и солдатских ботинок тебе ничего не нужно, а я ведь на научные конференции езжу, статьи в дорогостоящие сборники даю...

...Я слушал своего однокурсника, а в памяти моей всплывали строчки из одного рассказа позапрошлого века, герой которого страстно желал устроиться в царский дворец на какую-нибудь должность, пусть самую ничтожную, низко оплачиваемую, хоть смотрителем при канарейке.

- При этой маленькой птичке, - говорил он, - и я, и моя семья отлично прокормимся!

Когда я впервые прочитал этот рассказ, герой его казался мне гением плутовства, а теперь я вижу, что Медуницына любого канареечника николаевских времен за пояс заткнет!

И все по закону! И все по закону!

VI. ЗАГАДКИ ПРОШЛОГО.

У большинства людей сложилось мнение, что мы, полевые натуралисты, все свое время проводим в путешествиях. На самом деле это далеко не так. Значительная часть нашего времени проходит в обработке полевых дневников, определении собранных растений, а также изучении материала, собранного нашими предшественниками, изучении карт, в том числе прошлых эпох. Подобные материалы и карты хранятся в архивах, в том числе известном всем нашим краеведам ГАНО – Государственном архиве Нижегородской области.

Поэтому неудивительно, что занимаясь в течение свыше сорока лет исторической географией флоры и историей природопользования Нижегородского края, я познакомился в ГАНО с загадочными, а подчас

просто криминальными историями, связанных с природопользованием и экологией. Отчасти разгадка этих историй - заслуга моих коллег-краеведов, отчасти - результат моих экскурсий, касательно некоторых из них можно даже и теперь высказать лишь более-менее вероятные предположения. Судить об их обоснованности предоставляю читателю.

Само собой разумеется, что, поскольку у героев моих очерков живы потомки, я изменил фамилии и имена некоторых героев, а отчасти, и географические названия.

ДЕЛО КУПЦА МАСЛОВА.

История эта началась в октябре 1855 г. Крестьянин села Богоявление Семеновского уезда Викул Прохоров ехал на телеге в уездный город, как сказано в полицейском документе, «...имея намерение заняться в сем городе извозом, и был остановлен у буерака, что прозывается Волчьей Шохрой, неизвестными людьми, кои понудили его взять лежащее в сем буераке мертвое тело, погрузить оное на телегу и везть в город, где сдать в полицию». Злоумышленники сообщили Прохорову, что «...имеют сведения о месте жительства семейства последнего и что члены одного семейства ответят головами за неисполнение им, Прохоровым, сего поручения».

Перепуганный мужик не осмелился послушаться злодеев и сдал мертвое тело в уездную полицию. Полиция, естественно, ему не поверила, и Викула посадили в холодную, где целую неделю допрашивали под розгами. В то же время в полицию явилась жена купца Маслова и попросила помочь в розыске мужа, который неделю назад исчез. По ее словам, муж, третьей гильдии купец Егор Тимофеев Маслов, арендовал казенную лесную дачу, где собирался вырубить лес на продажу. Он уплатил попенные, гербовый сбор и, взяв значительную сумму денег, выехал из Семенова в дальнюю деревню, где собирался нанять мужиков для рубки леса. Когда купчихе предъявили для опознания мертвое тело, привезенное Прохоровым, она опознала своего мужа.

Но на очной ставке с Викулом Прохоровым купчиха заявила, что видит его впервые. Это несколько смягчило отношение к мужику полицейского следователя, тем более, что денег при нем найдено не было. В освобождении Прохорова из-под стражи сыграло роль и категорическое требование управляющего удельной конторой (Прохоров был удельным крестьянином, т.е. крепостным царской фамилии) немедленно отпустить Викула по отсутствию прямых улик.

Тогда полицейский чиновник стал выяснять, кому была выгодна смерть Маслова, и обнаружил, что на торгах по аренде леса у него был конкурент – купец Сабровин, после объявления о смерти Маслова подозрительно быстро выправивший все бумаги. В доме Сабровина был сделан обыск, и за киотом действительно обнаружили документы покойного Маслова и пук кредиток! Напрасно Сабровин клялся и божился, что Маслова он не убивал, а бумаги ему подложили. Вина купца была очевидна, и его приговорили к кнуту и ссылке в Сибирь.

Право на аренду перешло к купчихе Масловой, и она энергично взялась за дело. К апрелю следующего, 1856 года мачтовые сосны были срублены, очищены от сучьев и подвезены к Керженцу. Искусные плотгоны под руководством приказчика Масловой провели плоты аж до Астрахани, где и продали их с большой выгодой. Через год после описываемых событий Маслова переехала в Нижний, где сделалась владелицей парохода; в ее семеновском доме остался жить сын. Родину она не забывала, ежегодно жертвуя крупные суммы кафедральному собору на помин души ее мужа...

... Так бы эта история и осталась неким курьезом прошлых времен, если бы не наша эпоха, возродившая купечество со всеми его характерными атрибутами. А в мае нынешнего года я совершенно случайно оказался причастен к делу, которое явилось прямым продолжением той давней истории и позволило взглянуть на нее с совершенно иной стороны...

На последних краеведческих чтениях оказался я сидящим рядом с молодым человеком, судя по внешнему виду, принадлежащим к провинциальной интеллигенции: институтский значок на лацкане пиджака, галстук на резинке, старомодный костюм. Действительно, мой сосед оказался учителем истории семеновской средней школы, а приехал он на краеведческие чтения с одной целью: познакомиться с работниками архива и выяснить у них, нельзя ли получить копии документов, неоспоримо

свидетельствующие о праве его на кирпичный особняк прапрадеда, купца третьей гильдии. Теперь в этом особняке располагается детский сад и он, мой собеседник, хотел бы получить на особняк права собственности по новому закону.

- Понимаете, живу я в двухкомнатной квартире, а через дорогу стоит фактически мой дом! - плакался мне учитель. - А я бы в одной половине жил, а другую бы сдавал в аренду!..

Я внутренне подивился на моего собеседника, считающего себя интеллигентом и педагогом и хладнокровно рассуждавшего о способах вытурить на улицу детский сад. Но еще больше изумился я, узнав, что фамилия учителя - Сабровин и что он прямой потомок того самого купца Сабровина, о котором и шла речь в начале моего повествования.

- Я не верю, что мой предок был убийцей! - сказал учитель. - Отбыв срок каторжных работ и выйдя на поселение, он в Сибири занялся лесоразработками, первый организовал посадки кедров, учредил лесной заказник. К тому же он был известным благотворителем, жертвовавшим крупные суммы Восточно-Сибирскому отделу Императорского Русского Географического общества, избравшего его своим членом - соревнователем.

- А между тем, - продолжал мой собеседник, - репутация прапрадеда как убийцы конкурента и мешает мне заявить права на особняк. Я просто боюсь декларировать свою связь с ним, тем более что потомки купца Маслова живут со мной по соседству. Знаете, в таком маленьком городке, как Семенов, все знают всё друг о друге...

...В августе, возвращаясь с университетской базы отдыха «Красная горка», я почувствовал себя плохо и был вынужден сойти с электрички в Семенове. К счастью, в привокзальном буфете оказался крепкий горячий чай, а в хлебном ларьке - свежие сухари. Выпив три стакана чая с сухариками, я почувствовал себя много бодрее и, поскольку до прихода следующей электрички оставалось два часа, решил зайти к учителю Сабровину, тем более что его дом был как раз на вокзальной площади.

- Слава богу, слава богу! Справедливость восторжествовала! Честное имя предка восстановлено! - как заклинание повторял он, усаживая меня за круглый стол, весь усеянный ксерокопиями документов из Государственного архива Нижегородской области.

Чем больше я углублялся в чтение документов, тем более дивился хитрости и вероломству этих, казалось бы, степенных, богобоязненных представителей нижегородского торгового капитала...

...Через десять лет после печальных событий, приведших к смерти одного купца, и ссылке в Сибирь другого, младший священник Благовещенского собора отец Геннадий донес архиерею, что один из его прихожан, бывший приказчик купчихи Масловой, ставший владельцем постоянного двора Степан Луков, сообщил в предсмертной исповеди, что по приказу своей хозяйки организовал убийство ее супруга, а затем, подкупив прислугу Сабровина, подсунул ему документы и деньги покойного. Избавившись от мужа, Маслова приобрела сразу три выгоды: стала безраздельно распоряжаться имуществом, уничтожила конкурента и обзавелась надежным любовником – Степаном Луковым.

Отец Геннадий предлагал довести эти сведения до светских властей с тем, чтобы обвиненный в убийстве Сабровин был возвращен с каторги, а купчиха Маслова понесла бы заслуженное наказание. На доношении отца Геннадия рукою архиерея была начертана резолюция: «Отец настоятель! Напомни сему дураку, что строительство теплого пристроя и ремонт кровли храма были произведены иждивением благоверной вдовы Олимпиады Петровны Масловой! Сабровин же, яко склонный к расколу с молодых лет, не может рассчитывать на попечение истинной церкви!»

- Как видите, мой предок реабилитирован полностью! Теперь я могу со спокойной душой начать процесс о возвращении мне особняка! Как я вам говорил при первой нашей встрече, часть дома сдам в аренду.

- И кому же, если не секрет?

- Секрета тут никакого нет. У нас в Семенове организуется акционерное общество по изготовлению экологически чистой посуды. Арендуем осинник неподалеку от города, будем из дерева точить чашки, ложки и покрывать натуральной олифой и красками из растений наших лесов. Одно плохо: в вашем Горьком конкурент имеется, тоже на этот осинник нацелился.

- А вы, Иван Семенович, по примеру этой купчихи Масловой конкурента-то уберите! – шутливо посоветовал я учителю.

- Помилуйте, зачем я буду на себя уголовщину брать! – рассмеялся мой собеседник. – Теперь есть иные, вполне легальные способы избавиться от конкурентов.

Сейчас по нашей просьбе две студентки – выпускницы моей школы сидят в архиве и собирают материалы на горьковчан. Оказывается, у троих деда проводили раскулачивание в нашем уезде, а у четвертого отец, землеустроитель в областном управлении сельского хозяйства, завизировал своей подписью документ об уничтожении болота с редкой растительностью. Дадим по ним залп в областной и местной печати – никто с ними дела иметь не захочет!

Я выразил свое восхищение предприимчивостью этого потомка семеновского купца и, выйдя из гостеприимного дома, поспешил на вокзал.

Д О Р О Г А Н И К У Д А.

Двадцать лет тому назад деловые круги Нижнего были потрясены внезапным исчезновением предпринимателя, осуществлявшего крупные спекуляции в области продовольственных закупок, Оскара Михайловича З. На поиски его машины, «Вольво» черного цвета, где находился он сам, его секретарь-референт, кандидат экономических наук Галий Афанасьевич К. и шофер, он же телохранитель, были брошены силы не только милиции, но и ФСБ, ибо предприниматель был тесно связан с зарубежными партнерами.

Торгово-промышленная палата выделила 10000 долларов в награду тому, кто обнаружит бизнесмена живым, или мертвым.

Но все попытки отыскать предпринимателя и его спутников, или хоть обнаружить их мертвые тела, не увенчались успехом. Через два года поиски были прекращены и лишь в местной прессе время от времени появлялись версии этого загадочного происшествия. Со временем прекратились и газетные публикации. Дело это было отнесено к разряду безнадежных.

Однако летом прошлого года на ботанико-географической экскурсии в окрестностях деревни Теряево Богородского района я неожиданно наткнулся на следы весьма оригинальной лесохозяйственной деятельности, и это дает мне смелость вполне обоснованно, как мне кажется, выдвинуть свою версию произошедшего.

Но сначала обратимся к опубликованным в газетах фактам.

28 мая 1995 года Оскар Михайлович был приглашен в числе прочих бизнесменов на загородную дачу своего коллеги Леонида Исааковича Э., где в узком кругу деловых людей, занимающихся продовольственными спекуляциями, должен был произойти раздел сфер деятельности. К тому времени конкуренция между ними стала уже опасной, ибо не только усложняла финансовое положение их, но грозила вообще выйти за рамки цивилизованных форм.

Дача Леонида Исааковича находилась в окрестностях деревни Теряево, в лесу, недалеко от шоссе. Это была бывшая загородная дача оборонного предприятия, находившегося в тяжелом финансовом положении и спешно распродававшего все, что можно. Дача эта представляла собой двухэтажный кирпичный дом с хозяйственными постройками и была обнесена забором, захватывающим и изрядный кусок леса. От шоссе туда вела накатанная грунтовая дорога, обсаженная березками.

Никто из партнеров Леонида Исааковича ранее на этой даче не бывал, тем не менее, получив подробное описание маршрута и встреченные на шоссе сотрудниками службы безопасности фирмы – хозяина, все бизнесмены и сопровождавшие их лица благополучно добрались, несмотря на сгущавшуюся темноту.

Была пятница, конец рабочей недели, дел было невпроворот, и поэтому все условились прибыть к десяти часам вечера. На следующий день помимо деловых переговоров, планировался отдых, в том числе и рыбалка на находящихся поблизости карстовых озерах.

Итак, все бизнесмены съехались один за другим, не было только Оскара Михайловича. Через пятнадцать минут Леонид Исаакович позвонил в офис опаздывающего бизнесмена и дежурный ответил, что в 21.00 Оскар Михайлович и сопровождавшие его лица выехали из Нижнего на «известное собрание». Прошло еще полчаса, Оскар Михайлович не появлялся.

Обеспокоенный хозяин послал своего помощника, ведавшего службой безопасности на трассу. В пяти километрах ближе к Нижнему Новгороду находился пост ГАИ и дежуривший там старший лейтенант подтвердил, что действительно, примерно в половине десятого мимо поста в сторону, противоположную Нижнему медленно проехал «Вольво» цвета «антрацит». Помощник развернулся и погнал машину в обратную сторону. Там,

неподалеку от Ворсмы тоже был пост ГАИ. Но дежурившие там, черного «Вольво» не видели.

Обменявшись мнениями, участники совещания решили отложить его на неделю. Весь следующий день они чудесно провели время, купаясь и рыбача, и к вечеру стали разъезжаться.

В воскресенье днем Леониду Исааковичу позвонила жена Оскара Михайловича и осведомилась, как ее муж проводит на даче время. Удивленный хозяин ответил, что супруг собеседницы и не приезжал...

Состоялся интенсивный обмен предположениями, в том числе и достаточно мрачного характера и было решено объединить усилия служб безопасности обеих фирм и разыскать пропавшего бизнесмена. Все воскресенье шла интенсивная розыскная работа, не приведшая, впрочем, ни к каким результатам: машина с тремя людьми как в воду канула. О пропаже было заявлено в милицию, потом делом занялась ФСБ.

Следователи преуспели не больше: было лишь установлено, что ни в каких близлежащих селениях «Вольво» и три его пассажира не появлялись, а на самой даче Леонида Исааковича никаких их следов тоже не было найдено.

В лес с трассы на отрезке между двумя постами ГАИ (а лес тянулся лишь по одну сторону шоссе) вело две дороги: одна к даче Леонида Исааковича, а другая – заброшенная, неезженная и вся заваленная сухостоем и березами от проведенных недавно рубок ухода. Проехать по ней было никак нельзя.

Заподозрили было, что Оскар Михайлович попросту скрылся, прихватив деньги, но финансовая проверка отвергла эту версию. На деле пришлось поставить крест.

Но, как я упоминал выше, будучи на экскурсии в окрестностях Теряева поблизости от бывшей детской дачи, а теперь виллы Леонида Исааковича, я наткнулся на старые, но довольно отчетливые следы трагедии и могу, как мне кажется, вполне обосновано сделать свое заключение; впрочем, судить об этом я предлагаю читателям...

...Возникновение экспортно-импортной продовольственной компании, возглавляемой Оскаром Михайловичем, прошло поначалу незамеченным: подобные компании появлялись в те времена как поганые грибы после дождя. Но вскоре о фирме Оскара Михайловича заговорили, как об организации ответственной, идущей даже на убытки, чтобы выполнить

данное ранее обещание. Это привлекло внимание к фирме местных властей, заключивших с ней договор на поставку продовольствия, а потом еще один и еще, все более крупными партиями. Фирма провела поставки качественно и в срок, причем по своей инициативе снизив цену. Вскоре она стала основным поставщиком по социальным программам.

Успех Оскара Михайловича вызвал тихую ненависть конкурентов, и те решили всеми способами вредить счастливицу. В ход пошли двусмысленные статьи в экономических газетах, сплетни; была даже попытка расстроить одну из сделок, послав телеграмму о разрыве контракта за подписью Оскара Михайловича.

Глава фирмы, потомок прибалтийского купца, издавна ведший дело с нижегородцами, был по - немецки честен и пунктуален, а по - русски наивен и простодушен. Решив - что все это не более как досадное недоразумение между «братьями по классу», которое должно быть улажено так, как это принято на исторической родине Оскара Михайловича, он принялся хлопотать о созыве совещания своих коллег.

Те положительно восприняли эту идею, но Леонид Исаакович решил идти дальше и совсем избавиться от конкурента. Но как это сделать? Подослать наемных убийц - дело опасное и ненадежное; сговориться, и ударить по Оскару Михайловичу демпингом - самим может выйти дороже; распускать и далее порочащие конкурента слухи - можно угодить под суд за клевету.

Делу помог случай: помощник Леонида Исааковича по безопасности, изучая ближние окрестности виллы, обнаружил в лесу и даже на заброшенной лесной дороге неподалеку свежие карстовые провалы. Под почвой здесь залегают легко размываемые породы: гипсы, доломиты, известняки, образовались подземные пустоты, а на поверхности - проседания почвы. На упомянутой заброшенной лесной дороге блюдцеобразная котловина медленно оседала чуть не на глазах день за днем. Когда Леонид Исаакович узнал об этом, у него созрел дьявольский план: заманить конкурента на лесную дорогу и сбросить в карстовую воронку.

Практическое выполнение операции было возложено на помощника по безопасности и четырех охранников. В их умении молчать Леонид Исаакович не сомневался: помощник по безопасности, бывший офицер КГБ знал, что у хозяина есть документик о связях его с иностранными спецслужбами, а

охранники жили под чужими паспортами и были объявлены во всероссийский розыск за разбой.

Дорога была расчищена вплоть до карстового блюдца, по обеим сторонам выкопаны ямки и в них воткнуты березки. Въезд на дорогу со стороны шоссе был до поры до времени завален сухостоем.

...О том, что совещание назначено на пятницу, участникам было сообщено за три дня; единственное, чего они не знали – где оно будет. Сделано это было якобы из соображений безопасности и чтобы скрыть сам факт совещания от вездесущих журналистов. О том, что совещание должно состояться на загородной вилле Леонида Исааковича, участники узнали только утром, в пятницу. Маршрут им был указан приблизительный – по Павловскому шоссе между двумя постами ГАИ, один из которых, дальний, расположен у въезда в Ворсму. На обочине шоссе в нужном месте был выставлен пост охраны фирмы с ее штандартом: на зеленом поле пшеничный каравай и бутылка водки, увенчанная изображением Дмитровской башни Нижегородского кремля. Но никто кроме Леонида Исааковича не знал, что в том месте, где от шоссе отходит в лес заброшенная грунтовая дорога, в кустах прячется еще один охранник фирмы, вооруженный мощным биноклем.

Как только вдали показался черный «Вольво» и охранник узрел на машине сообщенный ему номер, он вышел из-за кустов на шоссе, держа в руке штандарт фирмы, и, улыбаясь, показал рукой в сторону дороги, обсаженной березками.

- Господа, милости просим! Шеф ждет вас! – торжественно провозгласил он.

- Кроме нас кто-нибудь еще проехал? – спросил Оскар Михайлович, открыв дверцу автомашины.

- Конечно! Две машины проехали, вот и ваша, ждем еще троих! – не моргнув глазом, ответил статный молодец.

- А далеко ехать? – спросил шофер, он же телохранитель, подозрительно вглядываясь в темнеющий уже вечерний лес.

- С километр, – ответил встречающий. – Да вы не бойтесь, дорога хотя и не асфальтированная, но накатанная и сухая, и к тому же прямая как стрела. Так что жми на газ!

...О том, что было дальше, можно только гадать. Вероятнее всего, шофер на полном ходу въехал в карстовую воронку, и это вызвало мгновенный обвал, так что все трое, не успев ничего понять, оказались погребены под многометровым слоем грунта.

А может быть, шофер успел заметить опасность и затормозил перед блюдцем, может быть он и его спутники выскочили из машины, но раздались негромкие хлопки пистолетов с глушителями и машину и мертвые тела сбросили в воронку...

...Убедившись, что Оскар Михайлович и его спутники погребены на дне провала, помощник Леонида Исааковича распорядился вытащить из ямок воткнутые туда березки и разбросать их по дороге, а саму дорогу завалить сушняком.

...Прошло несколько лет. Неумолимое время, казалось бы, смело все следы трагедии. Дорога заросла кустарником, карстовая воронка постепенно наполнилась водой и стала озерцом.

Но следы остались.

В ямки по обе стороны дороги ветром набросало шишки ольхи, и теперь там поднялись молодые деревца с черной корой и темнозеленой листвой, образуя как бы погребальный кортеж к месту гибели предпринимателя.

На обнажившихся же известняковых стенках карстовой воронки в массе разросся папоротник Цистоптерис фрагилис. Узкие темнозеленые листья его сплошной траурной лентой спускаются к самому дну – вечному пристанищу Оскара Михайловича и двух его спутников.

...In pace requiscat!

...Да почуют в мире!

Г И Б Е Л Ь П А Р К А.

Одним из самых загадочных событий в экологической истории Нижегородского края является беспощадная вырубка старинного парка в с. Богородском (теперь город и райцентр Богородск) в 1890 г. Бывший владелец

этого села граф Шереметев, нуждаясь в деньгах, продал парк на дрова лесопромышленникам.

Дело это кажется совершенно банальным для тех времен, если не брать в расчет двух обстоятельств. Во-первых, жители Богородского собрали сумму, с лихвой перекрывавшую ту, что просили лесопромышленники, но граф не захотел брать денег с потомков его крепостных, желавших и дальше наслаждаться этим прекрасным творением безвестных садовников далекого прошлого. Во-вторых, через год после указанных событий, граф выстроил в Москве особняк, потратив на это сумму, по меньшей мере в пять раз большую, чем вырученная за продажу парка. Все это заставляет думать, что истинная цель вырубки парка была иная, чем официально заявленная.

Знакомясь с этим делом, я еще в шестидесятые годы проштудировал имевшуюся в одной из богородских библиотек монографию Александра Барсукова «Род Шереметевых»; тогда же мне довелось встретиться с почтенным Ефремом Михайловичем К - ниним., 87-летним богородским старожилом. Как рассказывал мне ветеран, его дед (в честь которого он и получил свое имя) умер тотчас же после получения вольной от своего барина. Вольную же он получил в награду за выполнение поручения – зачем-то слазить на один из кедров, что рос в парке. Ефрем Михайлович познакомил меня с любопытным преданием, хранившимся в его семье: оказывается, в то время, когда вырубали парк, граф, обрядившись в поддевку и смазные сапоги, «как купчишка» бегал по парку, ругался с лесопромышленниками и добился, что десять больших деревьев, очистив от сучьев, закатали на барский двор.

Постепенно в моем сознании начала выстраиваться достаточно достоверная версия происшедшего. Окончательно же она оформилась в 1999 г. в беседе с моей любимой ученицей Ингой Киселевой, теперь выпускницей Архитектурно-строительного университета и дипломированной специалисткой, а тогда юной десятиклассницей, под моим руководством писавшей исследовательскую работу по истории парков. Версию эту я и предлагаю вниманию читателей.

...Граф Шереметев, блестящий кавалергард, двадцатилетний красавец, умел сочетать в себе, казалось бы, совершенно несовместимые качества. Он был одновременно бесшабашный кутила и ловкий царедворец. Один из самых преуспевающих флигель-адъютантов Николая Павловича, он был

отчаянный ловелас и примерный служака; одни из современников аттестовали его как мота, другие как стяжателя. По-видимому, граф знал, кому с какой стороны выгоднее показаться.

Когда в 1830 году в Польше вспыхнуло восстание, молодой штаб - ротмистр был послан с самыми широкими полномочиями в Брест - Литовск. Не довольствуясь ролью правительственного комиссара, граф лично разъезжал по уезду с отрядом казаков, гоняясь за повстанцами.

Как-то раз один из его шпионов донес графу, что в свой замок вблизи Бреста вернулся его владелец, недавно раненный в сражении с русскими войсками. Шереметев с двумя сотнями казаков внезапно появился перед замком, оцепил его со всех сторон, а затем учинил обыск. Бродя по замку, штаб - ротмистр случайно обнаружил потайную дверь, выстрелом из пистолета разбил внутренний замок и вошел в каморку. Глазам его предстал владелец замка, которого перевязывала жена. Разыгралась сцена, впоследствии описанная Герценом в «Былом и думах». После того как под убийственным взором ослепительной красавицы Шереметев исчерпал обыкновенные аргументы о присяге, долге верноподданного и т.д. и т.п. и пробормотал, что же ему делать, очаровательная панна промолвила:

- Взять небольшой подарок и уйти!

С этими словами она протянула ему, по-видимому, приготовленную заранее золотую, усыпанную бриллиантами шкатулку и вытолкнула ротмистра вон.

Шереметев объявил своим казакам, уже обыскавшимся флигель-адъютанта, что донос оказался ложным, в каморке находится не владелец замка, а раненый бунтовщиком домашний учитель, русский дворянин и верноподданный государя.

Прибыв в свою штаб-квартиру, граф заперся в кабинете, открыл шкатулку и увидел внутри сверкавшую алыми рубинами и зелеными изумрудами диадему прекрасной работы...

...Шло время; в чине генерал-майора Шереметев вышел в отставку и поселился в своем имении в селе Богородском. В 1855 г. император Николай Павлович скончался; в воздухе повеяло переменами, казалось, вся Россия воспрянула духом... Увы, далеко не вся!

К числу недовольных принадлежал и старый граф. Человек он был дальновидный и понимал, что дело идет к освобождению крестьян, причем

не исключалось, что крестьяне освободят себя сами и тогда он и его семейство лишится всего...Нужно было понадежнее спрятать, прежде всего, драгоценную шкатулку с диадемой...И тут старый граф вспомнил, что лет сорок тому назад, когда он приехал как-то в свое село, мальчишки, в его присутствии забравшись на один из кедров, росших в парке, обнаружили там большое дупло. Память у графа была отменная, помнил он не только этот кедр, но и мальчишек, из которых к этому времени остался в живых лишь один Ефрем К - нин.

И вот как-то раз поздним вечером граф призвал его к себе в кабинет. Когда крестьянин вошел, граф протянул ему гербовую бумагу.

- Знаешь ли ты, что это за бумага?

- Не могу знать, ваше сиятельство, - пролепетал испуганный мужик.

- Это вольная для тебя и для твоей семьи. Осталось лишь вписать имена. Но для этого ты прямо сейчас должен оказать мне небольшую услугу.

- Благодетель, отец родной!.. - Ефрем бухнулся на колени. - Все сделаю, только прикажи!..

...Через полчаса барин и мужик, крадучись, как воры, вышли с заднего крыльца уже заснувшего барского дома и крылись в парке. Была глухая полночь, но полная луна на безоблачном небе светила ярко и кедр с дуплом был найден быстро. Ефрем с помощью кошек забрался на дерево, спустил сверху веревку и поднял небольшой сверток промасленной кожи, поданный ему барином. Он запихал сверток в дупло и замазал его смесью опилок со смолой; ведерко с этим составом ему также приготовил барин. Через полчаса оба они опять оказались в знакомом кабинете.

Шереметев обмакнул перо в чернильницу, вписал в бумагу имена и подал ее мужику. Ефрем стал на колени и поцеловал барину руку.

- Ну-ну, - снисходительно промолвил граф. - Теперь этого не требуется, ведь вы, почтеннейший Ефрем Лукич - свободный гражданин! Давайте выпьем по русскому обычаю!

С этими словами граф подошел к буфету, наполнил вином бокал и граненый стакан и чокнулся с Ефремом. Выпили еще и еще раз, закусывая бисквитами.

- Забористое у вас вино, ваше сиятельство, аж огонь по жилам идет, и голова кружится, - бормотал заплетающимся голосом мужик.

- Это у вас от волнения, мой друг, - пояснил граф, осторожно, под ручку, выводя свободного гражданина с крыльца.

...Как сумел добраться Ефрем до своей избы и при этом не потерять зажатую в кулаке вольную, жена и дети так понять не могли. Рано утром нашли его у крыльца, уже умиравшего.

- Залез на дерево - вольная, да не про меня видно писана... - только и сумел промолвить он коснеющим языком.

А, вскорости, и сам граф занемог: видно и в бокал попало немного того черного порошка, что отсыпал он в граненый стакан. Когда, получив депешу, сын примчался в имение, старый граф уже терял сознание, язык уже с трудом повиновался ему.

- В дупле кедра наследство...Господь покарал меня...- только и смог разобрать молодой граф.

Сначала наследник, вспоминая эти слова, считал их бредом умиравшего. Но шло время, капиталистые мужики богородские, освободившиеся от крепостной зависимости, постепенно богатели, а молодой граф беднел. И тут-то он вспомнил о предсмертных словах покойного отца и понял, что в одном из кедров и в самом деле наследство. Да только в каком? И как достать его?

Спилить все кедровые подряд и осматривать их в поисках дупла? Опасно! А ну как крестьяне догадаются в чем дело, раньше барина обнаружат заветное да и утащат?!

И тут граф нашел гениальный ход: спилить вообще все деревья, чтобы никто не догадался и в суматохе лесоповала самому осмотреть их. Так он и сделал: сторговал парк лесопромышленникам за сходную цену, выговорив условие, чтобы десять деревьев по его указанию, были доставлены на барскую усадьбу.

И вот настал день побоища. Один за другим рушились деревья редких пород. Граф был тут как тут, дуплистый кедр обнаружил быстро и по его указанию еще девять деревьев разных пород, обрубив вершины и сучья, доставили на усадьбу. Дупло в кедре было малозаметным да и вообще в горячке на него никто не обратил внимание. Ночью граф прокрался к кедру, вскрыл дупло и, запустив внутрь руку, вытащил сверток со шкатулкой. Остальное известно: граф обратил драгоценности в деньги, и выстроил прекрасный дом в центре Москвы, который и сдавал с большой для себя

выгодой. Перед революцией в нем размещались несколько купеческих контор, две редакции, клуб и апартаменты самого графа.

По иронии судьбы какое-то время в одной из комнат этого здания располагался офис Союза ландшафтных архитекторов России, члены коего неустанно пекутся о сохранении старинных парков.

ПРОИСШЕСТВИЕ В АРЗАМАСЕ.

В архивах каждой прокуратуры имеются так называемые «безнадежные дела» об убийствах. В делах этих содержатся немногочисленные материалы о гибели людей, по которым самые тщательные розыски не дали никаких результатов. Приходило время, и дела эти сдавались в архив. Крайне редко рука человека касалась их, разве что историк-криминалист использовал их в своих штудиях. Нечто подобное имеется и в моем архиве, где сосредоточены криминальные истории прошлого, связанные с изучением природы. Одна из таких неразгаданных тайн – гибель в Арзамасе в 1842 г. молодого натуралиста Ивана Кирилова и пропажа всех бывших при нем бумаг. Впервые я познакомился с этой историей свыше четверти века тому назад и стал собирать материалы и об Иване Кирилове, и о его научном руководителе Григории Силыче Карелине. Тогда-то передо мной в этой давней темной истории и забрезжил луч света...Окончательную же уверенность в правоте своей версии я обрел на уроке географии в моем любимом 8 «д» классе школы №134 весной 1998 года, когда мы обсуждали перипетии несчастного похода Бековича-Черкасского. Позднее эта версия окрепла в беседах с моими любимыми ученицами этого класса, а теперь выпускницами нашего университета Ирой Краевой, Ренатой Майоровой и Машей Малкиной. Эту свою версию я и предлагаю вниманию читателей.

...С 1823 года офицер Корпуса военных топографов Григорий Силыч Карелин начал систематические исследования сначала южного Урала, затем территории Киргиз-кайсацкой орды, как именовали в ту пору Казахстан. В 1840 году его отряд проник в сердце Средней Азии и достиг Семиречья. Удобные пути в Хиву, Бухару и Коканд, тамошняя флора и фауна, геология

местности, месторождения полезных ископаемых – все оказалось в центре внимания неутомимого ученого и его верного помощника и ученика студента Ивана Кирилова.

В июле 1842 года Григорий Силыч отправил Кирилова с научными материалами и депешей на имя тогдашнего министра иностранных дел графа Карла Васильевича Нессельроде (ибо экспедиция Карелина работала вне пределов российских) в Петербург. В те времена путь из Средней Азии в Россию вел через небольшой городок Арзамас. Это был, однако, важный транспортный узел, ибо через него шла дорога на Муром и далее на Москву, а также на Нижний Новгород и через него на Кострому, Ярославль и далее на Петербург. Недаром впоследствии через Арзамас прошли две крупных железных дороги.

В Арзамасе Иван Кирилов остановился в гостинице, где стал приводить в порядок свои материалы перед отъездом в столицу. На третий день его пребывания, вечером, как свидетельствовал рапорт полицмейстера городничему «...трактирный слуга Осип Романов, поднявшись в номер господина Кирилова, имея при себе поднос с ужином, усмотрел дверь приоткрытую и постучал, и не получив ответа, вошел в номер. Глазам его предстало распростертое на полу тело господина Кирилова. Вызванный содержателем гостиницы частный пристав К...нашел, что при покойном оказались только паспорт и подорожная и никаких более бумаг. Осмотром тела уездным лекарем коллежским советником и медицины доктором Б. доподлинно выяснено, что смерть господина Кирилова не от чего иного произойти имела, как от внезапной остановки сердца, из чего Ваше Высокоблагородие изволите усмотреть, что дело это есть несчастной случай, соединенный с воровством, кои обыкновенно в наших гостиницах происходят. О розыске бумаг покойного, особливо депеши Его Сиятельству Господину Министру Нессельроду взяты самые строгие меры».

Однако усердие уездной, а затем и губернской полиции никаких результатов не дало. Масла в огонь подлил рапорт уездного лекаря, утверждавшего, что «...господин Кирилов точно умер от остановки сердца, но исследование органов покойного оставляет в подозрении вероятие отравления малой толикой яда, однако ж весьма сильного...».

Дело это велено было предать забвению, с тех пор числится оно в безнадежных.

Действительно, убийцу спустя свыше полутора ста лет, мы установить не сможем.

Но мы, как кажется, вполне сможем сделать обоснованный вывод, кому была выгодна и смерть Кирилова, и пропажа бумаг экспедиции, как и удаление в 1845 году из Азии и самого Карелина, и хищение из кладовой храма Христа Спасителя коллекций Григория Силыча и поджог в 1872 году его дома со всеми картами, дневниками и записными книжками...

...Январь 1841 года был в Петербурге на редкость холодным, но в кабинете хозяина обширного здания английского посольства было жарко: в камине весело трещали огромные лиственничные поленья. В кресле напротив хозяина сидел человек, к услугам которого посол прибегал изредка и неохотно. Собеседник посла имел весьма скромный чин в дипломатической иерархии, но знал себе цену и держался независимо.

Посол был хмур.

- Я вызвал вас, мой друг, для того, чтобы познакомить с депешей виконта Пальмерстона. Правительство ее величества весьма озабочено активным проникновением русских в Азию. Они уже на пути в Индию, причем идут туда с двух сторон - и со стороны Тегерана на Кабул и со стороны Оренбурга на Хиву...

- Вы драматизируете ситуацию, дорогой сэра. Осада Герата персидской армией, которой руководил сам российский посол, генерал Симонич, снята еще в тридцать восьмом году. Что касается пути из Оренбурга в Хиву, то вы прекрасно знаете, какая сокрушительная неудача постигла на этом пути экспедицию губернатора Оренбурга генерала Василия Перовского через год после гератских событий...

Посол внутренне содрогнулся: как аристократ, он питал снисходительное презрение к своему собеседнику, сыну лондонского констебля, с невероятным упорством выбившемуся в люди. То, что этот сноб имел наглость перебить его, коробило баронета.

- Вы забыли, мой друг, что у России есть не только неудачливые генералы. В этой стране почему-то всегда находится немало волонтеров, готовых лечь костью, как они говорят, «за святую Русь», хотя их отечество весьма скуп на награды...

- Вы имеете в виду Ивана Виткевича, их агента в Кабуле? Но ведь он...хм...нейтрализован! Притом в самый год гибели экспедиции Перовского!

- Да, Виткевич нейтрализован и правительство ее величества, и мы лично высоко оценили ваше усердие в этой операции, но ведь остаются другие волонтеры.

- Кто же именно вас беспокоит, милорд?

- Я имею в виду полковника Карелина. Его руки дотянулись уже до Иртыша и Семиречья. Имейте в виду, что последний пункт - развилка дорог и в Индию, и в Китай. Болтливая «Северная пчела» уже прожужжала про успехи его экспедиций: положенные на карту дороги и даже караванные тропы, разведанные месторождения золота и драгоценных камней, обширный местный рынок для русских товаров. Само собой разумеется, что чисто научные его успехи в зоологии и ботанике нас не беспокоят.

- Я напоминаю вам, мой друг, - продолжал посол, - что джентльмены Сити отнюдь не заинтересованы в том, чтобы богатства природы этого уголка Татарии попали в руки русских. Их беспокоит также опасность потери тамошнего рынка для английских товаров. Что касается правительства ее величества, то оно раз и навсегда заявило, что не потерпит проникновения кого бы то ни было на путях в Индию со стороны центра Азии!

- Мне все ясно, милорд, но осмелюсь напомнить, что вряд ли во второй раз нам удастся инсценировать самоубийство, как в случае с Иваном Виткевичем...

- Посол замахал руками:

- Нет, нет, мой друг, не нужно обсуждать со мной техническую сторону операции! Вы же знаете, я в этих делах профан, и вполне доверяю вам...

...Собеседник посла был, как истинный англичанин, человек флегматичный и основательный. Два месяца он потратил на сбор всей информации, еще и еще раз перепроверяя добытые сведения, и только потом начал действовать. Еще два месяца спустя из Петербурга с интервалом с неделю каждый выехали четыре человека.

Отлично говорившие по-русски, с великолепно изготовленными бумагами, они разными маршрутами добрались до Арзамаса и поселились в разных гостиницах и постоялых дворах. Только специально установленное за ними наблюдение смогло бы выявить, что они ежедневно встречаются в торговых рядах. Но кому же из служителей арзамасской полиции придет в голову следить за купцом третьей гильдии, ремесленником, недоучившимся студентом и отставным чиновником?!

Но если эти четыре человека и не привлекали к себе внимания, то прибытие в сентябре Ивана Кирилова, везущего важные бумаги самому Нессельроде, сразу стало известно всем. После того, как Кирилов побывал у городничего сначала с официальным визитом, а потом и на званом обеде, не только местные чиновники, но и постояльцы гостиниц почли за честь засвидетельствовать свое почтение молодому натуралисту. Среди них был отставной петербургский чиновник Степан Евлампиевич, приехавший в Арзамас присмотреть себе в уезде деревеньку.

У Ивана и Степана Евлампиевича оказались общие знакомые – офицеры оренбургского гарнизона, где когда-то служил племянник Степана Евлампиевича.

На следующий день отставной чиновник, досконально уже изучивший распорядок дня ученого гостя, явился к нему с бутылкой кларета как раз после того, как трактирный слуга вынес из номера Кирилова остатки обеда.

Гость предложил распить бутылку, попросив только Ивана сходить в соседний номер еще за одним стаканом.

Когда тот вернулся, один стакан был уже наполнен. Степан Евлампиевич налил себе в принесенный и, чокнувшись с Иваном, выпил.

Заели бисквитами, и выпили еще и еще.

Расстались они друзьями.

Кирилов, поспав, по обыкновению, часок после обеда, принялся за завершение составления отчета, но вдруг почувствовал странную истому и жжение в сердце...

Теряя сознание, он повалился на пол и в зрачках его невидящих уже глаз отразился силуэт Степана Евлампиевича, деловито засовывающего в саквояж бумаги Ивана Кирилова...

ПРОПАВШАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.

Еще студентом университета, просматривая тома «Курса русской истории» В.О.Ключевского, наткнулся я на упоминание невероятного случая, происшедшего во времена николаевские. Московские судебные

власти начали дело о некоем откупщике. Дело это тянулось несколько лет и составило десятки огромных томов. Велено было его препроводить в Петербург. Наняли подводы, приставили охрану – и дело пропало неизвестно куда! Из Москвы оно выехало, в Петербург не прибыло. Исчезло всё – подводы, лошади, возчики, бумаги, сопровождающие чиновники и солдаты охраны! Несмотря на строжайшее распоряжение самого Николая Павловича все исчезло совершенно без следа!

Случай этот напомнил мне историю, случившуюся в 1858 г. в Варнавинском уезде, числившемся тогда в Костромской губернии.

В то время Военно-топографическое управление Генерального Штаба разослало по губерниям офицеров и нижних чинов для составления подробных карт и сбора статистических сведений. В Костромской губернии этим руководил Генерального Штаба полковник Крживоблоцкий, написавший по материалам своих изысканий книгу, хорошо известную и костромским, и нижегородским краеведам. В Варнавинский уезд им был послан Генерального Штаба поручик Михайлов, а также Корпуса военных топографов прапорщик Малышев и унтер-офицеры Кошенков и Зайцев.

Прошел месяц, другой, но экспедиция поручика Михайлова не возвращалась и вестей о себе не подавала. На запрос полковника из варнавинской уездной полиции поступила депеша, что «...сведений о партии г-на Порутчика Михайлова в уездную полицию не явлено».

Спешно посланный Крживоблоцким его помощник, Генерального Штаба капитан Кокурошников донес рапортом, что встретили его в уезде неприветливо, от помощи уклонились, и ему пришлось самому с двумя унтер-офицерами ехать по следам поручика.

Путь его закончился в деревне Якутино, из которой, по сообщению местных жителей, партия поручика Михайлова двинулась на кордон Медвежий по гати через болото Гнилая Шохра, ведомая местным крестьянином Антоном Степановым.

«По строжайшему расспросу Степанова и прочих жителей деревни, выяснилось, что означенный Степанов страдал расстройством живота, и смог довести партию г-на Михайлова лишь до гати, с которой шла прямая дорога на кордон. Сам же Степанов спешно воротился домой и слег, изнуренный болезнью, от коей оправился лишь через неделю. Сии сведения подтверждаются и показаниями добрых мужиков оной деревни. По

расспросу же обитающих на кордоне работников Степанова, о партии поручика Михайлова они и не слыхивали, и самый тщательный обыск никаких результатов не дал».

Между тем срок командировки полковника и его людей истек, надо было возвращаться в Петербург. Перед отъездом Крживоблоцкий посетил костромского губернатора и попросил помочь в розыске пропавшей экспедиции.

Через месяц Военно-топографическое управление получило отписку из Костромы, что в связи с бунтами крестьян, местные полиция и жандармерия не имеют возможности заняться розысками пропавшей партии поручика Михайлова.

Тон и само содержание отписки были настолько равнодушно-возмутительными, что Крживоблоцкий добился аудиенции у курировавшего военных топографов Президента Императорского Русского Географического общества Великого Князя Константина Николаевича, младшего сына покойного государя Николая Павловича, и попросил его скорейшего вмешательства.

Но тем он только испортил дело!

Константин Николаевич, человек демократических убеждений и противник крепостного права, был на ножах с придворной камарильей, и министр внутренних дел, и шеф корпуса жандармов сделали все, чтобы саботировать поиски.

Уже в советское время, во время торфоразработок на Гнилой Шохре, которая узкой полосой тянется чуть не на десять километров, в свежем торфе нашли истлевшие останки четырех человек в военной амуниции. Несомненно, то были останки Михайлова и его спутников.

Но тогда встает вопрос, как они оказались на болоте вдали от гати?

Ответа на этот вопрос мы, разумеется, никогда не получим, можно лишь выдвигать различные версии. Одну из них я предлагаю вниманию читателей.

...Весть о том, что в Варнавинский уезд прибыли офицеры и нижние чины для производства топографического и статистического описания очень быстро достигла самых отдаленных деревень и починков. Большинство крестьян по старой привычке не ждали от «землемеров» ничего хорошего. Боялся их и житель деревни Якутино Антон Степанов. Был он богат и имел

полтора десятка работников, которые курили смолу, драли и вымачивали лыки и ходили за пчелами, коих было у него тридцать колод.

Со своими товарами ездил Антон не только в Варнавин, но и в Нижний (заметьте себе, что уже в те времена этот уезд тяготел не к Костроме, а к Нижнему Новгороду, что и повлияло, уже при советской власти, на переподчинение его!). Уездные чины знали Антона хорошо, ибо в праздники получали от него по тугесу меда. Знал его и архиерей, поскольку воск для свечей и прочей надобности причта жертвовал Степанов отменный. Был он к тому же человеком грамотным и усердно читал Библию, Жития святых и другие душеспасительные книги.

Так чего же боялся этот тароватый, смирный, богобоязненный мужик?

Верстах в шести от деревни, за болотом Гнилая Шохра был у него маленький починок, отмеченный в лесной карте как кордон Медвежий, где стояла большая часть ульев, и где жили два его работника. Место было глухое, и его односельчане туда не заглядывали.

Как-то, лет за десять до описываемых событий, арендовал Антон казенный лес в округе починка. Плату с него взяли самую малую, ибо лес тот был худосочный сосняк с березняком по песку. С тех пор каждую весну Степанов с работниками потихоньку расчищали поляны, год от году ширились прогалины, пораставшие Иван-чаем, лучшим медоносом тех мест. Как сказали бы мы теперь, расширялась база для пчеловодства, и вместе с тем рос доход мужика.

К описываемому нами времени казенного леса фактически уже не было, а была лишь декорация леса: сплошная густая стена деревьев, а за ней обширные прогалины, перемежающиеся порослью деревьев и кустарников. Лесного смотрителя, время от времени наезжавшего сюда, Степанов умасливал, а как быть с дотошными офицерами – топографами?

Слухи о них ходили один ужаснее другого: то новоросчисть обнаружат, то починок, то сожженный лес и обо всем пишут в бумагах, а взятки не берут вовсе!

Меж тем партия поручика Михайлова прибыла в волость и волостной старшина, кое-как разобрав бумагу с двуглавым орлом, решил определить гостей в Якутино:

- Определяю я вас, ваше благородие, и всю вашу команду к доброму мужику Степанову Антону. Первый он, значит, хозяин по округе, во всей

нашей волости, мужик справный. Лесом кормится и около себя людям работу и хлеб дает. Я его сейчас извещу, и вы завтра к нему в деревню с богом!

На другой день поручик, прапорщик и двое унтеров на подводах прибыли в деревню. Антон, предупрежденный посыльным, угодливо кланялся господам офицерам и отвел всем место наверху, а сам со своей семьей перебрался в подклеть.

Через неделю, произведя съемки ближней округи, Михайлов попросил Антона проводить партию к кордону Медвежьему, известному ему ранее по лесной карте. Лесная карта тех времен была очень схематичной и приблизительной, и ориентироваться по ней было затруднительно.

Услышав просьбу поручика, Степанов похолодел от ужаса, но виду не подал и попросил только два дня отсрочки, ибо наступала суббота, надобно было попариться в баньке, а в воскресенье сам господь бог велел отдыхать от трудов праведных. Михайлов охотно согласился на отсрочку, ибо в баньку пригласили его и спутников, а услужливая работница забрала у «господ землемеров» грязное белье для стирки.

На следующий день Антон встал рано, чуть свет и направился на кордон, где долго совещался со своими работниками. Привезены они были Степановым три года назад из Макарья, и никто не знал, что были они беглыми каторжниками. К их услугам хозяин прибежал лишь в крайних случаях и вот теперь такой случай наступил...

...В понедельник партия, ведомая Антоном, пошла на кордон. Унтера несли геодезические приборы, а поручик с прапорщиком при планшетах шагали налегке. Вооружены все они были пистолетами, унтера сверх того – артиллерийскими тесаками, а офицеры – саблями.

Накануне Антон почувствовал себя плохо, всю ночь маялся животом, и теперь шагал кое-как, опираясь на клюку, и то и дело командируясь в кусты. Наконец он остановился, чтобы перевести дух, и сообщил поручику, что торной тропой он их вести не может, ибо она петляет, сил же идти у него, Антона, более нет, и поведет он их напрямик через лес. Скрепя сердце, поручик согласился, ибо не просто шел по дороге, но отмечал азимуты и отмерял длины ее, чтобы положить на карту.

Через полчаса, поминутно хватавшийся за живот Степан вывел их к болоту; было оно не особо широко, но уходило вправо-влево насколько

хватало глаз. Через болото тянулась гать, то есть набросанные продольные жердины, на которые были уложены поперечные. Всмотревшись, поручик увидел, что она не доходит до противоположного края болота.

- И, ваше благородие! - проговорил Антон, - мы люди простые и торной дороги нам не надобно! Где топко, там и стелем, а где место посуше, да покрепче - так обходимся! Вы, когда до конца гати дойдете, ступайте прямо на сосну-двойняшку, вон она виднеется. Там и тропа начинается, прямо на кордон выведет, до него рукой достать! Вы не сумлевайтесь, тот край болота много суше.

- Ну, спасибо, Антон, - проговорил поручик. - Ступай домой, а мы уж сами дойдем. Да лечись хорошенько.

Беспреданно стонавший Антон скрылся за кустами, а четверо топографов, вооружившись жердинами, пошли через болото.

Вначале они ступали с опаской, но затем осмелели, пошли уверенней. На середине болота остановились, сделали засечки, отметили в планшетах и пошли дальше.

Между тем характер болота менялся. Исчезли чахлые сосенки и березки, кусты багульника и голубики, высокие кочки, поросшие клюквой и морошкой. Болото стало заметно зеленее, на кочках росли теперь сабельник и осока, да и само кочки стали меньше. Но вот гать кончилась и поручик, а за ним и остальные двинулись, прыгая с кочки на кочку, к противоположному берегу, до которого оставалось полтора десятка сажень. Неожиданно, шедший впереди поручик поскользнулся, плюхнулся на зеленую лужайку и тут же погрузился по пояс. К счастью, в руке у него была жердина, которой он оперся на две кочки, правда, тут же погрузившиеся в жижу.

Но тут же рядом с собой Михайлов услышал крик и, обернувшись, увидел, как Кошенков, по-видимому попав в окно, стремительно ушел в трясины, воздев над головой руки. На поверхности плавала только его измаранная бескозырка.

Малышев и Зайцев бросились на помощь поручику, протянули ему жерди и тут же сами провалились сначала по колени, а затем все глубже и глубже...

Все трое, протянув друг другу жерди и ухватившись за них, медленно погружались в трясины и долго еще их крики разносились в окрестном лесу...

Наконец они смолкли. Антон Степанов, наблюдавший из-за кустов агонию топографов и непрерывно читавший по книге отходные молитвы, встал, отложил в сторону припрятанное заранее и ставшее ненужным ружье и ступил на гать. Приблизившись, насколько можно, к месту гибели топографов, он выловил жердиной их фуражки и бескозырки и вернулся назад. На противоположном краю гати из-за кустов показались два его работника с заряженными ружьями и, увидев, что они не понадобились, махнули рукой хозяину и пошли восвояси.

На следующий день работники унесли с болота жерди, имитировавшие гать, и разбросали их по лесу.

Другая, настоящая гать была в полуверсте. По ней работники воротились на кордон и принялись за свои обычные дела.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ИСТОРИЯ ОДНОГО БРАКОНЬЕРА.

В предыдущих разделах наших очерков мы рассказывали о событиях, случившихся в самых разных местах и с самыми разными людьми в прошлом и настоящем. Естественно, что в заключение надлежит рассказать историю, которая, так сказать, объединила бы разнокачественные события. Расскажу-ка я историю про знакомого мне браконьера, в которой задействовано множество самых разных лиц в самых разных местах в самое разное время и последствия которой можно видеть до сих пор...

...Что ни говори, а улицы в центре Нижнего за последние десятилетия стали намного оживленнее и веселее. Пройдитесь по ним в летний день, даже в будни и вы увидите магазинчики, кафе, клубы, рестораны, переполненные праздной публикой. По улицам фланируют толпы беспечной молодежи в самых оригинальных нарядах; здесь же пони, уличные музыканты, хироманты, зазывалы и т.д. и т.п.

Веселье, беспечность кажутся разлитыми в самой атмосфере Покровки, Рождественской, Алексеевской улиц...

А теперь вообразите себе мое состояние, когда я, обследуя липы на Покровке, шел, совершенно уже наполненный ее беспечным и бездумным весельем и вдруг в уши мои ударил мрачный грохот похоронного марша!

Из дверей одного из самых фешенебельных ресторанов выплывал гроб, а за ним с черными траурными повязками на рукавах показались известные мне завсегдатаи этого заведения: богатенькие беспечные студенты, удачливые молодые скоробогачи, коренастые наголо бритые полууголовные молодчики и богемного вида парни и девушки.

- Кого хоронят? - спросил я у одного из шедших за гробом.

- Нашего старикана, папашу Свеклина.

- Как?! Того самого Свеклина?! - изумился я и, вперив очи в покойника, убедился, что так оно и есть!

Свеклин! Легендарная личность, последний могикан из числа профессиональных нижегородских городских браконьеров! Он был знаком мне с тех времен, когда верстаки наши в цеху стояли бок об бок. Отдавая долг памяти, расскажу все о нем без утайки!

В те времена, когда я работал на заводе «Орбита», работал там среди прочих слесарь-механик Свеклин. Был он, что называется, мастер-золотые руки, и, как большинство людей этой категории, он был склонен к употреблению спиртных напитков. Спустя какое-то время он стал склонен уже к злоупотреблению оными, а потом вовсе стал запойным пьяницей. В конце-концов жена добилась его водворения в ЛТП. Вышел он оттуда через год и был окончательно утвержден в звании алкоголика: зарплату ему на руки не выплачивали, ее получала жена, выдавая ему 50 копеек на комплексный обед в заводской столовой и 12 копеек на проезд на работу и обратно. А меж тем не только брэнное его тело, но и душа жаждали спиртного! Конечно, товарищи по работе время от времени угощали его, поднося стопку-другую, но для нашего героя это были воробьиные дозы! Много же употреблять Свеклин не решался, боясь гнева своей супруги: его жена была здоровенная бабища без комплексов, виртуозно владевшая солдатским ремнем с тяжелой пряжкой.

Товарищи по работе жалели его, и некоторые даже пытались как-то отвлечь Свеклина от водки; в числе их был председатель цеховой ячейки заводского общества рыболовов Самодлин. Как-то раз он пригласил его с собой на рыбалку в выходной, пообещав, что удочки и все прочее даст сам.

Жена Свеклина сначала не хотела его пускать, но потом смиростивилась. Каково же было ее удивление, когда в воскресенье вечером он вернулся с рыбалки на заводском автобусе посвежевшим, трезвым и вдобавок с двумя окуньками!

На следующий день мадам Свеклина купила своему мужу удочку со всеми принадлежностями, термос, рюкзак и книжку «Любитель – рыболов». С тех пор Свеклин сделался заядлым рыболовом, и, как положено настоящему рыбаку стал терпелив, осторожен и стал упорно обдумывать способы как следует напиться. Как-то раз, возвращаясь домой в очередное воскресенье, он, проходя мимо магазина «Таран» что на Сенной, увидел у его дверей свою соседку по подъезду старушку Макарову по прозвищу Божий Одуванчик. Она продавала речную рыбу и по очень хорошей цене! Тут в голове нашего героя созрел план, и Божий Одуванчик его план поддержала!

С тех пор Свеклин стал часть рыбы отдавать старушке и получать деньги. Через полгода в его заначке скопилось уже 200 рублей. Это была сумма! Наконец-то Свеклин смог осуществить свою мечту и напился до бесчувствия!

Позднее он рассказывал мне, что не помнит, как он добрался домой, как жестоко драла его жена (только спина и то, что пониже нестерпимо болели два дня). Помнил он по его словам только одно – блаженное ощущение кайфа, после того, как выкушал бутылку «Столичной».

Через месяц эта история повторилась, и жена выгнала его из дому.

Но Свеклина эта история несколько не смутила! Он заранее договорился с Божьим Одуванчиком и перебрался к ней на квартиру.хлопот с ним было немного: два раза в день накормить, раз в неделю постирать и два раза в месяц потерпеть его пьяную рожу, тем более, что во хмелю он был тих.

Зато доход старушки Макаровой возрос ровно вдвое!

На завод он ходить перестал и дни целые пропадал у острова Печерские Пески, орудуя уже не только удочками и спиннингом, но и запрещенными снастями.

Через две недели к нему явился профорг участка электромонтажник Гаврилов и передал ему требование начальства: либо явиться на работу, либо написать заявление об увольнении.

Выслушав профорга, Свеклин вытащил из чемодана свой паспорт, профсоюзный билет, военный билет и заводской пропуск, на глазах

остолбеневшего профорга разорвал их на мелкие клочки, а затем вытолкал Гаврилова на лестничную клетку и на прощание крикнул ему:

- Больше ко мне не ходите! ... я вас всех!

Отсутствие документов было ему на руку. «Нет документа – нет и протокола!» - говорил он мне.

Так бы жил он да жил у старушки Макаровой, но случилось неизбежное: старушка умерла, а его племянница, прописанная у нее в квартире, вытурила Свеклина на улицу.

К счастью, за полгода до того, Свеклин отыскал на окраине слободы Печеры врезанный в береговую кручу сарай, оставшийся на месте снесенной усадьбы. Фактически это была просторная пещера, обшитая изнутри просмоленными корабельными досками. Свеклин навесил две двери, сложил печку, благо кирпичей, досок и железяк в поселке было полно, перенес туда свой немудреный скарб и зажил совершенным уже отшельником. Замерзнуть он не боялся, ибо сухих сучьев в нагорной дубраве, рядом с его пещерой было полно.

Круглый год, разве что за исключением очень сильных морозов, проводил он на Волге, орудуя запрещенными снастями. Рыбу он продавал сам у того же магазина «Таран». На вырученные деньги он покупал соль, спички, мыло, свечи и кое-какую еду. Все остальное – одежду, обувь, кухонную утварь он собирал на помойках. Как ни странно, но от спиртного он постепенно совершенно отвык.

Я скоро узнал об этом и по просьбе своей жены, женщины сердобольной, наладил с ним прямой товарообмен. Раз в неделю я приносил ему свечи, кое-какие продукты, иногда – поношенные, но чисто выстиранные белье и одежду и забирал у него часть рыбы. Как сейчас помню свое посещение его в начале зимы 1984 года.

Каким уютным показалось мне это жилище отшельника с весело гудящим огнем в печке, с котелком, из которого доносился аромат ухи!

И сам отшельник – заросший волосами, обветренный, с заскорузлыми руками, в которых он держал подаренную ему в Печерской церкви Библию!

Простуженным сипловатым голосом читал он мне Книгу пророка Иеремии и сам казался мне одним из тех пророков, что выходили из потаенных пещер по-над Иорданом проповедовать слово божие по городкам Иудеи, Самарии и Галилеи...

...Но всему приходит конец. О необычном отшельнике узнала милиция. Сама по себе она, конечно, не тронула бы Свеклина – он был существом безобидным, но в дело включился городской комитет по природопользованию и охране среды, не пожелавший терпеть браконьера в черте города. Свеклина увезли в милицейском УАЗе, позволив взять с собой только Библию, а, поскольку документов у него не было никаких, и назвать себя он отказался, его поместили в приемник-распределитель.

На его счастье, через неделю это учреждение посетил благотворитель, владелец одного из ресторанчиков на Покровке. Он привез в подарок обитателям сего заведения импортные подарочные наборы, в которых были крем для загара, пакетики со жвачками и презервативами, гребешок и зеркальце, на обороте коего красовался портрет Его Высокого Святейшества Папы римского Иоанна Павла II.

Благообразное, окаймленное чудесной бородой лицо Свеклина, его плавная, тихая речь, перемежаемая цитатами из Библии, произвели неотразимое впечатление на владельца ресторанчика, который забрал его с собой, определив швейцаром. Жить Свеклин стал там же, в маленькой комнатке рядом с черным ходом.

И как же импозантно выглядел наш герой, одетый в шитый серебром мундир швейцара! С какой величавой снисходительностью принимал он чаевые у посетителей!

Скоро Свеклин сделался кумиром всей нижегородской золотой молодежи, валом повалившей в это доселе малопосещаемое учреждение общепита; за какой-нибудь год доход владельца ресторана увеличился более чем в пять раз!

К сожалению, счастье Свеклина длилось недолго. Через три года он заболел: сказались годы лишений и его собственная мягкость, не позволявшая ему отказаться выпить стопку- другую с посетителями за свое здоровье. С диагнозом цирроза печени он был определен в 1 городскую клиническую больницу. И хотя владелец ресторана, пытаясь спасти своего протеже, закупил дорогостоящие импортные лекарства, спасти бедолагу не удалось.

Скромный памятник его на Канавинском кладбище у Сортировки украшает изображение рыбы – символа его занятий и вместе с тем символа христианства, к таинствам коего он приобщился под конец жизни.

